

**Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого**

На правах рукописи

Гусаров Константин Владимирович

УДК 347.9

**ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ**

**Специальность 12.00.03 - гражданское
право и гражданский процесс;
семейное право;
международное частное право**

**Диссертация на соискание ученой степени кандидата
юридических наук**

**Научный руководитель:
член-корреспондент Академии
правовых наук Украины, кандидат
юридических наук, профессор
Комаров Вячеслав Васильевич**

ХАРЬКОВ - 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
-----------------------	---

Раздел 1. Гражданская процессуальная правосубъектность как научная проблема

1.1. Понятие гражданской процессуальной правосубъектности.....	15
1.2. Реализация гражданской процессуальной правосубъектности.....	27

Раздел 2. Гражданская процессуальная правосубъектность органов судебной власти

2.1. Содержание гражданской процессуальной правосубъектности органов судебной власти.....	38
2.2. Гражданская процессуальная правосубъектность суда первой инстанции.....	51
2.3. Гражданская процессуальная правосубъектность суда кассационной инстанции.....	80
2.4. Гражданская процессуальная правосубъектность суда надзорной инстанции.....	99

Раздел 3. Гражданская процессуальная правосубъектность участников гражданского процесса

3.1. Гражданская процессуальная правосубъектность сторон и третьих лиц.....	112
3.2. Гражданская процессуальная правосубъектность прокурора, органов государственного управления (местного самоуправления)	138

3.3. Гражданская процессуальная правосубъектность лиц, содействующих осуществлению правосудия.....	157
Заключение.....	171
Список использованной литературы.....	174

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Принятие Конституции Украины – одно из наиболее значительных достижений в реформировании законодательства Украины.

На современном этапе судебно – правовой реформы актуальными является разработка и принятие нового Гражданского процессуального кодекса Украины (в дальнейшем - ГПК). При этом приоритетное значение имеют вопросы правового статуса органов судебной власти и участников гражданского судопроизводства, а потому и гражданской процессуальной правосубъектности в целом. Наиболее актуальной является концептуальная характеристика гражданской процессуальной правосубъектности. Эта научная задача имеет кардинальный характер, поскольку требует исследования широкого круга фундаментальных вопросов: историко – правового анализа гражданской процессуальной правосубъектности, особенности ее структуры, содержания и реализации правосубъектности суда и участников процессуальной деятельности.

Теория правосубъектности как юридическая конструкция прошла долгий путь развития, начиная его с гражданского права. В теории гражданского процессуального права она специально исследовалась с 1962 г. и имела различные интерпретации. По мнению некоторых авторов, существует единая правосубъектность, объем которой одинаковый для всех субъектов гражданского судопроизводства. Другие ученые считают, что единой правосубъектности для всех участников процесса не существует и каждый субъект наделен конкретными гражданскими процессуальными правами и обязанностями.

Актуальность темы исследования определяется и тем, что на протяжении развития процессуального законодательства по – разному осуществлялась законодательная регламентация прав, обязанностей и полномочий субъектов процессуальной деятельности.

Проблема гражданской процессуальной правосубъектности является актуальной еще и потому, что методологический уровень ее исследования дает основания утверждать, что он достиг, так сказать, гносеологического предела. Однако эта проблема окончательно так и не решена.

Связь работы с научными программами, планами, темами Национальной юридической академии Украины имени Ярослава Мудрого. Диссертация выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ кафедры гражданского процесса в рамках Государственной целевой комплексной программы “Проблемы усовершенствования организации и деятельности суда и правоохранительных органов в условиях формирования социального, правового, демократического государства” (государственная регистрация № 0186.0.099031).

Объект и предмет исследования. *Объектом исследования* является гражданская процессуальная правосубъектность как фундаментальный институт гражданского процессуального права. *Предмет исследования* – гражданская процессуальная правоспособность, дееспособность и конкретные субъективные права, обязанности и полномочия субъектов гражданского процессуального права.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы гражданской процессуальной правосубъектности исследовались в работах таких процессуалистов, как Н.И. Авдеенко, П.С. Дружкова, П.Ф. Елисейкина, В.В. Комарова, А.А. Мельникова, Ю.К. Осипова, С.М. Пелевина, Е.Г. Пушкаря, Д.М. Чечота, М.С.Шакарян, М.И. Штефана, В.Н. Щеглова, С.А. Якубова, В.В. Яркова и некоторых других авторов.

В той или иной степени эти проблемы освещались также в учебниках по гражданскому процессу. Что же касается системного и комплексного их исследования, то в диссертации это осуществлено впервые.

Цель и задачи исследования. *Целью* исследования является комплексный научный анализ проблем гражданской процессуальной правосубъектности, формулирование теоретических положений и практических

выводов, направленных на развитие теории гражданского процессуального права, усовершенствование гражданского процессуального законодательства и судебной практики.

Цель диссертационного исследования определила *задачи* научного поиска:

- исследовать и изучить предпосылки, структуру и природу гражданской процессуальной правосубъектности;
- осуществить историко – правовое исследование генезиса теории правосубъектности в гражданском процессуальном праве с учетом особенностей указанного института в иных отраслях права;
- изучить структурные компоненты гражданской процессуальной правосубъектности суда относительно различных участников процессуальной деятельности;
- дать доктринальное толкование действующего законодательства в пределах диссертационного исследования, а также внести предложения, направленные на его усовершенствование.

Методология и теоретическая основа исследования. *Методологическую* основу диссертационного исследования составляют использованные автором историко-правовой, сравнительно-правовой, системный, структурно-функциональный, формально-логический и иные общенаучные и специальные методы исследования.

Теоретическая база. В качестве теоретической базы исследования были использованы труды указанных выше ученых - процессуалистов, а также С.С. Алексеева, А.Т. Боннера, С.Н. Братуся, Е.В. Васьковского, С.В. Васильева, А.В. Венедиктова, М.А. Викут, В.П. Воложанина, Г.А. Гурвича, Р.Е. Гукасяна, Л.М. Давыденко, А.А. Добровольского, И.М. Зайцева, С.А. Ивановой, О.С. Иоффе, С.Ю. Каца, О.А. Красавчикова, С.В. Курылева, В.К. Пучинского, И.В. Решетниковой, Н.И. Руденко, В.И. Сапункова, Г.А. Светличной, Д.М. Сибилева, В.И. Тертышникова, Ю.Н. Тодыки, И.В. Удальцовой, Н.А. Чечиной, М.В. Цвика, К.С. Юдельсона и других, что позволило оценить состояние исследуемых

проблем и воссоздать целостную картину того, что было сделано, определить круг вопросов, которые остались за пределами исследований теоретиков гражданского процессуального права и других отраслей права.

Научная новизна диссертационного исследования. В результате диссертационного исследования автором сформулированы и обоснованы новые теоретические и практические выводы, которые выносятся на защиту:

– гражданская процессуальная правосубъектность определяется как неотъемлемый и специфический элемент механизма правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений и как такой, что обеспечивает “перевод” нормативности гражданского процессуального права в сферу осуществления правосудия и реализацию права на судебную защиту. Как элемент механизма правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений, гражданская процессуальная правосубъектность конкретизирует сферу этих правоотношений, соответствующую отрасль законодательства и правовой статус субъектов процессуальной деятельности;

– с учетом того, что по своей сути осуществление правосудия требует разрешительного порядка правового регулирования как неотъемлемого признака классического судебного процесса, сделан вывод, что гражданская процессуальная правосубъектность должна толковаться не только как общее условие возникновения различных гражданских процессуальных правоотношений, но и как содержательная характеристика реализации предоставленных прав всеми субъектами процессуальной деятельности при осуществлении правосудия;

– определенный доктринальный подход к сущности и сфере гражданской процессуальной правосубъектности дал возможность прийти к выводу, что гражданская процессуальная правосубъектность как самостоятельная юридическая конструкция, в отличие от иных отраслей права, особенно частного, определяет и правовой статус, и правовой модус субъектов гражданской процессуальной деятельности;

– учитывая конструкцию гражданской процессуальной правосубъектности и ее функцию в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений, автор определил законодательный подход относительно ее закрепления в гражданском процессуальном законодательстве. Он сводится к тому, что не только сфера, но и правосубъектность требует определенного определения в законе исходя из разрешительного порядка правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений;

– на основе анализа действующего законодательства и авторского подхода к исследованию гражданской процессуальной правосубъектности сделан вывод, что в гражданском процессуальном праве невозможно существование “единой” правосубъектности для всех субъектов гражданского процессуального права (как это имеет место в гражданском материальном праве и что воспринято общей теорией права), а существует правосубъектность органов судебной власти и каждого участника гражданских процессуальных правоотношений;

– сформулировано положение, что регламентация правосубъектности, которая содержится в ст. 100 и 101 ГПК, распространяется только на стороны и третьи лица, поскольку законодательный объем гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности различен относительно каждого участника гражданского процесса, поскольку все субъекты гражданского процессуального права имеют различные права и обязанности с учетом конкретного процессуально - правового положения, которое они занимают в процессе. Кроме того, содержание элементов гражданской процессуальной правосубъектности для каждого субъекта гражданского процессуального права является специфическим;

– с учетом актуальности и необходимости разрешения вопроса, связанного с формированием судебной системы и судебных гражданских юрисдикций, обосновывается положение, что правосубъектность органов судебной власти должна формулироваться в соответствии с требованиями ст.

124 Конституции Украины, где предусмотрена неограниченная юрисдикция судов, распространяющаяся на все правоотношения, возникающие в государстве. Это стало основанием для вывода о целесообразности принятия Гражданского процессуального кодекса как единого нормативного акта, который предусматривал бы правила судопроизводства для всех цивилистических судебных процедур;

– правосубъектность органов судебной власти имеет структурированный характер и состоит из предметных и функциональных полномочий. Предметные – это такие полномочия органа судебной власти, которые определяют пределы компетенции определенного судебного органа, а функциональные – связаны с решающими действиями суда по руководству гражданским процессом;

– обосновывается положение, что гражданская процессуальная правосубъектность органов судебной власти воплощается в их компетенции согласно полномочий той или иной судебной инстанции. Что касается правосубъектности суда первой инстанции, то ее составными частями является юрисдикция, подведомственность и подсудность как предметные полномочия наряду с этим объем правосубъектности органов судебной власти определяется и определенными функциональными полномочиями. Гражданская процессуальная правосубъектность органов судебной власти, которые по действующему законодательству осуществляют пересмотр судебных постановлений, сводится также к кругу предметных и функциональных полномочий, которые обладают специализированным характером относительно определенного звена судебной системы. Для указанных судебных органов предметные полномочия определяются объектом пересмотра судебных постановлений, а функциональные состоят, в первую очередь, из компетенции относительно отмены или изменения судебного решения;

– в результате исследования правосубъектности органов судебной власти делаются кардинальные выводы о необходимости введения в новый ГПК

институтов предварительного судебного заседания, приказного производства, заочного решения, апелляции и нового по содержанию института кассации;

– на основе исследования существующих институтов кассации и надзорного производства сформулированы предложения относительно необходимости введения в ГПК институтов апелляции и новой по содержанию кассации, а также функциональных полномочий апелляционной и кассационной инстанций в связи с пересмотром решений;

– анализируется и аргументируется точка зрения, что гражданская процессуальная правосубъектность сторон и третьих лиц состоит из правоспособности, дееспособности и конкретных субъективных прав и обязанностей. В отличие от иных лиц, принимающих участие в деле, для сторон и третьих лиц правоспособность и дееспособность не составляют органического единства, поскольку реализовывать их права и обязанности могут их представители;

– учитывая состязательные начала судопроизводства по гражданским делам, которые должны быть возобновлены в правосубъектности сторон, автор предлагает закрепить в гражданском процессуальном законодательстве процедуру явки сторон не как пассивную явку в суд, а как явку с целью обмена состязательными бумагами и осуществлении иных процессуальных действий. Обосновывается предложение относительно возможности окончания дела по существу при процедуре явки сторон;

– предлагается дополнить ст.107 ГПК частью второй, где закрепить положение, что при вступлении в процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора в процессе судебного разбирательства, суд должен по ходатайству истца или ответчика отложить рассмотрение дела для подготовки сторон к защите против предъявленного иска;

– на основании того, что Закон Украины “О прокуратуре” не является процессуальным нормативным актом, обосновывается положение, что в нем

возможно существование бланкетной нормы, которая бы закрепляла только возможность участия прокурора в гражданском процессе, не предусматривая при этом его полномочий. Детальный перечень и объем последних во всех стадиях судопроизводства должен быть закреплен исключительно в процессуальном законодательстве;

– анализируя гражданскую процессуальную правосубъектность прокурора, на основании того, что в ст. 121 Конституции Украины одной из функций прокуратуры предусмотрено представительство интересов гражданина или государства в суде с целью защиты прав последних, автор сформулировал понятие и признаки указанного представительства. Под представительством прокуратуры в суде с целью защиты интересов гражданина или государства следует понимать такое представительство, при котором прокурор как представитель государства, действующий на основании закона, защищает в суде интересы государства (определяющиеся в каждом конкретном случае отдельно) или неопределенного круга лиц. Высказаны предложения о необходимости предусмотрения в ГПК условий участия прокурора в гражданском судопроизводстве;

– в результате исследования проблем гражданской процессуальной правосубъектности органов государственного управления, местного самоуправления и общественных организаций, а также иных органов (лиц), защищающих в процессе “чужой” интерес, обосновывается точка зрения о ограничении полномочий указанных субъектов в гражданском судопроизводстве, поскольку существование этого института связывалось с активным вмешательством государства в частно – правовые отношения. Целесообразность участия в гражданском процессе названных субъектов процессуальной деятельности автор связывает с отдельными случаями защиты персонифицированных интересов (например, при защите прав потребителей);

– обосновывается предложение относительно внедрения в ГПК нормы о правах и обязанностях свидетеля, где целесообразно закрепить их содержание как элементов гражданской процессуальной правосубъектности этого субъекта;

– на основании ст. 63 Конституции Украины обосновывается положение о правовом регулировании иммунитета свидетеля как права последнего отказаться от дачи показаний против себя и своих близких. Высказываются предложения относительно особенностей допроса как свидетелей лиц, которые в соответствии с законом или локальными нормативными актами обязаны не распространять определенную информацию;

– в результате исследования гражданской процессуальной правосубъектности эксперта предлагается более полно определить его правовой статус в гражданском процессе определенными правами и обязанностями. В то же время, по мнению диссертанта, неограниченная реализация экспертом права экспертной инициативы (права субъекта выйти за пределы поставленных на его рассмотрение вопросов, если при производстве экспертизы он установил обстоятельства, имеющие значение для дела) может привести к нарушению принципа состязательности гражданского процессуального права;

– при исследовании гражданской процессуальной правосубъектности специалиста и переводчика высказано предложение о более полном законодательном закреплении их прав и обязанностей, осуществлен сравнительный анализ гражданской процессуальной правосубъектности указанных лиц;

– предлагается редакция соответствующих норм действующего законодательства относительно предварительного судебного заседания, полномочий суда апелляционной и кассационной инстанций, а также отдельных статей, которые, по мнению автора, должны содержаться в новом ГПК.

Личное участие соискателя выражается в формулировании предмета научного исследования, что предопределило саму логику научного поиска и возможность получения новых научных выводов и обобщений. Реализуя задачи диссертационной работы, автор получил результаты, которые характеризуют его новизну, позволяющую квалифицировать сделанные автором выводы и предложения как реальный вклад в теорию гражданского процессуального права

и дифференцировать их от тех, которые формулировались иными учеными, в той или иной степени исследовавших вопросы, к которым обращался и автор.

Теоретическое и практическое значение диссертационного исследования определяется новизной диссертационного исследования и состоит в развитии теории гражданского процессуального права, возможности ее использования для разработки концепции нового ГПК Украины, формирования правоприменительной практики судов при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для совершенствования программ учебных дисциплин “Гражданский процесс”, “Арбитражный процесс”, “Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел” и др., а также в преподавании названных курсов, при подготовке учебных книг и учебно-методических пособий.

Апробация результатов исследования. Теоретические выводы, сформулированные в диссертации, были доложены и обсуждены на заседаниях кафедры гражданского процесса, на международных конференциях «Проблемы немецкого и украинского гражданского процессуального права» (г. Тюбинген, ФРГ, 2000 г.), «Украина - Греция: историческое наследие и перспективы сотрудничества» (г. Мариуполь, Украина, 1999 г.) и на научном семинаре в рамках Совместного Европейского Проекта “TEMPUS TACIS” (г. Лондон, Великая Британия, 1999 г.).

Некоторые выводы, сформулированные в диссертации, были высказаны и обсуждены на конференциях молодых ученых и аспирантов “Становление правовой системы демократической Украины и юридическая наука” (октябрь 1998г., г.Харков), “Актуальные проблемы юридической науки” (апрель 2000г., г.Харков), “Актуальные проблемы правоведения Украины” (июнь 1996г., г.Харков; январь 1997г., г.Харков).

Публикации. Основные положения диссертации отображаются в пяти научных статьях, три из которых опубликованы в научных профессиональных

периодических изданиях, утвержденных Высшей аттестационной комиссией Украины и четырех тезисах научных докладов.

Р а з д е л 1

Гражданская процессуальная правосубъектность как научная проблема

1.1. Понятие гражданской процессуальной правосубъектности

Учение о правосубъектности прошло долгий путь своего развития [1, с. 13-17; 2, с. 15-30]. В теории права и отдельных юридических науках не существует единства мнений относительно значения, смысла и юридической природы правосубъектности. Пионерами в исследовании правосубъектности явились ученые-цивилисты. Ощутимый вклад в развитие этой проблемы внесли С.Н.Братусь [3, с. 64], А.В.Венедиктов [5, с. 234], О.С.Иоффе [6, с. 12; 7, с. 63], О. А. Красавчиков [8, с. 26] и некоторые другие.

В ранних работах указанных авторов зачастую происходило отождествление понятий правоспособности, дееспособности, правосубъектности. Так, А.В.Венедиктов отождествлял понятия правоспособность и дееспособность, указывая, что правоспособность (дееспособность) - это способность иметь права и обязанности, способность быть самостоятельным (особым) носителем, субъектом этих прав и обязанностей [9, с. 86]. Созвучное мнение высказывал и С.Ф.Кечекьян. Он полагал, что необходимо различать правоспособность как общую, абстрактную возможность приобретения прав, общую способность быть субъектами права; и специальную (конкретную) правоспособность как способность обладать данного рода правами. Дееспособность, по его мнению, является не чем иным, как видом специальной правоспособности, способностью иметь права на совершение действий, вызывающих юридические последствия. Тождественность понятий правоспособности и правосубъектности кажется несомненной [10, с. 85, 86].

С.Н.Братусь понимал правоспособность как право быть субъектом прав и обязанностей. Правоспособность и правосубъектность, по его мнению,

равнозначные понятия. Правоспособность - это лишь суммарное общее выражение всевозможных проявлений субъективных прав, та общая основа, без которой невозможны конкретные правомочия. Существенная черта правоспособности - связь прав и обязанностей. Кроме правоспособности, С.Н.Братусь различал общую и специальную дееспособность. Последняя, по его мнению, обычно возникает одновременно с возникновением специальной правоспособности (брачная право- и дееспособность, трудовая право- и дееспособность) [4, с. 6, 13, 36, 84].

Чем же было вызвано отождествление этих понятий? Вероятно, тем, что правоспособность (правосубъектность) зачастую понималась как способность иметь права и обязанности, быть самостоятельным носителем этих прав и обязанностей, то есть в определение правоспособности включалось и определение дееспособности.

В более поздних работах цивилистов происходит разграничение понятий правоспособности, дееспособности и правосубъектности, хотя, как правило, речь шла об их разграничении в гражданском праве. Так, тот же А.В.Венедиктов в своей более поздней работе указывал, что разграничение правоспособности и дееспособности имеет значение для гражданского права и лишено практического и теоретического значения для тех отраслей права, в которых дееспособность возникает одновременно и при наличии одинаковых условий с правоспособностью, как это имеет место в трудовом праве. Закон признает каждого гражданина субъектом права, но это не означает, что он признает за ним способность быть носителем прав и обязанностей в любой области правоотношений независимо от характера этих правоотношений и тех условий, наличие которых необходимо для признания за гражданином способности быть носителем прав и обязанностей в данной области правоотношений.[11, с. 18].

В отличие от указанных авторов, Н.Г.Александров считал возможным выделять правоспособность и дееспособность как самостоятельные категории, хотя и считал, что это, прежде всего, категории цивилистики. Понятию правоспособности, которым оперирует преимущественно цивилистическая

наука, в теории государственного права, по мнению Н.Г.Александрова, может соответствовать понятие правового статуса, выражающее отношение индивида к государству. В цивилистической науке правоспособность мыслится как чисто пассивное свойство - способность быть «носителем» прав и обязанностей, независимо от способности своими действиями приобретать права (и обязанности) и осуществлять их. Напротив, дееспособность мыслится как активное свойство, предполагающее способность к совершению волевых актов, имеющих юридическое значение, и к деятельному осуществлению правомочий и обязанностей. Отсутствие дееспособности у правоспособного, но недееспособного субъекта восполняется деятельностью его представителя [12, с. 164, 156, 173].

В последующем это течение в науке прослеживается в ряде работ. Так, О.А.Красивчиков в своих работах исследовал не только право- и дееспособность, но определил и содержание правоспособности и правосубъектности. Под правоспособностью он понимал реальную возможность принимать участие граждан в разнообразных отношениях по удовлетворению своих материальных и культурных потребностей. Содержание правоспособности - способность иметь определенные права и обязанности. Дееспособность, как и правоспособность, является общей правовой предпосылки к правообладанию и включает в себя способность своими действиями приобретать права и создавать для себя обязанности, способность своими действиями осуществлять права и обязанности, способность нести гражданско-правовую ответственность за совершение данным лицом правонарушения (деликтоспособность) [8, с. 107, 111, 114, 115]. Что же касается правосубъектности, то ее содержание, по мнению О.А.Красавчикова, состоит из правоспособности и дееспособности. [13, с. 37].

О.С.Иоффе, исследуя правосубъектность применительно к гражданскому праву, отметил, что дееспособностью обладают далеко не все субъекты гражданского права. Гражданская правосубъектность лица (правоспособность и дееспособность) составляет необходимую предпосылку появления у него

гражданских прав и обязанностей. При этом гражданская правосубъектность дает ему возможность иметь не только те права, которыми данное лицо обладает, но и любые иные права, обладание которыми ему дозволено законом [14, с. 102, 103]. В коллективной работе М.Д.Шаргородским и О.С.Иоффе сделан акцент на то, что в правосубъектности правоспособность и дееспособность не обязательно должны совпадать в одном лице. Эта особенность применительна только к гражданской правосубъектности [15, с. 211]¹.

Как видно, развитие теории правосубъектности свидетельствует о неоднозначности определения ее содержания. В литературе того периода просматривается также и тенденция выделять общую, отраслевую и специальную правосубъектность. Так, А.В.Венедиктов отмечал, что способность быть носителем прав и обязанностей в различных областях правоотношений может быть определена как его общая правосубъектность; способность быть носителем прав и обязанностей в определенной области правоотношений - как его отраслевая правосубъектность: административная, гражданская, трудовая и т.д. Общая правосубъектность гражданина проявляется в отраслевой правосубъектности [11, с. 17-28].

Н.Г.Александров также отличает специальную трудовую правдееспособность (правосубъектность), обладание которой необходимо для вступления в некоторые трудовые правоотношения специфического характера [12, с. 193].

С.С.Алексеев к приведенной классификации правосубъектности присоединяет и такой ее вид, как специальная правосубъектность, то есть способность лица быть субъектом определенного круга правоотношений [16, с. 282].

После появления работ цивилистов правосубъектность получила свое развитие в общей теории права. При этом каких – либо существенных, принципиально новых позиций теоретиками права выдвинуто не было, они взяли

---

¹ Считаем, что данная особенность правосубъектности появляется и в гражданском процессе. Во время написания цитируемой работы (1961г.) еще не было работ, посвященных

за основу постулаты цивилистов [17, с. 68; 18, с. 87; 19, с. 65-76; 20, с. 34; 21, с. 56; 22, с. 76; 41, с. 120].

Среди теоретиков права, как и среди цивилистов, не существовало и не существует единого мнения о правосубъектности. Так, Ю.К.Толстой в одной из первых работ, посвященных теории правоотношений, отрицал существование правосубъектности как самостоятельного института, отождествляя последнюю с правоспособностью: «Правоспособность – право иметь права и обязанности, признанные объективным правом. От правоспособности следует отличать и дееспособность, то есть своими действиями принимать и осуществлять права и обязанности... Для разграничения понятий правоспособности и правосубъектности нет ни теоретических, ни практических оснований» [23, с. 9-11].

Противоположной точки зрения придерживался А.В.Мицкевич, который отождествлял правосубъектность с правовым статусом, то есть с совокупностью прав и обязанностей, при этом полагая, что разграничения право- и дееспособности совершенно необходимо и для имущественных правоотношений граждан, регулируемых гражданским правом. Без такого разграничения невозможно было бы, например, наследование малолетними детьми, пользование жильем и т.д. [24, с. 48, 49].

Известной новизной обладала позиция С.С.Алексеева, который признавал, что правосубъектность является общественно – юридическим свойством, которое нормы права придают лицам в соответствии с потребностями общественного развития. Правосубъектность является первичным звеном конкретизации юридических норм, где определяется общее юридическое положение субъекта: субъекты становятся в то или иное отношение друг к другу [16, с. 277, 279]. Следует отметить, что этот аспект характеристики правосубъектности детально отражает этапы реализации правового статуса субъекта права. Однако представляется, что он сужает содержание самой правосубъектности.

Что касается учения о правосубъектности в иных отраслях права, то следует отметить, что оно получило известное развитие в административном, трудовом, гражданско-процессуальном праве [12, с. 182, 193; 25, с. 87; 26, с. 94; 27, с. 44, 46-68; 28, с. 75; 29, с. 115]. Среди процессуалистов институт гражданской процессуальной правосубъектности впервые подвергнут исследованию Н.А.Чечиной в монографии «Гражданские процессуальные правоотношения» [30, с. 64, 65], а в последующем - в работах И.И.Богдана, А.Ф.Клеймана, В.В.Комарова, А.А.Мельникова, П.И.Радченко, М.И.Штефана, В.Н.Щеглова, С.А. Якубова [31, с. 64-71; 32, с. 82; 1, с. 8-11; 60, с. 178-208; 33, с. 80-96; 34, с. 38, 35; 35, с. 73-76; 36, с. 18-26; 37, с. 80-95] и других ученых.

Следует отметить, что относительно понятия гражданской процессуальной правосубъектности в науке гражданского процессуального права также не существует единой точки зрения. Если проанализировать взгляды, существующие по этой проблеме, то необходимо заметить, что некоторые авторы вообще отрицают существование такой категории, как правосубъектность [38, с. 44-46; 39, с. 26-29]. Основными аргументами при этом является то, что «попытка введения в оборот еще одного процессуального термина «правосубъектность» ничего не дает для теории и не способствует разрешению практических задач гражданского судопроизводства» [38, с. 44-46]; «правосубъектность - искусственное понятие, неизвестное закону и практике, от которого следовало бы отказаться и в теории» [40, с. 15].

А.К.Сергун также считает, что понятия правоспособности и правосубъектности идентичны и нет необходимости выделять правосубъектность в отдельный правовой институт, однако не отрицает существования правосубъектности как чисто теоретического понятия [28, с. 90, 91].

Утверждения А.А.Мельникова и М.С.Шакарян представляется нам спорными, поскольку, во-первых, правосубъектность - правовое понятие, имеющее научно - практическое значение хотя бы потому, что является предпосылкой возникновения гражданских процессуальных правоотношений,

раскрывает общий правовой статус всех участников гражданского процесса и характеризует правовые возможности органов судебной власти и иных субъектов процессуальной деятельности, а также имеет значение при защите субъективных прав и интересов граждан и юридических лиц [1, с. 3-7]. Что касается позиции А.К.Сергун, мы считаем, что правоспособность и правосубъектность - не равнозначные понятия. Кроме того, в гражданском процессуальном праве субъекты обладают не правоспособностью, а правосубъектностью, которой наделяются все лица, участвующие в процессе [30, с. 24]. Правоспособность является одним из элементов содержания, одной из составных частей правосубъектности. Помимо правоспособности, элементами содержания правосубъектности являются, как правило, дееспособность, субъективные права и обязанности лица.

Содержание правоспособности и дееспособности закреплено в ст.ст. 100 и 101 ГПК только применительно к сторонам. Так, под гражданской процессуальной правоспособностью понимается способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности (ст.100 ГПК). Под дееспособностью - способность лично осуществлять свои права в суде и поручать ведение дела представителю (ст.101 ГПК).

Поскольку действующий ГПК закрепил возможность обладания правоспособностью и дееспособностью как таковой только за сторонами, следовательно, круг лиц, наделенных гражданской процессуальной правосубъектностью, не совпадает с кругом лиц, наделенным гражданской процессуальной правоспособностью и дееспособностью.

В юридической литературе обсуждается вопрос о том, является ли правосубъектность абстрактным, общим понятием, применимым в равной мере ко всем участникам гражданского процесса [31, с. 67; 41, с. 120], или же правосубъектность носит конкретный характер, то есть у каждого участника процесса существует своя, строго определенная правосубъектность.

В настоящем диссертационном исследовании общая (абстрактная) правосубъектность рассматривается как одна из предпосылок возникновения

гражданского процессуального правоотношения, а конкретная правосубъектность как характеристика правового статуса участников гражданского процесса.

В.В.Комаров отмечает, что абстрактной, единой для всех процессуальной правосубъектности не существует, а существует правосубъектность суда, сторон, третьих лиц, прокурора, свидетелей и т.д. Правосубъектность есть специфическая особенность субъектов гражданского процессуального права, которая делает их носителями прав и обязанностей, дает возможность вступать в гражданские процессуальные правоотношения [1, с. 15]. А.К.Сергун полагает, что применительно к суду надо говорить не о гражданской процессуальной правоспособности, а о комплексе его властных полномочий, которыми он наделен по закону [28, с. 75]. Весьма своеобразную точку зрения высказал В.Н.Щеглов, который считает, что правоспособность и дееспособность должны быть сохранены применительно к гражданам и юридическим лицам, являющимися в гражданском процессе сторонами и третьими лицами. Здесь гражданская процессуальная правосубъектность выступает как родовое понятие, а в отношении всех других субъектов гражданского процесса оно является единственным понятием, включающим одновременно и процессуальную дееспособность, и правоспособность [36, с. 107-109, 112].

По нашему мнению, такая точка зрения недостаточно обоснована, поскольку, как уже отмечалось, правосубъектностью обладают все без исключения участники гражданского процесса, но у каждого участника правосубъектность строго индивидуальна. Целесообразнее было бы наименовать правосубъектность как отраслевую и конкретную. В правосубъектность включается не только возможность выступать в качестве участника правоотношения (правоспособность и дееспособность), но и другие конкретные права и обязанности, предоставленные законом. Каждый участник гражданского процесса обладает присущей только ему правосубъектностью, ибо у большинства участников процесса содержание правосубъектности состоит из определенных элементов, о чем пойдет речь ниже. Следует отметить, что

элементы содержания правосубъектности применительно к конкретной гражданской процессуальной правосубъектности имеет специальный, а не общий характер.

В этой связи не совсем полным является вывод И.И.Богдана, который считает, что правосубъектность необходимо рассматривать как возможность лица стать участником конкретного правоотношения, то есть быть наделенным конкретными субъективными правами и обязанностями с целью удовлетворения своих интересов или с целью защиты интересов государства [31, с. 67].

Представляются спорным суждения Н.А.Чечиной, которая определяет гражданскую процессуальную правосубъектность как признанную нормами гражданского процессуального права способность иметь и осуществлять гражданские процессуальные права и обязанности, которая может рассматриваться как потенциальная возможность иметь и осуществлять процессуальные права и обязанности всеми лицами, участвующими в процессе [30, с. 25].

Как видно, в юридической науке отдельные подходы к определению содержания правосубъектности в определенной степени не учитывали, что данная категория характеризует свойства субъекта права. Причем эти свойства субъект права приобретает с учетом отраслевого правового регулирования, что позволяет говорить об отраслевом содержании правосубъектности. Поэтому гражданская процессуальная правосубъектность, как атрибут субъекта гражданского процессуального права, предполагает общие предпосылки правообладания, а также правообладание в системе всех правовых институтов данной отрасли права и имеет, следовательно, структурно-сложное содержание. С учетом сказанного элементами системы гражданской процессуальной правосубъектности, с нашей точки зрения, являются: гражданская процессуальная правоспособность, дееспособность и конкретные гражданские процессуальные субъективные права и обязанности.

Гражданская процессуальная правосубъектность, таким образом, закрепляет правовое положение субъектов гражданского процессуального права.

Структурно-сложное ее содержание проявляется в том, что все ее элементы составляют органичное единство и функциональную связь. Так, гражданская процессуальная правоспособность определяет возможность субъекта права иметь процессуальные права и обязанности и является юридическим средством (инструментом) для приобретения любых прав и обязанностей, направленных на осуществление процессуальных функций субъектов процессуальной деятельности. Что касается гражданской процессуальной дееспособности, то она в структуре правосубъектности выступает как способность гражданина или иного лица своими действиями приобретать гражданские процессуальные права и осуществлять гражданские процессуальные обязанности. Функциональная связанность двух названных категорий в структуре правосубъектности состоит в том, что дееспособность является средством осуществления правоспособности.

Что касается конкретных гражданских процессуальных субъективных права и обязанностей, то их место в правосубъектности определяется тем, что они не являются производными правоспособности или дееспособности, а принадлежат субъекту права (права) или возложены на него (обязанности) непосредственно из законодательных установлений (например, право на ознакомление с материалами дела, предоставление доказательств, доводов, обжалование решения и определения суда и т. д). Конкретные гражданские процессуальные субъективные права и обязанности - это, так сказать, приобретаемые права и обязанности на основе гражданской процессуальной правоспособности и гражданской процессуальной дееспособности (для сторон, третьих лиц) или гражданской процессуальной праводееспособности (для иных субъектов).

С учетом сказанного представляется, что гражданская процессуальная правосубъектность является отраслевым понятием. Отраслевая правосубъектность рассматривается как предпосылка возникновения гражданского процессуального правоотношения. Конкретная же правосубъектность рассматривается как характеристика правового статуса участников гражданского процесса. Отраслевая и конкретная правосубъектность

неразрывно связаны между собой, поскольку лицо посредством отраслевой правосубъектности становится участником гражданского процессуального правоотношения и, будучи таковым, занимает в процессе конкретное среди остальных участников гражданского процесса процессуальное положение (конкретная правосубъектность).

Исходя из этого различается правосубъектность органов судебной власти (у суда первой, кассационной, надзорной инстанции), правосубъектность сторон, третьих лиц, правосубъектность прокурора, органов государственного управления, правосубъектность лиц, содействующих осуществлению правосудия. Эти субъекты в гражданском процессе занимают строго определенное правовое положение, имеют свои цели, задачи участия, и установить это без проявления конкретной правосубъектности какого-либо субъекта невозможно.

Вышесказанное позволяет утверждать, что проявление гражданско-процессуальной правосубъектности суда, истца, ответчика, третьего лица, свидетеля, прокурора и т.д. есть конкретизация правового статуса субъектов гражданского процессуального права: граждан, организаций, суда, ибо они становятся конкретными участниками гражданского процессуального правоотношения, занимая конкретное процессуально-правовое положение в нем. Проявление гражданской процессуальной правосубъектности определяет правовое положение субъектов права в гражданском процессуальном правоотношении исходя из связи и отношения к спорному материальному правоотношению, ставшему предметом судебной деятельности [37, с. 127].

Изложенное позволяет говорить о гражданской процессуальной правосубъектности как о специфической особенности субъектов гражданского процессуального права, которая определяет их возможность быть носителями прав и обязанностей и вступать в гражданские процессуальные правоотношения. Правосубъектность также закрепляет круг лиц, которые могут быть субъектами прав и обязанностей, конкретизируя тем самым круг правоотношений, возникающих на основе правосубъектности [1, с. 15].

Гражданская процессуальная правосубъектность, таким образом, является предпосылкой возникновения гражданских процессуальных правоотношений, определяющая правовой статус каждого участника процесса и наделяющая последнего конкретными правами и обязанностями. Для каждого субъекта гражданского процессуального права она, в отличие от цивилистической правосубъектности, специфическая.

1.2 Реализация гражданской процессуальной правосубъектности

Развитие теории гражданской процессуальной правосубъектности свидетельствует о ее специфических особенностях и ее законодательной регламентации. В отличие от цивилистической конструкции правосубъектности, которая в последующем была воспринята и общей теорией права, гражданская процессуальная правосубъектность, как общая предпосылка правообладания и осуществления правового статуса суда и участников гражданского процесса, не является равной для всех субъектов процессуальной деятельности. Поэтому, как нам представляется, следует говорить об отраслевом характере гражданской процессуальной правосубъектности и ее специфическом содержании, а также о различных формах реализации субъектами гражданского процессуального права. Исходя из этого для правильного и всестороннего уяснения сущности указанного понятия необходимо исследовать его применительно к субъектам гражданского процессуального права, ибо объем гражданской процессуальной правосубъектности различен применительно к каждому участнику гражданского процесса, поскольку все они обладают различными полномочиями, правами и обязанностями, которые присущи тому или иному субъекту с учетом конкретного процессуально – правового положения, которые он занимает в процессе.

Однако не в каждом процессе участвуют все субъекты гражданского процессуального права, являющиеся либо лицами, участвующими деле, либо входящие в состав лиц, содействующих осуществлению правосудия. Это зависит от конкретного гражданского дела, которое находится в производстве у суда. Например, участие эксперта в гражданском процессе необходимо лишь в том случае, когда для правильного, полного и всестороннего выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, требуются специальные познания в области науки, искусства, техники или ремесла. Свидетель привлекается в процесс в случае, если с помощью его показаний возможно установить обстоятельства, имеющие значение по делу. Участие в процессе переводчика

обеспечивается судом в том случае, если лицо, участвующее в деле, не владеет языком, на котором ведется судопроизводство (ст.9 ГПК) и т.д.

Так, правосубъектность сторон не обязательно должна сочетаться в одном лице и состоит из правоспособности и дееспособности; правосубъектность свидетеля, эксперта, переводчика – из правоспособности и дееспособности, которые составляют органическое единство, так как указанные элементы гражданской процессуальной правосубъектности лиц, способствующих осуществлению правосудия, реализуется одновременно со вступлением в процесс, поскольку возможность иметь гражданские процессуальные права и обязанности у указанных субъектов неразрывно связана со способностью и обязанностью их иметь. Свидетелем, например, может быть не любое лицо, а только то, которому известны какие – либо факты, сведения относительно рассматриваемого дела, которое обязано дать правдивые показания относительно известных ему обстоятельств. Экспертом может быть лицо, которое обладает специальными знаниями в области науки, искусства, техники или ремесла, которому поручено проведение экспертизы определением суда.

Особенностью проявления правосубъектности судебных органов, прокурора, органов государственного управления и иных лиц, защищающих в процессе чужой интерес является то, что ее содержание отличается от содержания правосубъектности сторон, третьих лиц, свидетеля, эксперта, переводчика и состоит из компетенции, включающей комплекс полномочий, которыми указанные субъекты наделены по закону. Категории право- и дееспособности к указанным участникам процесса не применимы, поскольку правоспособность и дееспособность - это только возможность (способность) иметь права и обязанности и своими действиями либо через своих представителей осуществлять их, тогда как судебные органы, прокурор, органы управления обладают не возможностью их иметь, а самими правами и обязанностями и применительно, к ним правильнее говорить не о компетенции как о комплексе полномочий, которыми эти субъекты наделены по закону [28, с. 75].

Суд в гражданском судопроизводстве является основным участником процесса и обладает правосубъектностью, которая проявляется в многочисленных полномочиях. Причем полномочия, то есть правосубъектность, судебных органов является строго определенной в зависимости от вида судебного органа и его функций. Каждый судебный орган, будь то суд первой, кассационной или надзорной инстанции наделяется законодателем присущим только ему комплексом полномочий. Правовое положение и функции судебных органов неодинаково. А.Ф.Козлов правильно отмечает, что их компетенция строго индивидуальна и целенаправленна, поскольку одни из них наделяются полномочиями на рассмотрение гражданских дел по существу, другие - на проверку судебных решений, не вступивших в законную силу, третьи - на проверку судебных решений, обладающих законной силой [43, с. 6].

Изложенное свидетельствует о том, что момент проявления правосубъектности тесно связан с соответствующими конкретными юридическими фактами. Для возникновения гражданских процессуальных правоотношений имеют значение норма права, регулирующая данные отношения, и наличие процессуальных актов - документов, в которых закрепляется, фиксируется ход гражданского процесса. В процессуальных актах - документах фиксируется как реализация субъективного гражданского процессуального права, так и применение норм гражданского процессуального права (реализация полномочий). Процессуальными актами - документами в гражданском процессе являются различного рода протоколы, исковое заявление, жалоба, судебные определения, решения суда и т.д.

Исходя из изложенной конструкции гражданской процессуальной правосубъектности правосубъектность, на наш взгляд, выступает общей предпосылкой правообладания и правоосуществления, с реализацией которой реализуются субъективные права, обязанности, полномочия.

Гражданская процессуальная правосубъектность как юридическая категория предусматривает для субъектов гражданского процессуального права не только возможность обладания гражданскими процессуальными правами или

полномочиями, но и реализацию их в конкретном гражданском процессуальном правоотношении. Причем гражданские процессуальные правоотношения являются формой реализации правосубъектности.

Момент реализации гражданской процессуальной правосубъектности для субъектов гражданского процессуального права неодинаков во времени. Первоначально реализуется гражданская процессуальная правосубъектность лиц, которые занимают правовое положение сторон, посредством обращения за защитой своего права или охраняемого законом интереса (ч.1 ст.4 ГПК) или прокурора, обратившегося в суд с заявлением о защите прав и законных интересов граждан и государственных интересов (ст. 118 ГПК). Первоначально может реализоваться также гражданская процессуальная правосубъектность органов государственного управления, профсоюзов, предприятий, учреждений, организаций, если по их заявлению возбуждается гражданское дело в защиту прав либо интересов иных лиц (ст.121 ГПК). Одновременно с реализацией правосубъектности органов и лиц, защищающих в процессе чужой интерес, реализуется правосубъектность истца, то есть субъекта гражданского процесса, в защиту прав и охраняемых интересов которого предъявлен иск.

Затем происходит реализация гражданской процессуальной правосубъектности иных участников процесса по мере их вступления в процесс в качестве ответчиков, свидетелей, переводчиков, экспертов и др. На наш взгляд, эти положения в равной степени относятся и к неисковым производствам.

При реализации гражданской процессуальной правосубъектности необходимо наличие юридического факта и регулирующее воздействие норм гражданского процессуального права. М.И.Штефан отмечает, что в процессе реализации гражданами и организациями гражданской процессуальной правосубъектности осуществляется применение гражданских процессуальных средств защиты имущественных и личных неимущественных прав, государственных и общественных интересов [44, с. 253]. А это значит, что нормы гражданского процессуального права являются предпосылкой возникновения гражданских процессуальных правоотношений.

Реализация гражданской процессуальной правосубъектности субъектов гражданского процессуального права зависит от определенного правового положения, которое указанные лица занимают по мере вступления в процесс. Одновременная реализация правосубъектности всех лиц, участвующих в деле и лиц, содействующих отправлению правосудия, невозможна. Первоначально гражданская процессуальная правосубъектность реализуется тем субъектом гражданского процессуального права, который обращается в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав либо охраняемых законом интересов.¹

Начальный этап реализации гражданской процессуальной правосубъектности истца является проявлением принципа диспозитивности гражданского процессуального права, содержание которого для истца заключается в «возбуждении гражданского дела в суде, в определении характера и объема исковых требований, возможности их изменения, в обосновании исковых требований и возражений путем представления доказательств, в распоряжении материальными правами и процессуальными средствами их защиты» [46, с. 118].

Невозможность одновременного проявления процессуальной правосубъектности определяет тем самым существование не единого многосубъектного гражданского процессуального правоотношения, а системы правоотношений, которая строится по схемам: «суд – истец», «суд – ответчик», «суд – эксперты» и т.д. [47, с. 11, 12]. Именно отсутствие одновременной реализации правосубъектности подчеркивает лишней раз спорность теории единого гражданского процессуального правоотношения, сторонниками которого являлись С.Ю.Кац, В.П.Мозолин, В.Н.Щеглов, К.С.Юдельсон [48, с. 98; 49, с. 54-65].

Диссертант является сторонником наиболее распространенного в настоящее время в научной литературе мнения (Н.Б.Зейдер, В.В.Комаров, Н.А.Чечина) [50, с. 10-12; 51, с. 51-52; 49, с. 64, 65], что в гражданском процессе

---

¹ Аналогичное положение закреплено в законодательстве США, где первоначальная реализация гражданской процессуальной правосубъектности закреплена за истцом и

существует система индивидуализированных правоотношений, которые развиваются и прекращаются в процессе движения гражданского дела. Л.А.Ванеева обоснованно пишет: «Последовательность возникновения процессуальных отношений – одна из их особенностей. Например, правоотношение суд - свидетель не может возникнуть ранее других отношений и в первую очередь ранее отношений суд – истец. В частности, привлечение лица в качестве свидетеля и допрос его судом не может иметь место до возбуждения дела даже в порядке обеспечения доказательств.» [52, с. 13].

Проявление конкретной правосубъектности определяет, таким образом, динамику гражданских процессуальных правоотношений, то есть их возникновение, развитие и прекращение. Импульсом возникновения системы гражданских процессуальных правоотношений является реализация субъектами гражданской процессуальной правосубъектности, которая происходит при подаче искового заявления гражданином либо организацией в суд и принятии его судьей.

Гражданская процессуальная правосубъектность ответчика реализуется, на наш взгляд, после принятия судом искового заявления, в котором должно содержаться точное наименование ответчика, его место жительства или нахождения (ст.137 ГПК) [53, с. 52; 54, с. 49]. Если же во время судебного разбирательства выяснится, что иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, то суд, не прекращая дела, может допустить замену первоначального ответчика надлежащим с согласия истца. В том случае, если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд может привлечь это лицо в качестве второго ответчика. После замены стороны рассмотрение дела начинается заново (ст.105 ГПК).

Гражданское процессуальное законодательство предусматривает статус и такого, к примеру, субъекта процессуальных правоотношений, как дополнительный ответчик. Говоря о моменте реализации гражданской процессуальной правосубъектности дополнительного ответчика в случае

ответственности родителей или попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет, следует отметить, что таковыми являются дополнительные ответчики, а не представители несовершеннолетнего. Вопрос о моменте реализации процессуальной правосубъектности ответчиков, вступивших в брак до достижения 18 лет, решается иначе: лицо, вступившее в брак, должно обладать всеми процессуальными правами ответчика и иметь возможность самостоятельно использовать их для защиты против предъявленного к нему иска [54, с. 28, 29].

Несколько специфична реализация правосубъектности в гражданском судопроизводстве третьих лиц. «Целью участия в деле третьих лиц - отмечает Д.М.Сибилев, является защита их прав или охраняемых законом интересов, отличных от прав или охраняемых законом интересов истцов и ответчиков по делу» [55, с. 81]. Наиболее важным для нас является то положение, как определяется момент проявления у третьих лиц гражданской процессуальной правосубъектности. Особенностью реализации последней является то, что третьи лица, в отличие от сторон, вступают в уже начавшийся процесс, хотя так же, как и стороны, имеют юридическую заинтересованность в исходе дела [56, с. 71], но характер заинтересованности третьих в процессе по спору между сторонами различен. В одном случае - это наличие самостоятельных требований на предмет спора между сторонами, в другом - заинтересованность в определенном содержании судебного решения, поскольку последнее может повлиять на права и обязанности третьих лиц по отношению к одной из сторон [57, с. 71]. В данном случае речь идет о двух видах третьих лиц - о третьих лицах, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора и о третьих лицах, не заявляющих самостоятельных требований. Это обстоятельство подчеркивает специфичность правового положения и правосубъектности третьих лиц, что влияет на усложнение субъектного состава гражданского процесса и структуру гражданских процессуальных правоотношений.

Говоря о реализации гражданской процессуальной правосубъектности суда первой инстанции, следует отметить, что она связана с реализацией

правосубъектности как таковой у сторон (без чего возникновение гражданских процессуальных правоотношений вообще невозможно), и с реализацией судом руководящих, решающих полномочий в процессе. Так, для успешного выполнения стоящих перед судом задач «судья единолично должен совершить процессуальные действия, - пишет М.С.Шакарян, - прежде всего правильно разрешить вопрос о принятии заявления (жалобы) и о возбуждении дела или об отказе в этом» [59, с. 75], то есть решить вопрос, необходимо ли суду, реализовав свою процессуальную правосубъектность, содействовать возникновению гражданских процессуальных правоотношений.

Представляется, что момент реализации гражданской процессуальной правосубъектности во всех случаях неодинаково относительно субъектов гражданского процессуального права, которые могут занять в процессе определенное процессуальное положение.

Как отмечалось выше, посредством подачи истцом заявления и принятия последнего судом происходит формирование гражданских процессуальных правоотношений. Возникновение гражданского процессуального правоотношения имеет место и при предъявлении заявления прокурором, органами государственного управления, профсоюзами и иными лицами, защищающими в процессе чужой интерес и принятие его судом.

Гражданское процессуальное законодательство предусматривает возможность возникновения гражданских процессуальных правоотношений в суде кассационной инстанции путем обжалования лицами, участвующими в деле, судебных решений (определений). Стороны и другие лица, участвовавшие в деле, в том числе прокурор, в случае несогласия с решением суда первой инстанции полностью или частично вправе подать кассационную жалобу (прокурор - кассационное представление) в суд кассационной инстанции через суд первой инстанции, разрешивший дело. Кассационные гражданско - процессуальные правоотношения возникают на основании и в связи с проверкой законности и обоснованности решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу [61, с. 150].

Гражданская процессуальная правосубъектность суда кассационной инстанции и лиц, участвующих в деле, реализуется с момента подачи заинтересованными лицами кассационной жалобы (представления) и принятии его судом, рассматривавшим дело либо судом вышестоящей инстанции. Проявляется правосубъектность одновременно как для суда кассационной инстанции, так и для лица, которое подало жалобу (представление). Таким образом, моментом одновременной реализации гражданской процессуальной правосубъектности указанных лиц является подача кассационной жалобы (представления) и принятие ее судом.

Гражданские процессуальные правоотношения в суде кассационной инстанции являются производными от правоотношений, существовавших в суде первой инстанции. Кроме того, после рассмотрения гражданского дела по существу судом первой инстанции, правоотношений в вышестоящих судебных инстанциях может и не возникнуть, так как не всегда судебное решение по делу обжалуется. Чаще всего дело проходит обязательные стадии - от возбуждения гражданского дела до судебного рассмотрения в суде первой инстанции [51, с. 18].

Закон устанавливает срок, в течение которого возможна реализация гражданской процессуальной правосубъектности в суде кассационной инстанции и возникновение гражданских процессуальных правоотношений в суде кассационной инстанции (ст. 291 ГПК). Представляется, что подача лицами, участвующими в деле, заявления с просьбой о восстановлении пропущенного кассационного срока не является моментом реализации гражданской процессуальной правосубъектности в суде кассационной инстанции и не влечет, соответственно, возникновение в данной судебной инстанции гражданских процессуальных правоотношений. Рассмотрение судом данного заявления во многих случаях ведет к образованию правоотношений. В связи с этим В.И.Тертышников отмечает, что вопрос о восстановлении срока разрешается по заявлению лица, участвующего в деле тем судом, где должно быть совершено процессуальное действие [61, с. 67].

Особенностью проявления гражданской процессуальной правосубъектности в суде надзорной инстанции является то, что момент ее реализации полностью зависит от должностных лиц, которым законом предоставлено право принесения протеста (ст.328 ГПК). Следовательно, в стадии надзорного производства гражданская процессуальная правосубъектность в первую очередь проявляется у должностных лиц, наделенных правом принесения протеста в порядке надзора.

Одновременно с возбуждением надзорного производства должностными лицами реализуется гражданская процессуальная правосубъектность самого суда надзорной инстанции и иных субъектов гражданского процессуального права, обеспечивая их участие в надзорном производстве с целью защиты своих субъективных прав и интересов. Существенной особенностью рассмотрения гражданского дела в суде надзорной инстанции является обязанность суда проверить дело в полном объеме, не ограничиваясь доводами протеста. Лица, извещенные о времени и месте рассмотрения дела судом надзорной инстанции, в случае их явки допускаются к участию в его рассмотрении. Их неявка не препятствует рассмотрению дела (ч.2 ст.333 ГПК).

Исходя из правового положения, которое занимает тот или иной субъект в процессе благодаря реализации конкретной гражданской процессуальной правосубъектности, обеспечивается возможность реализации субъективных прав и обязанностей субъектов в определенной последовательности, зависящей от их правового положения. Для каждого субъекта гражданского процессуального правоотношения гражданская процессуальная правосубъектность определяет его место в составе лиц, участвующих в деле, либо лиц, способствующих осуществлению правосудия. Проявление конкретной правосубъектности обеспечивается возможностью осуществления не всех субъективных прав и обязанностей, закрепленных в нормах гражданского процессуального права, а только конкретных, принадлежащих тому или иному субъекту с учетом конкретного процессуально - правового положения, которое он занимает в процессе.

Гражданская процессуальная правосубъектность является предпосылкой не только возникновения гражданских процессуальных правоотношений, но и правоосуществления конкретных субъективных прав и обязанностей тем или иным субъектом правоотношения.

Субъекты гражданского процессуального права обладают гражданской процессуальной правосубъектностью до возникновения судебной деятельности. Реализуется же правосубъектность при возникновении гражданского процессуального правоотношения и осуществляется в последующем для вступивших в процесс лиц до прекращения правоотношений, то есть в ходе рассмотрения гражданского дела в суде.

РАЗДЕЛ 2

Гражданская процессуальная правосубъектность органов судебной власти

2.1. Содержание гражданской процессуальной правосубъектности органов судебной власти

Принцип разделения властей - один из основополагающих принципов основ конституционного строя. Впервые он был закреплен в Декларации о государственном суверенитете Украины, и в последующем нашел воплощение в Конституции Украины (ст.6), которая предусматривает, что государственная власть в Украине осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Эти правовые положения стали основой для исследования проблем сущности и функционирования судебной власти, которые предприняты в работах Комарова В.В., Марочкина И.Е., Цвика М.В. и других ученых [62, с. 23; 63, с. 11; 64, с. 270, 271; 65, с. 3; 66, с. 31-37; 67, с. 21-24; 68, с. 10-17; 69, с. 43; 70, с. 26-28].

Статья 124 Конституции Украины закрепила, что юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, которые возникают в государстве [91, с. 2; 92, с. 87, 152; 93, с. 11]. Это положение является для законодательства принципиально новым, свидетельствует о расширении судебной юрисдикции и необходимости теоретической разработки ряда элементов правового статуса (правосубъектности) судебных органов, связанных с реализацией исключительности их власти.

Необходимо отметить, что в прошлом и в настоящее время по сути судебные функции по охране прав граждан осуществляются такими несудебными органами, как КТС, профсоюзы, многочисленные общественные организации и др., что было и есть, на наш взгляд, негативным явлением. В.В.Комаров назвал это явление «диффузией» судебной власти, ибо

правоохранительные функции осуществлялись органами, в компетенцию которых не входило осуществление правосудия, и которая исключала, зачастую, компетенцию судов. Вместе с тем конституирование правосудия как нового по содержанию института связано с исключительной прерогативой судов принимать решения о правах граждан, разрешать споры о правах и обязанностях граждан [71, с. 12; 72, с. 4]. В этой связи представляется ошибочным мнение Г.Давыденко, которая считает, что внесудебное разрешение некоторых вопросов не является делегированием или присвоением функций судов, если это происходит в пределах полномочий этих органов, должностных лиц и по обращению или согласию заинтересованных лиц. Вместе с тем в соответствии с этим положением должен измениться подход к разрешению вопроса относительно обязанности соблюдения этих внесудебных процедур [73, с. 4]. Аналогичного мнения придерживается и В.Теребилов [74, с. 39-42].

Исключительность судебной власти предполагает определение элементов судебной правосубъектности, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку с их помощью определяется правовое положение органов судебной власти в системе разделения властей.

Рассматривая проблему правового статуса органов судебной власти, невозможно не остановиться на вопросе о понятии самой судебной власти. Анализ существующих в научной литературе точек зрения по этому вопросу позволяет сделать вывод, что единого взгляда на эту проблему среди ученых - юристов не существует. Так, Ю.М.Грошевой и И.Е.Марочкин рассматривают судебную власть как специфическую ветвь государственной власти, которая осуществляется уполномоченными на то государственными органами - судами - и назначением которой является разрешение правовых конфликтов и осуществление судебного контроля [75, с. 6]. В данном определении не совсем понятно, что авторы подразумевают под осуществлением судебного контроля. Если это контроль суда за деятельностью различных государственных либо негосударственных органов или должностных лиц, то в этом случае следует обратить внимание на то, что суды не осуществляют такого вида контроля.

По мнению А.В.Цихоцкого и А.К.Черненко, функцию судебной власти характеризует то обстоятельство, что сама власть связана констатированием субъективного права. Определив нарушение права, судебная власть обязана взять его под защиту [76, с. 24].

Т.А.Савельева, характеризуя понятие судебной власти, отмечает: «Судебная власть есть прежде всего система закрепленных в Конституции судов конституционной, общей и арбитражной юрисдикции, осуществляющих правосудие путем рассмотрения и разрешения от имени государства юридических конфликтов и иных дел между субъектами правового общения и применения к ним мер государственного принуждения. Судебная власть есть также качество органов правосудия по разрешению возникающих в обществе конфликтов, проявляющаяся в различных видах судопроизводства и выраженная в широкой системе процессуальных средств, обеспечивающих законное, обоснованное и справедливое судебное правоприменение и во властной природе судебных постановлений. Назначение судебной власти - восстановление права, справедливости, защита прав и свобод человека как высшей ценности гражданского общества» [77, с. 9].

Нам представляется, что под судебной властью следует понимать систему закрепленных в законодательстве систему судов различных юрисдикций, которые осуществляют свою деятельность путем отправления правосудия посредством разрешения правовых споров и иных дел, связанных с защитой нарушенных или оспариваемых прав граждан, государства или организаций.

С понятием судебной власти связана реализация судебной власти, ибо сфера судебной власти конституционно определяется судебной юрисдикцией, которая, как утверждает Н.А.Чечина, относится к весьма сложным, неоднозначно рассматриваемым понятиям, требующим тщательного анализа [78, с. 110].

Поскольку ч.2 ст.124 Конституции связывает сферу судебной власти с юрисдикцией судов, на теоретическом уровне необходимо более детально исследовать институт юрисдикции. Это даст возможность разграничивать такие

не равнозначные понятия, как «юрисдикция», «полномочия», «подведомственность», «подсудность». Указанные институты в совокупности составляют компетенцию, которая, на наш взгляд, является ключевым элементом правосубъектности органов судебной власти.

Так, С.М.Пелевин отмечает: «Соотношение компетенции, юрисдикции и подведомственности имеет такой вид. Государство, определяя функции государственных и общественных органов, предоставляет им соответствующие полномочия для осуществления этих функций. В том случае, когда наряду с иными функциями государственный или общественный орган выполняет правоохранительную функцию, он наделяется юрисдикционными полномочиями, становится юрисдикционным органом... Обозначив юрисдикцию органа, государство в лице законодателя устанавливает подведомственность субъективных прав и интересов, которые подлежат защите этими государственными или общественными органами» [79, с. 182]. Аналогичного мнения придерживается и И.В.Полянчуков [80, с. 97, 98].

Точка зрения С.М.Пелевина не является в литературе господствующей. М.И.Штефан, например, считает, что юрисдикция, компетенция и подведомственность - идентичные институты: «Компетенция суда по осуществлению правосудия по рассмотрению и разрешению определенной категории вопросов называется судебной юрисдикцией, или подведомственностью судебных органов... Она опосредуется рассмотрением гражданских и уголовных дел, поэтому существует уголовная и гражданская юрисдикция... В связи с этим гражданская юрисдикция, или подведомственность, определяет круг гражданских дел, разрешение которых отнесено к органам государства (судам, арбитражным судам, общественным организациям, товарищеским судам), смешанным органам (комиссиям по рассмотрению трудовых споров), третейским судам» [35, с. 171].

Несколько иная точка зрения высказывалась П.С.Дружковым и Ю.К.Осиповым. П.С.Дружков писал, что термины «подсудность», «подведомственность», «юрисдикция» означает часть компетенции того или

иного органа. Понятие компетенции, таким образом, является более широким по сравнению с указанными терминами. Компетенция - совокупность прав и обязанностей данного органа, закрепленных за ним законом [81, с. 1, 2].

Однако В.Тараненко и М.Шакарян отмечают, что «подведомственность в гражданском процессе нельзя рассматривать как определение компетенции того или иного органа, ставя знак равенства между подведомственностью и компетенцией. Подведомственность имеет своей задачей точное определение круга гражданских дел, подлежащих ведению судебных органов. Компетенция - понятие более широкое по своему содержанию. Ею охватывается вся совокупность прав и обязанностей данного органа, в том числе и его право на разрешение определенного круга гражданских дел» [90, с. 28]. Несколько иное понимание судебной подведомственности наблюдается в работе П.М.Тимченко [91, с. 9].

Указанный автор отмечал, что более широким понятием по отношению к подведомственности является компетенция. Они соотносятся друг к другу как вид и род [82, с. 158]. Аналогичного мнения придерживается и Ю.К.Осипов: «Компетенция - это правовое свойство государственной или общественной власти, подведомственность же - правовое свойство объектов, по отношению к которым эта власть может осуществляться» [83, с. 7, 8].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что рассматриваемые в настоящем подразделе институты в совокупности составляют компетенцию органов судебной власти, или их правосубъектность.

Е.В.Васьковский определял компетенцию как определенный круг деятельности, в границах которого тому или иному учреждению предоставлено право и вместе с тем обязанность совершать определенные действия [101, с. 189].

П.Ф.Елисейкин отмечает, что понятие компетенции суда подчеркивает его роль по сравнению с другими участниками процесса как органа, который единственно может (и обязан) разрешать гражданское дело [89, с. 113].

Но наиболее полно, на наш взгляд, компетенция государственного органа определена Б.М.Зезюлиным как сложное правовое понятие, назначение которого - четко обозначить место и роль каждого государственного органа в выполнении возложенных на него функций [102, с. 5].

Следует отметить, что в литературе встречаются определения компетенции не только судебных органов, но и иных органов государственной власти, однако их авторы справедливо полагают, что компетенция того или иного органа представляет собой совокупность (систему) полномочий, которыми государство его наделило для осуществления определенных функций. В связи с этим мы не разделяем точку зрения Б.М.Лазарева, будто бы компетенцией государственный орган обладает до стадии правоотношения [118, с. 28-34], так как выполнение определенных функций без участия в правоотношении невозможно.

П.С.Дружков пишет, что компетенцией «охватывается вся совокупность прав и обязанностей данного органа, в том числе и его право на разрешение определенного круга гражданских дел» [82, с. 158]. В.Воложанин считает, что компетенция судебного органа есть сфера его деятельности [119, с. 10]. С.М.Пелевин под компетенцией понимает осуществление тем или иным государственным или общественным органом властных полномочий по разрешению определенного круга вопросов, отнесенного законом к его ведению. Аналогичного мнения придерживаются Н.И.Масленникова [120, с. 15] и Ю.К.Осипов [83, с. 10, 11].

По нашему мнению, под компетенцией следует понимать совокупность полномочий, которыми государство наделило органы судебной власти для выполнения возложенных на них законодательством функций.

Не смотря на то, что высказанные различия элементов правосубъектности органов судебной власти не дублируются и занимают по отношению друг к другу самостоятельное положение, мы присоединяемся к точке зрения Ю.К.Осипова и считаем, что правосубъектность (компетенцию) органов судебной власти составляют следующие элементы: юрисдикция как особая

разновидность полномочий и сами полномочия, в состав которых входят различные полномочия, о которых речь пойдет ниже. Несмотря на пестроту точек зрения о соотношении юрисдикции с иными категориями, очевидно, что она является самостоятельной в структуре правосубъектности [83, с. 7, 8]. Во - первых, под юрисдикцией понимают деятельность по разрешению споров о праве и других юридических дел, правосудие, судопроизводство. Во - вторых, под юрисдикцией понимают также полномочие (право) на осуществление указанной деятельности. В - третьих, под юрисдикцией иногда понимают орган, наделенный полномочием разрешать дела о субъективных правах [84, с. 62; 85, с. 414; 86, с. 331].

Обращаясь к характеристике каждого из элементов гражданской процессуальной правосубъектности органов судебной власти, необходимо остановиться на характеристике каждого из них в отдельности. Особое внимание следует уделить судебной юрисдикции, которая рассматривается в настоящей работе как часть компетенции органов судебной власти.

Существенным признаком юрисдикционной деятельности является то, что она осуществляется в связи с исполнением правоохранительной функции. Юрисдикционная деятельность суда в гражданском судопроизводстве характеризуется, по нашему мнению, только правоохранительной функцией [79, с. 81], поскольку правосудие есть там, где осуществляются юрисдикционные полномочия, то есть когда суды рассматривают спор о праве. Следует согласиться с Ю.А.Дмитриевым и Г.Т.Черемных, что главное назначение судебной власти состоит именно в осуществлении правосудия [95, с. 44, 50].

В связи с этим диссертант не разделяет точки зрения В.П.Нажимова, который рассматривает юрисдикцию как деятельность по применению норм права вообще [96, с. 114]. Кроме того, представляется спорным положение Ю.К.Осипова, согласно которому юрисдикционная деятельность – это деятельность компетентных органов по применению норм права [97, с. 19]. На наш взгляд, юрисдикция - прерогатива исключительно органа судебной власти [98, с. 80].

На основании изложенного представляется, что юрисдикция должна определяться в зависимости от вида и характера конкретного юридического дела, которое рассматривается судом. Но это не отождествляет юрисдикцию с подведомственностью, поскольку подведомственность - это свойство конкретного дела, а юрисдикция присуща определенному судебному органу, в компетенцию которого входит рассмотрение того или иного дела.

А.Ф.Клейнман в свое время писал, что право судебных органов осуществлять правосудие... называется судебной юрисдикцией [99, с. 138]. И это положение является принципиальным в определении сущности и правовой природы судебной юрисдикции.

На основании изложенного думается, что юрисдикция представляет собой право (и обязанность) органа судебной власти, санкционированное государством, осуществлять правосудие в определенной области общественных отношений, урегулированных нормами права. В состав юрисдикции входят: а) властное подтверждение в бесспорном порядке субъективных прав и обязанностей; б) властное изменение правоотношений; в) властное прекращение правоотношений [97, с. 18, 21].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что юрисдикцию необходимо рассматривать в зависимости от теоретической модели специализации самих органов судебной власти. В связи с этим требует поддержки позиция Ю.М.Грошевого и И.Е.Марочкина, которые выделяют общую юрисдикцию судов и специальную юрисдикцию, «которая может осуществляться специализированными судами» [75, с. 6, 7]. А.В.Цихоцкий и А.К.Черненко выделяют органы судебной власти с конституционной юрисдикцией, общей и арбитражной юрисдикцией [76, с. 31]. И.В.Полянчуков разделяет юрисдикцию на гражданскую, административную и уголовную [80, с. 98]. В.И.Шишкин разграничивает конституционную и общую юрисдикции. Общую, в свою очередь, разделяет на обычную и специальную [100, с. 110]. Представляется, что такое разделение юрисдикции более полно охватывает демократические изменения в отечественном законодательстве и соответствует Конституции,

которая предусматривает определенные сферы функционирования судебной власти.

Классификация юрисдикции порождает достаточно сложную проблему необходимости специализации судов по юрисдикционным критериям. Следует отметить, что в литературе также не существует абсолютного единства мнений относительно этой проблемы. Так, В.Топорин выступает за специализацию судов по критериям юрисдикции, т.е. за реорганизацию существующей судебной системы путем создания судов по уголовным, гражданским, трудовым делам и т.д. [103, с. 26-28]. Аналогичного мнения придерживается и Л.Пахолук [104, с. 62].

В качестве общего подхода В.Бойко отмечает, что одним из путей улучшения эффективности судебной деятельности является дальнейшее реформирование законодательства о судоустройстве, уголовного, гражданского и процессуального, организацию работы судов на новой правовой основе [105, с. 4].

Н.Титов по этому поводу пишет, что восьмой раздел Конституции достаточно четко изложил основные направления организации правосудия и его органов в системе общих судов, которая строится на принципах территориальности и специализации. Должны существовать Верховный Суд Украины (который должен быть наивысшим судебным органом), высшие суды (как высшие судебные органы специализированных судов), апелляционные и местные суды. В проекте закона «О судоустройстве» Министерства Юстиции существует Пленум Верховного Суда, что противоречит ст.128 Конституции. В перечне судебных органов нет существующих сейчас военных судов, которые, напротив, должны быть предусмотрены как отдельная ветвь специализированных судов. Достаточно сомнительным является создание высших гражданского и уголовного судов, которые не имеют замкнутой на себе системы соответствующих судов [106, с. 81].

По мнению В.Нимченко, специализация судов и судей способствует повышению их профессионального уровня в рассмотрении судебных дел

отдельных категорий. Указанный автор выделяет две формы специализации: автономные специализированные судебные звенья и специализация отдельных судей по рассмотрению отдельных категорий дел в отдельных звеньях судов общей юрисдикции. Судебная власть реализуется путем осуществления правосудия в форме конституционного, гражданского, хозяйственного, уголовного и административного судопроизводства. Цитируемый автор выступает за сохранение специализации за арбитражными судами и за переименование их в хозяйственные, что более полно будет отвечать предмету их юрисдикции. Он не разделяет точку зрения, согласно которой предлагается специализация судов на районном (городском) уровне и отмечает, что для этих целей при Верховном Суде должны быть специализированные подразделения – судебные коллегии по гражданским, уголовным, хозяйственным, административным делам [107, с. 3; 111, с. 10].

Г.В.Омельяненко полагает, что арбитражные суды должны быть специализированными судами в системе судов общей юрисдикции во главе с Высшим арбитражным судом, однако наивысшей судебной инстанцией этой специализированной ветви, по его мнению, станет Верховный Суд Украины [108, с. 222-223]. Противоположного мнения придерживаются Ю.М.Грошевой и В.М.Хотенец: «Вносимые предложения о включении хозяйственных судов в общую судебную систему представляется необоснованным» [109, с. 9].

Д.М.Притыка в свое время выступал за децентрализацию и специализацию судебной власти, а также за существование трех судебных систем [110, с. 32]. Данная точка зрения, на наш взгляд, обоснована лишь в плане специализации. Автор настоящего диссертационного исследования не разделяет мнения указанного автора относительно вопроса децентрализации судебной власти. По нашему мнению, судебная власть должна быть централизованной под руководством Верховного Суда Украины. Существование же, по модели Д.М.Притыки, трех судебных систем противоречит принципу разделения властей, так как нарушается принцип централизации судебной системы.

Наряду с вышеназванными, довольно разнообразными мнениями, существует и мнение, сторонники которого выступают против специализации судов на районном (городском) уровне из - за экономических причин и предлагают создание в указанных органах судебной системы коллегий по рассмотрению отдельных категорий дел (трудовых, гражданских, семейных и т.п.). В связи с этим В.Стефанюк отмечает, что вследствие расширения компетенции судов нагрузка на все звенья судебной системы постоянно возрастает [112, с. 8]. «Если будем иметь крепкую экономику, - пишет в другой работе названный автор, - сможем вернуться к этой идее и создать столько специализированных судов, сколько требует ситуация в обществе» [113, с. 3]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н.Титов, который выступает за реформирование судебной системы в соответствии с Концепцией судебно - правовой реформы, но пишет, что без достаточной материальной базы ее осуществление невозможно [106, с. 81, 82].

До настоящего времени, к сожалению, единой концепции реформирования судоустройства не существует [114, с. 16]. На наш взгляд, судебную реформу необходимо проводить путем параллельного реформирования судопроизводства и судоустройства, поскольку между ними существует тесная взаимосвязь. Реформирование судопроизводства неизбежно повлечет реформирование судоустройства и наоборот. Однако В.Маляренко в данной связи полагает, что становление судебной власти в Украине предусматривает прежде всего создание единой судебной системы [68, с. 31].

Учитывая, в первую очередь, экономические обстоятельства, диссертант считает, что создание в судах городского (районного) уровня коллегий по разрешению споров определенных категорий может послужить основой для создания в будущем в названных звеньях судебной системы специализированных судов.

Рассмотрение правосубъектности органов судебной власти невозможно без характеристики полномочий, которые государство предоставило указанным органам для осуществления возложенных на них функций. Полномочия

представляют собой неразрывное единство определенных прав и обязанностей. Они определяют юридическое положение судьи, его взаимоотношения со всеми иными участниками процесса, а их осуществление имеет своим непосредственным результатом движение дела - возникновение, развитие и завершение производства [115, с. 24, 25].

А.Ф.Козлов отмечает, что полномочия суда прежде всего представляются как субъективные права и обязанности исполнять возложенные на него функции. Каждое право является одновременно и обязанностью и наоборот, обязанность суда есть в то же время и его право. Вместе взятые они образуют полномочия [43, с. 52]. По своей сути полномочия могут быть предметными и функциональными. Предметными полномочиями являются такие полномочия органа судебной власти, которые определяют пределы юрисдикции названного субъекта правоотношений. Функциональные полномочия – это различного рода действия указанного судебного органа в процессе отправления правосудия, связанные с решающими действиями суда по руководству процессом.

Следует отметить, что действующее законодательство закрепляет предметные и функциональные полномочия как за судом первой инстанции, так и за судами кассационной и надзорной инстанций с учетом существующих особенностей рассмотрения гражданских дел в том или ином звене судебной системы. Однако некоторыми авторами предлагается все без исключения полномочия суда кассационной инстанции классифицировать на предметные, функциональные и предметно – функциональные [116, с. 43-47]. В то же время вряд ли можно согласиться с подходом В.К.Пучинского, что используемый в законодательстве термин «полномочия кассационной инстанции» не является понятием, объединяющим все без исключения права и обязанности вышестоящего суда на различных этапах производства. Этот термин толкуется ограничительно и охватывает лишь те процессуальные права кассационной инстанции, от которых непосредственно зависит судьба обжалованного решения. Иначе говоря, речь идет о том, что может сделать суд в результате разбирательства жалобы или представления [117, с. 24].

Говоря о таком структурном элементе гражданской процессуальной правосубъектности суда кассационной инстанции, как предметные полномочия, необходимо учитывать, что под последними следует понимать такие полномочия указанного судебного органа, которые связаны с объектом пересмотра решений, определений суда первой инстанции, не вступившими в законную силу.

Функциональные полномочия суда кассационной инстанции – это полномочия по руководству и организации процесса, а также связанные с решением вопроса о юридической судьбе решения (определения) суда первой инстанции.

Гражданская процессуальная правосубъектность суда надзорной инстанции также состоит из компетенции, элементами которой являются предметные и функциональные полномочия. Понятие предметных полномочий суда надзорной инстанции идентично понятию названных полномочий суда кассационной инстанции с той лишь особенностью, что в отличие от кассационного пересмотра объектом здесь являются судебные акты, вступившие в законную силу. Функциональные полномочия указанного судебного органа целесообразно подразделить на две подгруппы, первая из которых состоит из полномочий, которые направлены на руководство процессом; вторая же – в специфических полномочиях, связанных с решением вопроса о юридической судьбе проверяемого судебного акта.

2.2. Гражданская процессуальная правосубъектность суда первой инстанции

Гражданская процессуальная правосубъектность суда первой инстанции состоит из компетенции, содержанием которой являются предметные и функциональные полномочия. Предметные полномочия составляют подведомственность и подсудность гражданских дел. Функциональные полномочия связаны с решающими действиями суда по руководству процессом.

Подведомственность в настоящее время приобретает функцию разграничения компетенции в рамках существующих судебных институций и определяет пределы судебной власти различных судебных учреждений. Правила подведомственности для судов общей юрисдикции закреплены в ст.24 ГПК.

При изучении подведомственности наиболее актуальной проблемой является вопрос о толковании нормы, которая формулирует правило подведомственности для судов общей юрисдикции в контексте к ст.124 Конституции Украины. Как свидетельствует судебная практика, суды ограничительно толкуют общие правила подведомственности, что приводит к незаконным отказам в возбуждении гражданских дел. Так, жители г.Желтые Воды Днепропетровской области в январе 1997 г. обратились в Желтоводский городской суд с исковыми заявлениями к Кабинету Министров Украины об исполнении обязательств по облигациям Государственного целевого безпроцентного займа 1990г. и возмещением морального вреда. Определением судьи Желтоводского городского суда было отказано в принятии исковых заявлений как не подлежащих рассмотрению в судах в соответствии с п.1 ст.136 ГПК. Днепропетровский областной суд указанные определения оставил без изменений.

Конституционный Суд Украины в п.п. 2,3 резолютивной части Решения от 25.12.97г. указал, что отказ суда в принятии исковых и других заявлений, жалоб, оформленными в соответствии с действующим законодательством, является

нарушением права на судебную защиту, которое, в соответствии с нормами Конституции, не может быть ограничено [121, с. 33-35].

Применение института подведомственности и п.1 ст.136 ГПК в контексте ст.124 Конституции означает, что подведомственность дел суду носит исключительный характер. При определении подведомственности конкретных дел следует исходить из характера судебной юрисдикции и подведомственности правовых споров судам общей юрисдикции, которая носит преимущественный характер.¹

В последнее время в юридической литературе остро дискусируется вопрос о перспективе подведомственности дел, возникающих из административно – правовых отношений, производство по которым в настоящее время регулируется гражданским процессуальным законодательством.

Д.М.Чечот в свое время отмечал, что первым признаком производства по делам, возникающим из административно - правовых отношений, является его *гражданско - процессуальный* характер. В подобных случаях спор утрачивает чисто административный характер и, приобретая признаки «спора о праве гражданском», должен рассматриваться в порядке искового производства [123, с. 80, 81]. Н.М.Тищенко, напротив, пишет, что дела, возникающие из административно – правовых отношений, рассматриваемые ныне по правилам гражданского судопроизводства, целесообразно отнести в будущем к компетенции административных судов. Это будет способствовать усилению гарантий защиты прав и законных интересов граждан, существенному повышению уровня рассмотрения этой категории дел [124, с. 249]. О.И.Угриновская выступает против введения системы административной юстиции на том основании, что укрепление судебной власти необходимо

---

¹ В этом отношении является заслуживающим поддержки вывод П.М.Тимченко, который выделяет следующие принципы института подведомственности: принцип исключительности, принцип специализации судебной подведомственности и принцип преимущественной подведомственности правовых споров судам общей юрисдикции [122, с. 45].

проводить путем ее конкретизации, а не дробления, которое создает условия для возникновения противоречий внутри самой судебной системы [125, с. 7].

По нашему мнению, весьма сложно дать однозначный ответ на вопрос о правовой природе и о перспективах подведомственности дел, возникающих из административно – правовых правоотношений. Конституционный аспект толкования ст.2 ГПК позволяет сделать вывод, что объектом судебной защиты в гражданском судопроизводстве могут выступать права и законные интересы, которые охватываются тем или иным субъективным правом, поэтому нам представляется, что дела, возникающие из административно – правовых правоотношений целесообразно отнести к подведомственности общих судов. Такой вывод вытекает из того, что судебная юрисдикция связана с рассмотрением дела, правоотношением, и, следовательно, с субъективным правом. Развитие современного законодательства свидетельствует о сближении вышеуказанного производства с исковым. Проект нового ГПК Украины предусматривает, что суд рассматривает гражданские дела в исковом или в особом производстве (ст.5). Что касается производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, то о нем упоминания в проекте нет. Это объясняется не тем, что здесь концептуально иначе, нежели в действующем законодательстве, решен вопрос о данном виде производства. Разработчики проекта ГПК исходили из того, что дела, возникающие из административно-правовых отношений, должны рассматриваться по правилам иного - административного судопроизводства в порядке, предусмотренном не ГПК, а Административно-процессуальным кодексом Украины [126, с. 3-8].

Но это не значит, что этот вопрос разрешен полностью. С принятием Конституции Украины развитие судебного контроля за административной деятельностью, надо полагать, будет идти по пути все большей специализации в рамках общих судов с постепенным возникновением относительно самостоятельной системы административных судов [122, с. 98, 99].

В связи с разработкой нового ГПК возникает вопрос и о подведомственности судам общей юрисдикции дел особого производства. По

мнению отдельных авторов, оно не связано с разрешением споров о праве и по своей природе не требует вмешательства судебной власти [122, с. 98, 99].

По нашему мнению, правосудный характер деятельности предопределяется предметом судебного рассмотрения. С ним связана и специфическая процедура (форма) судопроизводства. Предметом деятельности суда в особом производстве является установление юридических фактов или состояний. Деятельность суда в этом производстве носит установительный характер. Стремления законодателя отнести дела особого производства к юрисдикции гражданских судов не соответствует предметной характеристике судебной власти, ибо предметом судебного рассмотрения в гражданском процессе, по идее, могут быть только гражданские дела по спорам в связи с защитой субъективных прав.

В соответствии с Конституцией правосудие в Украине осуществляется исключительно судами. На практике может возникнуть потребность в разграничении полномочий Конституционного Суда и судов общей юрисдикции. В связи с этим Пленум Верховного Суда Украины в постановлении №9 от 1 ноября 1996г. «О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия» [128, с. 16-17] отметил, что суды общей юрисдикции не вправе, применяя Конституцию как акт прямого действия, признать неконституционными законы или правовые акты, перечисленные в ст.150 Конституции, поскольку это отнесено к исключительной компетенции Конституционного Суда. Вместе с тем какой – либо суд общей юрисдикции имеет право на основании ст.144 Конституции признать неконституционными или такими, что не отвечают законам Украины, решения органов местного самоуправления, а также на основании ст.124 Конституции – акты органов государственной исполнительной власти: министерств, иных центральных ведомств, местных государственных администраций и т.д. Обращение в Конституционный Суд в таком случае не требуется. При рассмотрении же гражданского дела в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции примененный закон или закон, подлежащий применению по

конкретному делу, суд, по ходатайствам участников процесса или по собственной инициативе приостанавливает рассмотрение дела и обращается с мотивированным определением (постановлением) в Верховный Суд Украины, который, в соответствии со ст.150 Конституции может возбудить перед Конституционным судом вопрос о соответствии Конституции законов и иных нормативно – правовых актов. Такое решение может принять суд первой, кассационной или надзорной инстанции в какой – либо стадии процесса [128, с. 50].

Закон «О Конституционном Суде» [133] закрепил в ст.13 полномочия Конституционного Суда. В приведенной норме определяется подведомственность дел Конституционному суду, то есть его полномочия по выполнению возложенных на него государством функций. В связи с этим, как нам представляется, названную норму следовало бы именовать не «Полномочия Конституционного Суда Украины», а «Подведомственность дел Конституционному Суду Украины», так как в настоящее время необходимо более детальное определение круга дел, подведомственных указанному судебному органу по причине того, что «в настоящее время в Конституционный Суд поступает много жалоб по категориям дел, которые не подведомственны Конституционному Суду» [134, с. 5-9; 135, с. 12].

Разрешение вопросов о конституционности законов и иных правовых актов Конституции занимает центральное место в деятельности Конституционного Суда и потому необходимо признать закономерным, что именно этот вид его деятельности поставлен законодателем на первое место [136, с. 330].

В законодательстве, регламентирующем деятельность Конституционного Суда, граждане признаются субъектами права на обращение в Конституционный суд с заявлением о нарушении его конституционных прав и свобод. Рассмотрение подобных заявлений имело место в практике Конституционного суда Украины [137, с. 169]. В.П.Тихий высказал мнение, заключающееся в том, что необходимо предоставить возможность каждому обращаться в

Конституционный Суд с заявлением о нарушении его конституционных прав и свобод, если гражданин использовал все обычные способы судебной защиты [138, с. 229]. На наш взгляд, это предложение недостаточно обосновано теоретически и практически исключает юрисдикцию общих судов. Критериями разграничения подведомственности между Конституционным судом и судами общей юрисдикции могут быть следующие положения:

1. Конституционному суду подведомственны только дела, которые прямо отнесены законодательством к его ведению. Суды общей юрисдикции рассматривают все дела по спорам о защите нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов, кроме тех, которые отнесены к исключительной компетенции других судов.

2. Судам общей юрисдикции не подведомственно рассмотрение дел о конституционности законов и иных нормативных актов определенного уровня как таковых. Однако суд общей юрисдикции имеет право «критики закона» при рассмотрении подведомственных ему дел.

3. Проверка конституционности нормативных актов составляет исключительную компетенцию Конституционного суда. Он рассматривает дела о конституционности нормативных актов безотносительно к защите субъективных прав или охраняемых законом интересов конкретных субъектов права. Защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов обеспечивают суды общей юрисдикции и существующие сейчас арбитражные суды.

В связи с рассмотрением вопроса о подведомственности как разновидности предметных полномочий актуальной является также проблема соотношения подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Действующее законодательство определяет преимущественную подведомственность для общих судов (ст. 25 ГПК) и правила подведомственности дел арбитражным судам (ст. 1, 2 АПК).

Разграничение подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов в сфере разрешения ими споров проводится по совокупности двух критериев: по субъектному составу и характеру спорных правоотношений. Споры, разрешение которых отнесено к компетенции арбитражных судов, признаются споры между юридическими лицами, гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющими статус частного предпринимателя. [139, с. 214].

В связи с определением границ и объема юрисдикции общих и арбитражных судов возникает проблема, касающаяся подведомственности споров с участием граждан - предпринимателей. Статья 55 Конституции предусматривает, что права и свободы граждан Украины защищаются судом. При этом, как видно из содержания этой нормы, неограниченная возможность судебной защиты в Конституции связывается со статусом человека и гражданина, а не с иными правовыми статусами. Это является предпосылкой для вывода о том, что при определении пределов и объема судебной власти общих и арбитражных судов, принимая во внимание конституционный принцип права граждан на судебную защиту, необходимо предусмотреть, что граждане - предприниматели могут осуществлять защиту своих прав и интересов на альтернативной основе в общем или арбитражном суде по своему выбору. Существующая судебная практика исходит из того, что исключены из подведомственности общих судов споры с участием граждан - предпринимателей.

Следующим видом предметных полномочий суда первой инстанции в гражданском процессе является подсудность гражданских дел. По действующему законодательству вопросы подсудности регулируются главой 15 ГПК и некоторыми другими нормами особого производства и производства по делам, возникающим из административно – правовых отношений.

В связи с разработкой проекта нового ГПК представляется, что законодательная регламентация подсудности не в полной мере отвечает требованиям Конституции и международно – правовым стандартам

осуществления правосудия, в частности Пакту о гражданских и политических правах, где закрепляется право каждого на пересмотр дела по существу [140, с. 6].

Концепция судебно - правовой реформы закрепила принцип двухинстанционности судебной системы. В связи с этим думается, что Верховный Суд не должен осуществлять рассмотрения дела как суд первой инстанции, поскольку в противном случае вряд ли можно говорить о том, что каждый гражданин вправе в этом случае использовать все предусмотренные способы обжалования (ст.129 Конституции). Рассмотрение дела Верховным Судом по первой инстанции противоречит принципам организации пересмотра судебных решений. Данная точка зрения поддерживается и самими судьями, а также учеными, которые предлагают разрешить проблему подсудности путем передачи всех дел на рассмотрение местных судов по первой инстанции [141, с. 11; 142, с. 205-206; 140, с. 75; 143, с. 6]. В проекте нового ГПК обоснованно закреплено, что районный (городской) суд является судом первой инстанции по всем делам, которые рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства (ст.110).

Действующее законодательство, регламентирующее подсудность, кроме общих правил, предусматривает право председателя Верховного Суда Украины, его заместителей, а также председателя Верховного Суда Республики Крым, областного и приравненных к ним судов, в пределах своей компетенции по ходатайству сторон и других участвующих в деле лиц, по заявлению прокурора или по собственной инициативе истребовать любое гражданское дело, находящееся в производстве того или иного суда, и передать его на рассмотрение в другой суд Украины (ст. 133 ГПК). Кроме того, суд кассационной инстанции вправе при отмене решения суда первой инстанции полностью или частично направить дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей или в другой суд первой инстанции (ст. 311 ГПК).

По нашему мнению, рассмотренное выше правило подсудности и то положение, согласно которому вышестоящий суд при отмене судебного акта,

вынесенного нижестоящим судом, вправе принять дело к своему производству, являются неконституционными и не соответствуют международным стандартам правосудия.¹

В этом отношении заслуживает внимание положение ст.47 Конституции РФ, которая предусматривает, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [145, с. 416].

Следующим видом полномочий суда первой инстанции являются функциональные полномочия, которые в известной мере отражают конструкцию правосубъектности суда первой инстанции. А.Ф.Козлов выделяет следующие группы: а) по обеспечению участия в процессе заинтересованных лиц; б) по собиранию, исследованию и оценке доказательств и установлению объективной истины по делу; в) по вынесению решений; г) по исправлению допущенных ошибок при вынесении решений; д) по исполнению судебных решений. К этому же виду следует отнести и те полномочия, которые касаются установления и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений [43, с. 127, 164].

По нашему мнению, функциональные полномочия суда первой инстанции целесообразнее рассматривать применительно к таким стадиям гражданского процесса в первой инстанции, как возбуждение гражданского дела; подготовка дела к судебному разбирательству; судебное разбирательство, поскольку функциональные полномочия касаются действий указанного судебного органа в процессе отправления правосудия и связаны с решающими действиями суда по руководству процессом.

В стадии возбуждения гражданского дела функциональные полномочия суда первой инстанции состоят, прежде всего, в принятии или в

---

¹ В практике Верховного Суда Российской Федерации имели место случаи, когда из-за неправильного применения норм процессуального законодательства, регулирующих институт подсудности и положения, согласно которому дело должно быть рассмотрено компетентным судом, вышестоящим судом акты органов судебной власти отменялись [144, с. 2].

отказе в принятии заявления. Вопрос об этом разрешает судья в зависимости от того, обладает ли заинтересованное лицо правом обращения в суд и осуществляется ли это право осуществляется в порядке, предусмотренном законом. Реализация указанных полномочий судом первой инстанции в известной мере затруднена, поскольку закон не указывает ни процессуального оформления принятия заявления по гражданскому делу к производству суда и с какого момента заявление считается принятым. В связи с этим следует согласиться с позицией ряда авторов, которые предлагают дополнить ст.136 ГПК положением, что судья, приняв заявление, постановляет определение о возбуждении гражданского дела. Законодательное решение данного вопроса даст возможность точно установить сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел, что имеет важное практическое значение, поскольку с моментом возбуждения гражданского дела в суде связываются определенные правовые последствия [146, с. 10; 147, с. 41, 42].

Законом (ст. 136 ГПК) определен исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых судья отказывает в принятии заявления. Отказ в возбуждении дела по основаниям, не предусмотренным в законе, не допустим, поскольку такой отказ означал бы нарушение конституционного права на судебную защиту. Убедившись в наличии необходимых предпосылок права на обращения в суд по конкретному делу, судья должен также проверить, осуществляет ли заинтересованное лицо свое права в надлежащем, предусмотренном законом порядке. Такую конструкцию нормы, регламентирующей реализацию полномочий суда по принятию заявления по гражданскому делу или отказа в его принятии следует сохранить.

В некоторых случаях для реализации права на судебную защиту закон предусматривает порядок предварительного внесудебного разрешения дела. Представляется, что это положение противоречит требованиям ст. 124 Конституции, где предусмотрено, что юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве. На этой позиции стоит и Пленум Верховного Суда Украины, который разъяснил, что суд не вправе

отказать в приеме искового заявления только на том основании, что не соблюден досудебный порядок урегулирования спора.

Закон предусматривает, что судья отказывает в принятии заявления, если имеется вступившее в законную силу постановленное по спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям решение суда или определение суда о принятии отказа от иска или об утверждении мирового соглашения сторон (ст. 136 ГПК). Закон нуждается в уточнении и здесь, поскольку в случае применения этого основания решающую роль при этом играет анализ элементов иска. Иски считаются однородными только тогда, когда в них совпадают стороны, предметы и основания. В случае замены хотя бы одного из этих элементов иски считаются неодинаковыми и судья не вправе отказать в принятии такого заявления и в возбуждении гражданского дела.

Кроме того, п.3 ст. 136 ГПК необходимо дополнить указаниями о том, что судья должен отказывать в принятии заявления и в том случае, если имеется вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу, разрешивший тождественный иск. Наконец, судья должен отказывать в приеме заявления не только при наличии определения суда об утверждении отказа от иска или об утверждении мирового соглашения сторон, но и во всех иных случаях, когда в силу ст.228 ГПК имеется определение суда о прекращении производства по тождественному иску [148, с. 36, 37].

Пункт 4 ст.136 ГПК предусматривает возможность отказа в принятии заявления также в случае, если между сторонами заключен договор о передаче спора на разрешение третейского суда. Это правило непосредственно связано с принципом диспозитивности, в соответствии с которым стороны свободно избирают форму защиты своих прав или интересов.

Отказ судьи в принятии заявление последует и том случае, если оно подано недееспособным лицом. В случае ошибочного принятия заявления судьей от недееспособного лица дело может быть рассмотрено судом только в том случае, если законный представитель недееспособного лица согласился с требованиями последнего. В противном случае суд должен оставить заявление

без рассмотрения [53, с. 209, 210]. При реализации этого полномочия, следует иметь ввиду, что подсудность определяется на момент возбуждения дела и в том случае, если после возбуждения дела истец (или ответчик) стали недееспособными. Это не может быть основанием для того, чтобы не рассматривать дело. Поэтому данную норму желательно уточнить.

К возбуждению дела в суде согласно действующему законодательству непосредственно примыкает связанная с ним стадия подготовки дела к рассмотрению в судебном заседании [149, с. 119]. Функциональные полномочия суда первой инстанции в стадии подготовки гражданского дела к судебному рассмотрению предусмотрены в ст.143 ГПК, которая регламентирует действия судьи по подготовке дела к судебному разбирательству. Указанные действия судьи по подготовке дела не носят исчерпывающего характера. Верховный Суд Украины в одном из своих постановлений указал, что помимо указанных в законодательстве действий по подготовке дела к судебному разбирательству судья должен выполнить и ряд иных условий, посредством которых повышается эффективность рассматриваемой стадии [150, с. 398, 399].

По нашему мнению, при подготовке дела к судебному разбирательству в условиях усиления диспозитивных и состязательных начал гражданского судопроизводства особое значение имеют указательные полномочия (закключающиеся в возможности указания судом иным лицам совершить определенного рода действия [151, с. 53]) и инструктивные полномочия, которые заключаются в своего рода «инструктаже» судом основных участников процесса, то есть в разъяснении лицам, участвующим в процессе, их прав и обязанностей.

Существующая регламентация подготовки дела к судебному разбирательству исходит из монопольного положения суда и обязанности суда, которая объяснялась его активностью осуществлять подготовку дела к судебному разбирательству. В конструкции гражданского процесса, который строится на началах состязательности и автономии сторон, роль суда должна носить вспомогательный характер, что должно найти отражение в этой стадии

гражданского процесса. Не случайно в теории гражданского процессуального права существует мнение, что существующая правовая регламентация подготовки гражданских дел к судебному разбирательству не отвечает гибкости и оперативности гражданского судопроизводства, препятствует введению упрощенных и более быстрых форм судопроизводства [152, с. 12].

В настоящее время в связи с разработкой нового ГПК следует предусмотреть некоторые функциональные полномочия, связанные с решающими действиями суда по руководству процессом в стадии подготовки дела к разбирательству. В настоящее время даже при наличии всех законных условий отказа истца от иска, признания иска ответчиком, заключения мирового соглашения, судья на стадии подготовки дела не вправе разрешить дело по существу по причине отсутствия законодательной регламентации за судом полномочия по утверждению названных действий сторон в рассматриваемой стадии. Иначе говоря, возбужденный процесс не может найти свое завершение в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В связи с этим целесообразно предусмотреть, что в случае отказа истца от иска, признания иска ответчиком или заключения сторонами мирового соглашения судья мотивированным определением прекращает производство по делу, если эти действия не противоречат закону [153, с. 68, 206; 146, с. 143; 152, с. 7].

В связи возрастающим авторитетом европейского права для правосудия важное значение имеет Рекомендации № R (84) 5, принятая Комитетом Министров Совета Европы и предусматривающая принципы гражданского судопроизводства, направленные на совершенствование судебной системы. Они закрепляют, что суд должен принимать меры для того, чтобы все действия, необходимые для проведения судебного заседания, принимались своевременно, и чтобы, в принципе, не допускались при этом задержки (Принцип 1). Кроме того, иски сторон, возражения по делу, объяснения сторон должны представляться на максимально ранней стадии производства и в любом случае до окончания его предварительного этапа, если таковой имеется (Принцип 5) [154, с. 5, 6].

Реализация названных полномочий в стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству предполагает распространение на эту стадию процессуальных гарантий судебного разбирательства путем установления для этой стадии подготовительного судебного заседания, которое при наличии всех необходимых для разрешения дела условий могло бы оканчиваться вынесением решения по существу.

Помимо этого, по нашему мнению, необходимо в новом ГПК предусмотреть проведение подготовки гражданского дела к судебному разбирательству в форме подготовительного заседания с извещением лиц, участвующих в деле, и других субъектов процесса, с обязательным ведением протокола судебного заседания и возможностью вынесения судебного решения по существу, если обстоятельства дела в подготовительном заседании были установлены полно и правильно.

На наш взгляд, в целях упрощения и ускорения гражданского процесса цель подготовительного заседания и функции суда должны заключаться в уяснении возможности урегулирования спора до судебного разбирательства по существу и обеспечении срочного и правильного разрешения дела.

Подводя итог вышеизложенному, мы бы предложили следующую редакцию нормы ГПК, регулирующей подготовительное судебное заседание:

«Подготовительное судебное заседание.

Подготовительное судебное заседание проводится с целью определения возможности урегулирования спора до рассмотрения дела по существу и обеспечения срочного и правильного разрешения дела.

Для урегулирования спора до рассмотрения дела в судебном заседании суд выясняет: имеет ли место отказ истца от иска, признание иска ответчиком; не желают ли стороны окончить дело мировым соглашением или передать его на рассмотрение третейского суда. В случае отказа истца от иска, заключения сторонами мирового соглашения или достижения соглашения о передаче дела на рассмотрение третейского суда, суд выносит соответствующее определение о

прекращении производства по делу, а при признании иска ответчиком - решение об удовлетворении требований.

В подготовительном заседании суд выносит промежуточное решение при наличии доказательств, подтверждающих право, и наличии спора о размере взыскиваемых сумм.

В случае, когда спор не урегулирован в порядке, определенном частью второй и третьей данной статьи, суд:

- 1) уточняет иски или возражения против иска;
- 2) решает вопрос о составе лиц, которые будут принимать участие в рассмотрении дела по существу;
- 3) определяет факты, которые необходимо установить для разрешения спора и которые признаются каждой стороной, и которые подлежат доказыванию;
- 4) выясняет, какими доказательствами каждая сторона будет обосновывать свои требования или возражения относительно непризнанных фактов, и устанавливает сроки для их представления;
- 5) разрешает вопрос об истребовании дополнительных доказательств по ходатайствам лиц, участвующих в деле и вызове свидетелей, о проведении экспертизы, привлечении к участию в деле специалистов или о судебных поручениях по сбору доказательств;
- 6) проводит осмотр письменных и вещественных доказательств, а в неотложных случаях - осмотр на месте;
- 7) определяет размер издержек, связанных с рассмотрением дела, и сроков их оплаты;
- 8) проводит иные действия, необходимые для рассмотрения дела по существу;
- 9) определяет время и место рассмотрения дела в судебном заседании.

Подготовительное судебное заседание является обязательным по каждому делу.

По заявлению одной или обеих сторон о невозможности явки в суд рассмотрение дела в предварительном судебном заседании может быть отложено, если причины неявки будут признаны судом уважительными.

В случае неявки истца без уважительных причин в предварительное судебное заседание или неуведомление им причин неявки суд оставляет его заявление без рассмотрения.

При неявки в предварительное судебное заседание ответчика без уважительных причин или неуведомления им причин неявки рассмотрение дела по существу проводится на основании доказательств, о предоставлении которых было заявлено в предварительном судебном заседании, а также в предоставленных в это заседание письменных замечаниях.

О процессуальных действиях, которые необходимо провести для рассмотрения дела по существу, суд выносит определение.

Предварительное судебное заседание проводится в соответствии с правилами, установленными для рассмотрения дела в судебном заседании.»

Приступая к исследованию функциональных полномочий суда первой инстанции в стадии судебного разбирательства необходимо учитывать, что суд здесь непосредственно исследует и оценивает собранные по делу доказательства, устанавливает обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, применяет нормы материального права и разрешает дело по существу, подтверждая наличие или отсутствие прав и обязанностей сторон.

Полномочия суда первой инстанции в рассматриваемой стадии целесообразно рассматривать исходя из содержания процессуальных действий суда по разбирательству дела [155, с. 159; 156, с. 44]. Так, можно различать следующие группы полномочий:

- 1) полномочия по руководству процессом в судебном заседании;
- 2) полномочия по окончанию процесса без вынесения судебного решения;
- 3) полномочия, связанные с вынесением решения.

Говоря о первой группе полномочий, их можно разделить на следующие группы:

- а) полномочия в подготовительной части;
- б) полномочия по руководству процессом при разрешении дела по существу.

В подготовительной части судебного заседания суд должен выяснить, имеются ли необходимые условия для рассмотрения дела в данном судебном заседании. Для этого суд разрешает три основных вопроса: 1) можно ли разбирать дело в данном составе суда; 2) можно ли разбирать дело по существу при наличии явившихся вызванных в суд лиц, участвующих в деле; 3) возможно ли рассмотреть дело при имеющихся доказательствах [157, с. 103]. Кроме того, при реализации функциональных полномочий в подготовительной части судебного разбирательства суд выясняет препятствия, которые могут помешать правильному разрешению дела, и устраняет их, а также разрешает целый ряд вопросов, представляющих собою процессуальные предпосылки для всех других частей судебного разбирательства.

При этом функциональные полномочия суда первой инстанции в подготовительной части судебного заседания выражаются в следующих его действиях. Так, суд:

- открывает судебное заседание и объявляет дело, подлежащее слушанию;
- проверяет, кто из вызванных по делу лиц явился в судебное заседание, вручены ли повестки и извещения не явившимся и какие имеются сведения о причинах их неявки;
- разъясняет сторонам и другим лицам, участвующим в деле, их права и обязанности;
- обсуждает вопрос о возможности слушания дела в отсутствие не явившихся лиц;
- проверяет явку в судебное заседание экспертов, переводчиков, разъясняет им права и обязанности и предупреждает их об ответственности; удаляет свидетелей из зала судебного заседания; обсуждает вопрос о

возможности слушания дела в отсутствие не явившихся свидетелей, экспертов и переводчиков и о мерах по отношению к тем из них, которые не явились без уважительных причин;

- разрешает ходатайства лиц, участвующих в деле и рассматривает заявления об отводах;

- рассматривает вопрос о передаче дела в другой суд, если для этого имеются законные основания [158, с. 93, 94].

При характеристике функциональных полномочий суда первой инстанции в стадии судебного разбирательства необходимо подробно остановиться на судебных полномочиях, влияющих на ход гражданского процесса, а именно на полномочия суда по отложению разбирательства дела, приостановлению производства по делу, оставлению заявления без рассмотрения, прекращению производства по делу, вынесению судебного решения.

Приступая к анализу судебных полномочий, направленных на отложение либо приостановление разбирательства дела, следует учитывать то, что суду не всегда удастся рассмотреть и разрешить дело в одном судебном заседании. Нередко суд сталкивается с обстоятельствами, препятствующими разбирательству и разрешению дела в данном судебном заседании. В подобных случаях разбирательство дела откладывается либо производство по делу приостанавливается.

Действующее законодательство предусматривает основания к отложению производства по делу. Нам представляется, что реализовать полномочие на отложение рассмотрения дела суд первой инстанции вправе в случаях:

1. Неподчинения распоряжениям суда со стороны прокурора или адвоката, если такое неподчинение имело место ранее в том же судебном заседании и названным лицам со стороны суда за совершение указанного действия делалось предупреждение. Данное основание к отложению рассмотрения дела может иметь место лишь в том случае, если названных лиц невозможно без ущерба для дела заменить другим прокурором или адвокатом.

2. Нарушения порядка в судебном заседании сторонами и третьими лицами.

По мнению диссертанта, возможность реализовать полномочие по отложению разбирательства дела должна быть предоставлена суду не только в случае нарушения порядка прокурором, адвокатом, сторонами или третьими лицами, но и при нарушении порядка в судебном заседании иными участниками процесса.

3. Неявки в судебное заседание одной из сторон или кого – либо из иных лиц, участвующих в деле, в отношении которых отсутствуют сведения о вручении им повесток.

4. Неявки в судебное заседание одной из сторон или кого – либо из иных лиц, участвующих в деле, извещенных в установленном порядке о времени и месте судебного заседания по причинам, признанным судом уважительными.

При применении данного основания необходимо учитывать, что при неопровержимой доказанности уважительности причин неявки сторон в судебное заседание на суде лежит обязанность отложить разбирательство дела [159, с. 23].

5. Отсутствия сведений о причинах неявки либо же если эти причины будут признаны неуважительными.

6. Возникновения необходимости в даче не явившейся стороной личных объяснений.

7. Неявки в судебное заседание свидетелей или экспертов с учетом мнения лиц, участвующих в деле, о возможности рассмотрения дела в отсутствие неявившихся свидетелей или экспертов.

8. Невозможности рассмотрения дела в связи с предложением стороной представить новые доказательства или в случае необходимости замены отведенного судьи.

9. Назначения сторонам срока для примирения по делам о расторжении брака.

10. В иных случаях, предусмотренных гражданским процессуальным законодательством.

Часть 3 ст. 176 действующего ГПК закрепляет правило, что при отложении рассмотрения дела суд должен допросить явившихся свидетелей, если в судебном заседании присутствуют все лица, участвующие в деле. Только в исключительных случаях по определению суда свидетелей можно не допрашивать и вызывать снова. Данное положение подвергнуто критике со стороны П.Я.Трубникова, считающего целесообразным законодательно урегулировать полномочие суда допросить неявившихся в данное судебное заседание свидетелей, не вызывая их в следующее заседание, если в этом нет необходимости [160, с. 78]. Реализация в законодательстве указанного предложения будет, по нашему мнению, способствовать более оперативному разрешению дел, производство по которым регламентируется гражданским процессуальным законодательством.

Следует отметить, что некоторые основания к отложению разбирательства дела в законодательстве отдельных государств Европы одинаковы. Так, в ГПК Германии (§246, 247 ГПК ФРГ) отложение разбирательства дела происходит, если в случаях смерти, утраты процессуальной дееспособности, выбытия законного представителя, распоряжения об управлении наследственной массой или наступления наследственной субституции имело место представительство через процессуального уполномоченного, производство по делу по заявлению заинтересованных лиц должен отложить разбирательство дела. Суд может также по своей инициативе распорядиться об отложении разбирательства дела, если сторона находится в месте, которое на основании распоряжения властей или по причине войны или по причине других случайностей отрезано от сношений с судом, принявшим дело к своему производству. Нам представляется, что названные положения необходимо учитывать при подготовке нового ГПК с учетом конкретных особенностей отечественного законодательства.

Особенность института приостановления производства по делу состоит в том, что рассмотрение дела прерывается судом на неопределенный срок вследствие наступления таких обстоятельств, которые препятствуют

дальнейшему рассмотрению дела. После устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела, производство по делу возобновляется.

Функциональные полномочия суда первой инстанции, направленные на приостановление производства по делу, целесообразно разделять на обязательные и факультативные. Обязательные полномочия применяются тогда, когда суд обязан приостановить производство по делу. Реализация данных полномочий не вызывает затруднений, и поэтому аналогичная норма содержится в проекте ГПК. Вместе с тем проект нового ГПК Украины, помимо указанных оснований обязательного приостановления производства по делу, содержит положение, согласно которому суд должен приостановить производство по делу для назначения или замены законного представителя стороны или третьего лица. Думается, что существование такой проектируемой нормы в гражданском процессуальном законодательстве существенно повысит гарантии защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов упомянутых субъектов процессуальной деятельности.

Факультативные полномочия по приостановлению производства по делу могут иметь место, когда суд вправе по просьбе сторон и других лиц, участвующих в деле, а также по своей инициативе приостановить производство по делу. Что касается реализации полномочий суда при факультативном приостановлении производства по делу, то здесь возникает проблема объективности данных действий суда. Необходимо учитывать, что основания приостановления имеют оценочный характер.

При наличии оснований факультативного приостановления производства по гражданскому делу суд должен исходить из конкретных обстоятельств дела, из соображений правильного его разрешения. При этом следует заметить, что суд при наличии оснований приостановления производства по гражданскому делу может дело приостановить по собственной инициативе и в тех случаях, когда стороны об этом и не просят, но по имеющимся материалам он не в состоянии дело правильно разрешить [161, с. 111, 112].

Таким образом, факультативное приостановление производства по делу возможно при наличии соответствующих оснований и в том случае, если это необходимо для правильного разрешения дела.

В сравнительно - правовом аспекте интересны положения Главы 5 ГПК ФРГ, где предусмотрена возможность приостановления производства по делу в случаях смерти стороны по делу до возобновления его правопреемником, открытия производства по делу о банкротстве, утраты стороной процессуальной дееспособности, наследственной субституции. В нашем гражданском процессуальном законодательстве представляется невозможным существование нормы о приостановлении производства по делу в случае открытия производства по делу о банкротстве, поскольку данная категория дел рассматривается по правилам арбитражного процессуального законодательства.

Следует отметить, что существующая регламентация института приостановления производства по делу не учитывает, что основание, по которым дело приостанавливается, может быть устранено. Поэтому представляется, что при наличии оснований приостановления производства по делу его не следует во всех случаях приостанавливать. Если указанные обстоятельства могут быть устранены немедленно, то есть по существу не препятствуют дальнейшему рассмотрению дела и правильному его разрешению, приостановление производства по делу нецелесообразно. Данное положение целесообразно закрепить законодательно.

Возобновляется приостановленное производство по делу исключительно по инициативе суда.

Вместе с тем следует отметить, что полномочия по прекращению производства по делу и оставлению иска без рассмотрения являются полномочиями по окончанию гражданского процесса без вынесения судебного решения.

В настоящее время основания для прекращения судом производства по делу закреплены в ст.227 ГПК.

Первые два пункта указанной статьи противоречат, на взгляд диссертанта, требованиям Конституции, распространяющей юрисдикцию судов на все правоотношения, возникающие в государстве (ст.124). Указанные пункты предусматривают, что дело подлежит прекращению, если оно не подлежит рассмотрению в судах и если заинтересованным лицом, обратившимся в суд, не соблюден для данной категории дел порядок предварительного внесудебного разрешения спора и возможность применения этого порядка утрачена.

В связи с усилением диспозитивных и состязательных начал гражданского судопроизводства необходимо, по нашему мнению, несколько ограничить суд в реализации полномочий, направленных на прекращение процесса на том основании, что стороны заключили мировое соглашение либо реализовали условия прекращения гражданского дела в случае отказа истца от иска. Проект ГПК не обязывает суд проверять причины реализации сторонами субъективных прав, направленных на изменение или прекращение процесса, которые ставятся в зависимость от волеизъявления сторон [162, с. 36].

По нашему мнению, государство в лице органов судебной власти не должно вмешиваться в распоряжение сторонами своими субъективными правами, направленными на распоряжение юридической судьбой спора. Поскольку рассматриваемые права являются правами, при осуществлении которых стороны распоряжаются рядом субъективных прав, направленных на изменение и прекращение процесса, то представляется излишним требование законодателя о проверке судом действительных мотивов, побудивших сторон совершать распорядительные действия, направленные на урегулирование спорного правоотношения.

Мировое соглашение, утвержденное судом, либо отказ истца от иска, который принят судом, при прекращении производства по делу могут повлиять на права и обязанности других лиц – субъектов права. Суд должен известить этих лиц о находящемся в его производстве деле, а указанные лица могут вступить в процесс в качестве третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Кроме того, за судом должна быть закреплена

обязанность не утверждать вышеуказанных действий сторон лишь в тех случаях, если такие действия противоречат закону либо могут нанести ущерб государству. На практике подобные случаи имеют место.

Так, например, Петренко В.Д. и Петренко И.С. обратились в суд с жалобой на незаконные действия администрации Звановского сельского совета и Артемовского райфинотдела, отказавшим в предоставлении им льгот по оплате отопления, ссылаясь на то, что они в соответствии со ст.8 Закона Украины «О ветеринарной службе» имеют право на льготную оплату отопления и других коммуникационных услуг. Они неоднократно обращались в Звановский сельский совет и в Артемовский райфинотдел с просьбой принять меры к погашению имеющейся у них задолженности. Соистцы, представитель Звановского сельского совета и представитель Артемовского райфинотдела в ходе судебного заседания заключили мировое соглашение. Суд вынес определение о прекращении производства по делу исходя из того, что заключение мирового соглашения имеет правовые основания и не наносит противоправного ущерба интересам государства [163, с. 22].

Что касается полномочий суда на оставление заявления без рассмотрения, то в соответствии с законодательством суд вправе их реализовать в следующих случаях:

1. Если заявление подано недееспособным лицом.
2. Если заявление от имени заинтересованного лица подано лицом, не имеющим полномочий на ведение дела.
3. В случае неявки в судебное заседание истца по вызову суда без уважительных причин или повторной неявки истца по вызову суда независимо от причин.
4. Если спор между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям находится на рассмотрении в другом суде.

Вряд ли можно согласиться с А.С.Муравьевой, что для оставления иска без рассмотрения из – за неявки истца необходимо согласие ответчика. Если же он возражает, то суд должен рассмотреть дело и вынести решение [155, с. 175].

Наряду с названными основаниями в науке гражданского процессуального права существует взгляд, автор которого предлагает к основаниям оставления иска без рассмотрения отнести случаи, когда иск предъявлен с нарушениями правил подсудности [164, с. 96, 97]. По нашему мнению, в случае подачи заинтересованным лицом заявления с нарушением правил подсудности оставление иска без рассмотрения не должно иметь место, поскольку в данном случае имеет место нарушение правил подсудности. В подобных случаях суд должен руководствоваться правилами действующей ст. 132 ГПК.

Говоря о функциональных полномочиях суда первой инстанции по вынесению решения, необходимо отметить, что наиболее существенными по вынесению решения являются полномочия с указанием конкретных действий, которые должно совершить то или иное лицо, с определением порядка и срока исполнения решения, о присуждении имущества или его стоимости. Кроме указанных функциональных полномочий по вынесению решения, суд обладает полномочиями на вынесение дополнительного решения, на исправление опечаток и явных арифметических ошибок в решении, на разъяснение решения.

Решение суда является актом правосудия, и поэтому необходимо выяснить, перед кем суд несет обязанность вынести указанный акт. М.А.Гурвич писал, что утверждение о том, что суд несет обязанность вынести решение перед государством, лишено юридического основания и смысла, поскольку не существует органа государства, перед которым суд бы нес обязанность правосудия, ибо суд творит правосудие именем государства, т.е. от лица государства. Не несет обязанности в вынесении решения суд и перед сторонами, поскольку признаком обязанности, если она юридическая, служит возможность применения государственного принуждения к ее выполнению, т.е. к санкции. Такой санкцией в отношении неправосудного решения является его отмена или изменение. Стороны и другие лица, участвующие в деле, обладают правом на жалобу, являющимся серьезным средством охраны их интереса в правосудном решении. Однако право на кассационную жалобу есть не более чем право на

одностороннее волеизъявление, осуществление которого вызывает право (и обязанность) вышестоящего суда пересмотреть решение. Такая обязанность, лишенная адресата, представляет собой правовое состояние, которому корреспондирует охраняемый законом интерес, а не субъективное право государства или лица, возбудившего процесс. Обязанность суда представляет собой конкретизацию в данном процессе общей и абстрактной государственной обязанности по правосудию [165, с. 8-13].

В.В.Комаров считает, что поскольку право гражданина требовать судебной защиты своих прав и интересов, охраняемых законом, корреспондируется конкретным органам правосудия, которые вправе рассматривать и разрешать гражданские дела, то, следовательно, обязанность вынести решение суд должен нести только перед сторонами [47, с. 7].

По нашему мнению, наиболее обоснованной представляется позиция В.В.Комарова, поскольку суд должен нести обязанность по вынесению решения только перед материально – заинтересованными лицами, права или охраняемые законом которых нарушены и подлежат судебной защите.

Помимо названных функциональных полномочий, суд, постановляя решение, обладает полномочиями относительно немедленного исполнения судебных решений. Помимо обязательных оснований немедленного исполнения указанных актов (ст.217 ГПК), существуют и факультативные, при которых закон предоставляет суду право допустить немедленное исполнение решения (ст.218 ГПК).

К полномочию суда по вынесению решения примыкает проблема заочного решения и судебного приказа, поскольку указанные институты способствуют более оперативному разрешению дела.

Заочное решение представляет собой решение суда по существу заявленных исковых требований стороны в отсутствие ответчика, извещенного судом о времени и месте рассмотрения дела, но не явившегося и не заявившего письменной просьбы о рассмотрении дела в его отсутствие.

Заочное производство в сравнении с обычным порядком судопроизводства является упрощенным, так как исследуются устные объяснения стороны и не проводятся прения сторон в ходе судебного разбирательства. Правила заочного производства были сформулированы в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. [166, с. 76-81] и в разных модификациях имеют место в гражданском процессуальном законодательстве других стран.

Заочное производство в мировой практике имеет место в случае неявки стороны к назначенному сроку в суд без уважительных причин. В случае неявки ответчика суд по просьбе стороны выносит заочное решение, а в случае неявки - истца прекращает производство по делу, но истец не лишается права на возобновление дела подачей нового искового заявления. В проекте Главы 22 отечественного ГПК также предусматривается полномочие суда на вынесение заочного решения при условии, что истец не возражает против такого разрешения спора. При вынесении заочного решения не могут быть изменены предмет или основания иска, предмет или основания иска, увеличены размеры исковых требований, и суд выходит из имеющихся в наличии доказательств.

Хотя в настоящее время отечественное процессуальное законодательство не знает нормативного закрепления заочного решения, ч.3 ст.172 ГПК в новой редакции [167] гласит, что в случае повторной неявки в судебное заседание, независимо от причин, истца или ответчика, извещенных в установленном порядке о времени и месте судебного заседания, суд рассматривает дело при наличии в деле достаточных материалов о правах и взаимоотношениях сторон. На наш взгляд, данное правило нуждается в совершенствовании по той причине, что в указанной норме имеет место своего рода предпосылка для более детальной законодательной регламентации института заочного производства в отдельной главе ГПК, поскольку в названном виде производства существуют специфические условия, порядок, а также содержание и условия законной силы заочного решения, порядок подачи и рассмотрения заявления о пересмотре заочного решения, полномочия суда и основания к отмене заочного решения.

Изложенное позволяет сделать вывод, что заочное решение является, по сути, судебным решением, которое выносится с учетом всех требований, предъявляемых к судебному решению со всеми его свойствами.

В целях упрощения производства по гражданским делам в процессуальном законодательстве предлагается предусмотреть институт судебного приказа.

Судебный приказ - это постановление судьи, вынесенное по заявлению кредитора о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества должника [168, с. 225].

Приказное производство представляет собой одну из упрощенных форм (наряду с заочным решением) защиты прав и интересов кредитора, чьи требования к должнику основаны на бесспорных документах.

Функциональные полномочия суда первой инстанции в приказном производстве должны заключаться в отказе в принятии заявления, в принятии заявления к производству, в разрешении заявления по существу.

По нашему мнению, судья должен отказать в принятии заявления о выдаче судебного приказа в случаях:

- 1) если требование кредитора не основано на законе;
- 2) если не представлены документы, подтверждающие заявленное требование;
- 3) если заявленное требование не оплачено государственной пошлиной.

В случае принятия судьей заявления к производству он обязан в определенный срок известить об этом должника и предоставить ему срок для ответа на заявленное требование.

Кроме того, судья должен обладать полномочиями, направленными на отказ в выдаче судебного приказа, суть которых заключается в следующих положениях: судья отказывает в выдаче судебного приказа, если должник не согласен с заявленным требованием либо если усматривается наличие спора о праве, который невозможно разрешить на основании представленных документов.

На наш взгляд, судебный приказ является «квази - решением» суда, суррогатом судебного решения, поскольку в приказном производстве процедура рассмотрения дела несколько отличается от обычного порядка рассмотрения спора о праве, в то время как судебный приказ имеет то же процессуально – правовое значение, что и судебное решение.

Полномочия, направленные на отмену судебного приказа, должны иметь место в случае, если должник в определенный законодательством срок со дня выдачи приказа подал заявление о его отмене в тот же суд при условии, что он по уважительной причине не имел возможности своевременно заявить свои возражения против требования заявителя. В случае отмены приказа требование заявителя может быть рассмотрено в порядке искового производства.

2.3 Гражданская процессуальная правосубъектность суда кассационной инстанции

Суд кассационной инстанции обладает специфической компетенцией, которая заключается, прежде всего, в наличии у него контрольных полномочий. Совокупность полномочий образует компетенцию суда второй инстанции, определяющую его правовое положение в системе судебных органов.¹ Некоторые авторы полномочия суда кассационной инстанции сводят только к процессуальным правам кассационной инстанции, от которых непосредственно зависит судьба обжалованного решения [170, с. 24].

Предметные полномочия суда кассационной инстанции связаны с сущностью и объектом кассационного пересмотра. Это отличает кассацию от одноименных полномочий суда первой и надзорной инстанций.

Сущность института обжалования судебных решений в кассационном порядке состоит в проверке законности и обоснованности судебного решения, вынесенного нижестоящим судом, и в гарантировании сторонам защиты их прав и законных интересов. Особенностью рассматриваемого института является то, что кассационной инстанции присущи ревизионные начала, заключающиеся в осуществлении контроля за деятельностью судов первой инстанции [171, с. 6-17], то есть он проверяет дело независимо от мотивов кассационной жалобы или представления.

Объектом кассационного пересмотра являются акты суда первой инстанции, не вступившие в законную силу. Однако не все решения и определения суда по действующему законодательству подлежат кассационному обжалованию. Согласно ст.ст.290 и 323 ГПК, не подлежат кассационному обжалованию решения и определения Верховного Суда Украины, которые вступают в законную силу немедленно после их провозглашения и могут быть пересмотрены лишь в порядке надзора. Закон допускает возможность

---

¹ В процессуальной литературе имеют место высказывания, что правосубъектность суда кассационной инстанции состоит из правоспособности и дееспособности [169, с. 59].

обжалования только тех определений, которые перечислены в п.1 ч.1 ст.323 ГПК и которые препятствуют дальнейшему движению дела.

В юридической литературе высказывались предположения о желательности отказа от запрета обжалования решений, вынесенных по первой инстанции Верховным Судом [172, с. 242]. Мы полагаем, что запрет обжалования в указанных случаях в какой-то мере ограничивает права лиц, участвующих в процессе, сужая гарантии вынесения законного и обоснованного решения. Однако указанное предложение не решает проблемы в целом, так как остается невыясненным вопрос о том, куда могут быть обжалованы названные решения.

Существующий институт кассационного обжалования судебных решений и определений — это специфический для советской процессуальной системы институт, который неизвестен другим национальным законодательствам, где проверка судебных актов осуществляется в порядке апелляции и в порядке кассации (сущность которой не имеет ничего общего с отечественным одноименным институтом) или ревизии.

Законодательно закреплено (ч.2 ст.310 ГПК), что суд не связан доводами кассационной жалобы или представления и обязан проверить дело в полном объеме, как в обжалуемой, так и в не обжалуемой части, в том числе и в отношении лиц, не подавших жалобы. Изложенное позволяет предположить, что институту пересмотра судебных актов в кассационном порядке присущи ревизионные начала. Существование данного правила поддерживается в литературе [173, с. 4; 174, с. 35]. Так, М.Алиэскеров отмечает: «Практика показывает, что нередко не соответствующие требованиям закона и существенно ущемляющие права граждан судебные решения не обжалуются из – за правовой неосведомленности лиц, участвующих в деле. С учетом этого сохранение за кассационной инстанцией права проверки решения в полном объеме представляется оправданным» [175, с. 23].

На наш взгляд, применение указанной нормы противоречит принципу диспозитивности, в силу которого движение гражданского дела (возбуждение

дела в суде, передача дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию) определяется интересом лиц, права которых затрагиваются данным спором.

Институт кассации, как и его законодательная регламентация, могут быть оценены по – разному. Следует отметить, что он сориентирован на защиту прав и охраняемых законом прав и правопорядка в целом и соответствующую активную роль суда в гражданском процессе. Отсюда так или иначе объективно реформы гражданского процесса связаны с разработкой новых форм пересмотра судебных решений и фундаментальных принципов гражданского процессуального права.¹

Функциональные полномочия суда кассационной инстанции целесообразно, по нашему мнению, классифицировать на следующие группы: 1) по руководству и организации процесса; 2) по собиранию, исследованию и оценке доказательств и установлению истины по делу, а также связанные с решением вопроса о юридической судьбе решения (определения) суда первой инстанции.

В свою очередь полномочия по руководству и организации процесса следует рассматривать исходя из частей судебного заседания:

- а) полномочия, связанные с извещением заинтересованных лиц о рассмотрении дела по кассационной жалобе или представлению;
- б) полномочия по обеспечению порядка в судебном заседании;
- в) полномочия по руководству процессом при разрешении кассационной жалобы или представления (полномочия по разъяснению участвующим в деле лицам их прав и обязанностей, по отложению дела, по разъяснению ходатайств и заявлений лиц, участвующих в деле, по принятию и оценке новых материалов и доводов, которые не были указаны в кассационной жалобе, по проверке дела в полном объеме независимо от доводов кассационной жалобы или представления, по вынесению определения по делу, рассмотренному в кассационном порядке);

---

¹ Ранее действовавшее процессуальное законодательство также закрепляло за судом кассационной инстанции широкие полномочия, направленные не только на оставление в силе судебного решения или отмены его с направлением дела на новое рассмотрение, но и на изменение решения и прекращение производства по делу [176, с. 91].

- г) полномочия, связанные с дачей указаний по делу, рассматриваемому в кассационной инстанции;
- д) полномочия, связанные с вынесением частного определения;
- е) полномочия, связанные с рассмотрением кассационных жалоб, поступивших после рассмотрения дела в кассационном порядке.

Данный вид полномочий суда кассационной инстанции имеет сходные черты с полномочиями суда первой инстанции при разбирательстве гражданского дела с некоторыми особенностями, и поэтому в настоящем подразделе мы остановимся только на тех полномочиях, которые присущи только суду кассационной инстанции.

Вторым видом функциональных полномочий суда кассационной инстанции являются решающие полномочия, которые являются результатом рассмотрения кассационной жалобы или определения и определяют дальнейшую юридическую судьбу решения либо определения суда первой инстанции, предусмотренные ст.311 ГПК.

Для более полной характеристики компетенции суда кассационной инстанции необходимо рассмотреть каждое из законодательно - закрепленных специфических для суда кассационной инстанции полномочий в отдельности.

Суд кассационной инстанции оставляет решение без изменения, а жалобу или представление без удовлетворения, если решение является правосудным либо содержит недостатки, не являющиеся основанием для его отмены или изменения. В последнем случае суд кассационной инстанции обязан указать на допущенные судом недостатки в специально вынесенном частном определении [177, с. 420].

Правосудность решения суда – это совокупность требований, предъявляемых к решению как к акту правосудия. Так, решение суда должно быть законным и обоснованным, полным, ясным и точным. Законность и обоснованность являются важнейшими требованиями, которым должно отвечать любое решение суда. Названные категории не являются идентичными и взаимозаменяемыми. Нельзя согласиться с А.С.Грицановым, что законностью в

широком смысле охватывается и обоснованность, поскольку всякое необоснованное решение является одновременно и незаконным [178, с. 66], ибо в узко – специальном смысле законность судебного решения не порождает с неизбежностью его обоснованность. Так, при правильном установлении фактического состава возможна неправильная юридическая квалификация, которая приводит к незаконности судебного решения. Нарушение норм процессуального права также не всегда порождает необоснованность решения. Например, при отмене судебного решения вследствие незаконного состава суда, при установлении всех фактов по делу решения отменяются как незаконные.

В юридической литературе под законностью судебного решения понимается соответствие его нормам материального права, регулирующего спорное правоотношение, а также вынесение решения при строгом соблюдении норм судопроизводства. Предпосылками законности судебного решения являются: правильное применение норм материального права и соблюдение установленного законом порядка судебного разбирательства гражданских дел [178, с. 17].

Помимо законности решение суда должно быть обоснованным¹. Обоснованным считается решение, в котором полно отображены обстоятельства, имеющие значение для конкретного дела, эти обстоятельства подтверждены доказательствами и судом сделаны правильные выводы из собранного доказательственного материала [180, с. 292].

Кроме этого, судебное решение должно отличаться полнотой, суть которой сводится к тому, что суд обязан вынести такое решение, которое дает ответ на все поставленные в заявлении вопросы и требования [178, с. 67, 68; 173, с. 8], а также отвечать и другим требованиям, предъявляемым законодательством.

---

¹ В литературе выделяется такой вид необоснованного решения, как решение, которое нельзя исполнить. Необоснованность решения также иногда связывается с его неубедительностью [179, с. 90-92].

Таким образом, если судебное решение отвечает всем указанным ранее требованиям, то суд кассационной инстанции оставляет его без изменения, а кассационную жалобу или представление прокурора – без удовлетворения.

Следует отметить, что правосудность решения, как отмечалось, является слагаемым разнородных требований. Вместе с тем в том случае, если решение суда не соответствует требованиям закона, закон предусматривает устранение недостатков решения. Недостатки, как известно, может устранять и суд, постановивший решение, и вышестоящий суд, в том числе и кассационный.

Последующие полномочия суда кассационной инстанции направлены на отмену судебного решения. Причем они непосредственно связаны с предусмотренными основаниями к отмене решения суда в кассационном порядке.

Основаниями к отмене судебного акта суда первой инстанции являются: неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела; недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые суд считает установленными; несоответствие выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела; нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права.

Неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела связано с неверным определением судом первой инстанции предмета доказывания – круга материально – правовых фактов¹. Отмена решения по указанному основанию может иметь место также при невыяснении доказательственных фактов, имеющих значение для установления доказательственных фактов [182, с. 13, 14]. Отменяя решение в связи с неполным выяснением обстоятельств, имеющих значение для дела, кассационная инстанция должна дать оценку тому, какое значение для вынесения по делу решения могло иметь установление того или

---

¹ Применение указанного выше основания для отмены решения суда первой инстанции, как пишет В.И.Тертышников, часто имеет место в случае некачественной подготовки дела к судебному рассмотрению [174, с. 36].

В юридической литературе отмечалось, что 48% отмененных решений отменяется из-за неполноты подготовки дел к разбирательству и поверхностного исследования

иного факта. Если установление такого факта не могло привести суд к иному окончательному выводу, то решение суда не должно быть отменено.

Недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые суд считает установленными, является следствием недостаточности доказательств. К выводу о недоказанности обстоятельств, имеющих значение для дела, суд кассационной инстанции приходит в случаях, когда он сомневается в достоверности доказательств, их полноте, правильности данной им оценки. Вывод о доказанности или недоказанности обстоятельств, имеющих значение для дела, возможен лишь на основе оценки доказательств. Назначение оценки доказательств кассационной инстанцией состоит в проверке правильности их оценки судом первой инстанции.

Сказанное позволяет определить отличительные черты рассмотренных оснований к отмене решения суда в кассационном порядке. Необоснованность судебного решения в виде недоказанности обстоятельств, имеющих значение для дела от такого вида необоснованности, как неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела, состоит в том, что суд, правильно определив предмет доказывания и признав установленными существенные по делу обстоятельства (юридические факты материального права), не привел достаточно доказательств их существования [182, с. 10]. Несоответствие выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела имеет место, когда из полно и правильно установленных фактических обстоятельств дела нижестоящий суд сделал неверный, нелогичный вывод о фактических взаимоотношениях сторон. Нередко несоответствующий обстоятельствам дела вывод суда, изложенный в решении, порождает у вышестоящего суда сомнение либо в полноте выяснения нижестоящим судом обстоятельств, имеющих значение для дела, либо в их доказанности.

Несоответствие выводов суда обстоятельствам дела может проявляться двояко. Во – первых, в противоречии выводов суда установленным им фактам.

обстоятельств дела в судебном заседании [181, с. 25].

Во – вторых, в противоречии выводов суда о правоотношении сторон обстоятельствам дела.

Важно четко представлять данные отличия, так как от этого зависит правильность действий вышестоящих судебных органов. В первом случае суд кассационной инстанции обязан отменить судебное решение и передать дело на новое рассмотрение по первой инстанции, поскольку возникает необходимость уточнения или расширения данных о фактических обстоятельствах дела. Во втором случае суд кассационной инстанции при определенных условиях вправе вынести новое решение или изменить решение суда, не направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Несоответствие выводов суда обстоятельствам дела может быть и следствием того, что суд не привел мотивы, по которым он опроверг одни доказательства и признал достоверными другие.

Нам представляется, что несоответствующими обстоятельствам дела выводы суда, изложенные в решении, должны быть признаны и в том случае, если эти выводы не мотивированы либо мотивированы неубедительно.

В.К.Пучинский отмечал, что несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам может иметь место, когда в процессе используются не прямые, а косвенные доказательства [170, с. 33]. По нашему мнению, с этим положением вряд ли можно согласиться, поскольку в противном случае наблюдается нарушение принципа свободной оценки доказательств, в соответствии с которым никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы.

Нарушение или неправильное применение норм материального или норм процессуального права – относительно самостоятельное основание отмены судебного решения, и является следствием его незаконности [183, с. 9].

Нормы материального права считаются нарушенными или неправильно примененными:

- 1) если суд не применил закон, подлежащий применению;
- 2) если суд применил закон, не подлежащий применению;
- 3) если суд неправильно истолковал закон.

При характеристике рассмотренных случаев нарушения или неправильного применения норм материального права необходимо учитывать, что нарушения норм материального права, выразившееся в неприменении закона, подлежащего применению, или в применении закона, не подлежащего применению, не всегда четко различимы. Поэтому для их разграничения необходимо иметь в виду, что если в случае применения закона, не подлежащего применению, суд по ошибке к отношениям сторон применяет не тот закон, который должен быть применен, то при неприменении закона, подлежащего применению, суд при разрешении правового спора не применяет в полном объеме нормы материального права и выносит решение, противоречащее действующему законодательству.

Нарушение или неправильное применение норм материального права может заключаться и в неправильном истолковании закона. В данном случае речь идет о применении надлежащих норм права, однако ошибочное понимание судом смысла закона повлекло неправильное его применение. Наиболее часто такие ошибки имеют место при толковании норм права по объему их действия, когда суды толкуют и применяют их или необоснованно расширительно, или, наоборот, ограниченно [184, с. 32].

Установив ошибку в толковании закона нижестоящим судом, суд кассационной инстанции в своем определении должен убедительно и ясно показать, в чем именно состоит неправильность понимания закона, как нужно его толковать и почему закон должен именно так пониматься [173, с. 28].

Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием к отмене судебного решения лишь при условии, если такое нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению дела [185, с. 130].

По мнению Н.П.Елизарова, нарушение норм процессуального права, в отличие от нарушения норм материального права, ни при каких обстоятельствах не может служить основанием к изменению решения или постановлению нового решения. Его процессуально – правовое значение состоит в том, что оно служит

основанием к отмене судебного решения, если это нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению дела [182, с. 13]. Однако более справедливым представляется утверждение З.Молчановой и В.Тертышникова, по мнению которых в отличие от нарушения норм материального права нарушение или неправильное применение норм процессуального права не во всех случаях влечет отмену судебного решения, поскольку не всегда решительным образом влияет на его суть [184, с. 32].

Вместе с тем законодательство (ч.2 ст.314 ГПК) закрепило перечень безусловных оснований, при наличии которых суд кассационной инстанции обязан отменить судебное решение. Анализ данных оснований свидетельствует, что все они связаны с нарушением основ процессуальной формы или с нарушением прав заинтересованных лиц.

Вместе с тем следует отметить сложность выявления процессуальных нарушений, которые могли бы повлиять на правильность судебного решения, так как кассационная инстанция лишена возможности установить прямую связь между обнаруженным нарушением и его последствиями. Здесь наиболее характерно проявляется требование проверки всех предполагаемых моментов во взаимосвязи с конкретными обстоятельствами дела, полнотой их исследования, действиями суда и участников процесса. Разумеется, в данном случае не может быть и речи о каком – либо перечне возможных нарушений норм процессуального права. Осуществление рассматриваемых полномочий заключается в выявлении процессуальных нарушений и их предполагаемых последствий. Возникшее в связи с этим сомнение в правильности судебного акта может служить основанием к отмене решения. Осуществление этих полномочий преследует цель отправления правосудия в строгом соответствии с требованиями достижения достоверных знаний о существе дела, исключая какие – либо сомнительные моменты в проверяемых судебных актах.

Относительно реализации данного полномочия юридическая практика богата примерами. Так, граждане П.О. и П.Н. предъявили иск к колхозу «Дружба» Тростянецкого района о возмещении убытков. Истцы указали, что

водитель Х., управляя колхозным автомобилем, грубо нарушив правила дорожного движения, совершил автоаварию, вследствие чего принадлежавший им автомобиль «Жигули» был поврежден; на его ремонт потрачено 2 900 руб. Кроме того, в связи с повреждением здоровья они не получили за пять дней 80 руб. заработной платы. Всего истцы просили взыскать с ответчика 2 998 руб.

Решением Тростянецкого районного суда иск удовлетворен. В кассационном порядке дело не рассматривалось. В протесте Председателя Верховного суда ставился вопрос об отмене решения районного суда как вынесенного с нарушением требований законодательства.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии со ст.203 ГПК мотивировочная часть решения должна содержать установленные судом обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, их юридическую оценку, а также оценку всех доказательств, расчеты, из которых суд исходил при удовлетворении денежных и иных материальных требований.

В решении суда, напротив, не приведены доказательства, почему иск признан доказанным в установленном размере. Обоснованность размера заявленных требований фактически судом не проверялась. Письменные доказательства о размере транспортных услуг, заработной платы истцов, а также заключение об утрате товарного вида автомобиля судом не исследовались.

Кроме того, дело рассматривалось при отсутствии представителя колхоза.

Поскольку дело рассмотрено судом с нарушением требований процессуального закона, вынесенное районным судом решение подлежит отмене. Руководствуясь ст.ст. 336, 337 ГПК, президиум областного суда постановил: протест заместителя Председателя Верховного Суда удовлетворить; решение Тростянецкого районного суда отменить, а дело направить на новое рассмотрение [186, с. 236, 237].

Однако при рассмотрении дела судом первой инстанции могут иметь место процессуальные нарушения, которые не влияют на суть решения и не могут быть основанием к его отмене. Например, при нарушении сроков

рассмотрения дел или при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании с последующим установлением кассационной инстанцией, что оснований для этого не было [184, с. 33]. Подобные нарушения, по справедливому замечанию К.И.Комиссарова, «обычно носят формальный характер, а в силу закона ни одно правильное по существу решение не может быть отменено по одним лишь формальным соображениям. Поэтому процессуальные нарушения, которые не отразились и не могли в конкретном случае повлиять на правильность разрешения спора о материальном праве, не могут служить причиной отмены решения» [173, с. 38]. Исходя из этого вряд ли можно согласиться с Л.Ф.Лесницкой, что любое процессуальное нарушение в зависимости от конкретной ситуации может повлиять на правильность вынесенного решения [187, с. 169, 170].

При обнаружении судом кассационной инстанции нарушений норм процессуального права, не влияющих на правильность судебного решения и, следовательно, не являющихся основанием к отмене последнего, упомянутый судебный орган указывает на это соответствующему нижестоящему суду частным определением, предостерегая тем самым суд первой инстанции от повторения таких ошибок.

Рассмотрев основания к отмене решения суда в кассационном порядке, необходимо остановиться на характеристике полномочий суда кассационной инстанции, направленных на отмену решения полностью или частично.

При наличии названных оснований суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, вправе определением отменить решение полностью или частично и направить дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей или в другой суд первой инстанции. Это полномочие указанный судебный орган вправе использовать в случае, если в решении суда имеются такие дефекты, которые не могут быть исправлены в кассационном производстве. Если при рассмотрении дела по существу суд первой инстанции не выяснил всех существенных обстоятельств по делу, не подтвердил обстоятельства необходимыми доказательствами, не сделал правильного вывода из

установленных фактов, то кассационная инстанция должна отменить его решение и передать дело на новое рассмотрение. Иначе говоря, решение отменяется с направлением дела на новое рассмотрение, если оно содержит такие недостатки, которые могут быть исправлены только при новом рассмотрении дела по существу.

Суд кассационной инстанции вправе при направлении дела на новое рассмотрение дать указания суду первой инстанции. Указания, изложенные в определении суда, рассматривавшего дело в кассационном порядке, в случае отмены решения суда первой инстанции и передачи дела на новое рассмотрение обязательны для суда, вновь рассматривающего данное дело (ч.1 ст. 319 ГПК). Представляется обоснованным мнение В.Калмацкого, что круг вопросов, по которым могут даваться указания, не может быть определен исчерпывающе ввиду разнообразия процессуальных ситуаций, складывающихся по конкретным гражданским делам. Можно определить лишь требования, которые предъявляются к даче указаний со стороны суда кассационной инстанции. Они должны быть продиктованы потребностями правильного рассмотрения дела, обуславливаясь недостатками, допущенными судом первой инстанции. Указания, по существу, - это средство реагирования на конкретные недостатки и предупреждение их при новом судебном разбирательстве. Они ни в коей мере не должны влиять на формирование внутреннего судейского убеждения, выводов судей относительно правильной сущности разрешаемого гражданского дела. Они должны быть реальны для исполнения [188, с. 23].

Следующее полномочие суда кассационной инстанции заключается в отмене решения полностью или частично и в прекращении производства по делу либо в оставлении заявления без рассмотрения. Согласно ст.315 ГПК, решение суда подлежит отмене в кассационном порядке с прекращением производства по делу или оставлением заявления без рассмотрения по основаниям, указанных в статьях 227 и 229 ГПК.

По сути все основания отмены решения с прекращением производства по делу можно подразделить на две группы: одну составляют основания,

свидетельствующие об ошибке суда в связи с отсутствием у истца права на судебную защиту по данному делу, а другую – основания, вытекающие из принципа диспозитивности гражданского процесса.

В процессуальной литературе отмечалось, что полномочия на отмену решения с последующим прекращением производства по делу или оставлением иска без рассмотрения возникают при наличии соответствующих нарушений процессуального закона в отличие от полномочия на вынесение нового решения или изменение ранее вынесенного решения, которое реализуется в связи с нарушением норм материального права [188, с. 17].

Прекращение дела производством судом кассационной инстанции имеет определенные последствия: стороны возвращаются в то положение, в каком они находились до предъявления иска; наступает поворот исполнения решения суда первой инстанции; повторное предъявление тождественного иска невозможно.

По нашему мнению, следует признать справедливым суждение, автор которого выступает против предоставления суду кассационной инстанции полномочия оставлять иск без рассмотрения по той причине, что вышестоящему суду невозможно оставить без рассмотрения исковое заявление, которое уже рассмотрено судом первой инстанции.

Пункт 4 ст.311 ГПК закрепляет за судом кассационной инстанции полномочия, направленные на изменение решения суда первой инстанции или постановление нового решения, не передавая при этом дело на новое рассмотрение, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права [189, с. 33].

Предоставление кассационной инстанции полномочий на изменение решений, а также на вынесение новых объясняется стремлением к более эффективной защите гражданских прав в суде, направлено против формализма и волокиты в правосудии [178, с. 116].

Отдельные процессуалисты под новым решением понимают тот судебный акт, который будет противоположным по содержанию решению суда первой инстанции. Остальные поправки, которые не приводят к изменению характера и существа решения суда первой инстанции, по их мнению, должны оформляться как изменение решения [190, с. 62]. Соглашаясь в принципе с таким подходом, мы полагаем бы, что целесообразно несколько сузить указание законодателя относительно права суда второй инстанции производить изменение решения, вызываемые неправильным применением закона. Неправильное применение закона является одним из поводов к отмене решения, поэтому нельзя признать логичным, что одно и то же нарушение без каких – либо оговорок и ограничений установлено и для изменения решения, и для его отмены.

Суд кассационной инстанции может постановить новое решение, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права. Так, в связи с потерей кормильца гражданка Х. предъявила иск к шахте «Великомостовская» №5 о возмещении вреда, не соглашаясь с размером, определенным администрацией шахты. По ее утверждениям, администрация шахты безосновательно не включила в размер возмещения средний заработок за работу в выходные дни, в которые потерпевший работал в соответствии с постановлением правительства.

Решением Красноградского городского суда иск удовлетворен. Судебной коллегией по гражданским делам Львовского областного суда решение городского суда изменено и возмещение определено в ином размере.

Президиум Львовского областного суда удовлетворил протест и в постановлении о направлении дела на новое рассмотрение в кассационном порядке указал, что судебная коллегия, изменяя решение, исходила из неправильности определения городским судом количества выходных дней, заработок за работу в которые исчисляется в соответствии с постановлением

правительства при исчислении среднего заработка. Таким образом, решение городского суда изменено в связи с тем, что его выводы не соответствуют обстоятельствам дела. Однако определив, что выводы суда не соответствуют обстоятельствам дела, суд кассационной инстанции должен был в соответствии с п.3 ст.312 ГПК отменить решение и передать дело на новое рассмотрение, а не изменять его.

Поскольку определение судебной коллегии областного суда вынесено в нарушение полномочий суда кассационной инстанции, оно подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение в кассационном порядке [186, с. 239, 240].

Концепция судебно – правовой реформы, ст.129 Конституции признали необходимым внедрение пересмотра законности и обоснованности судебных решений в апелляционном порядке.

Историко – правовой анализ института апелляционного пересмотра судебных актов позволяет проследить, что исчезновение института апелляционного обжалования в гражданском судопроизводстве нашей страны Декретом Совета Народных Комиссаров №1 «О суде» от 22 ноября (5 декабря) 1917 года явилось следствием того, что наряду с ломкой старой судебной системы уничтожалось все дореволюционное судопроизводство, в том числе и гражданское, элементом которого была апелляция. Модель же нового судостроения, сориентированная на принятые в то время теоретические постулаты, предполагала упрощение судебной деятельности как результат установления новых общественно – экономических отношений и отвергла институт апелляции как утративший свое значение.

Представляется, что существование института апелляционного пересмотра связан с таким принципом демократического судопроизводства, как двухинстанционность, предусматривающий обжалование решений и определений суда первой инстанции в апелляционном порядке. Введение в судостроение апелляционного пересмотра судебных постановлений позволит более полно гарантировать реализацию права на судебную защиту, поскольку

апелляция предполагает вторичное рассмотрение дела по существу; обеспечить определенную быстроту и четкость в осуществлении правосудия. Это связано с правом апелляционного суда выносить новое решение в результате вторичного рассмотрения дела; способствовать формированию единообразной судебной практики, поскольку решения апелляционных судов будут служить ориентиром для судов первой инстанции, что позволит уменьшить вероятность судебной ошибки [191, с. 45, 46].

Современному законодательству институт апелляции неизвестен, однако в правовой науке общепризнанным является то, что суд апелляционной инстанции вправе выносить новое решение, являющееся фактически квази – судебным решением по первой инстанции [192, с. 47; 193, с. 22, 23; 194, с. 158]. Обладая названным полномочием, апелляционная инстанция не подменяет собой суд первой инстанции, а остается по отношению к нему контрольно – правовым институтом [195, с. 106].

Однако необходимо отметить, что фактически речь идет не о внедрении в гражданское судопроизводство абсолютно нового производства, а о реформировании предусмотренной действующим законодательством стадии кассационного производства, поскольку ей присущи некоторые черты апелляционного производства, особенно возможность и обязанность проверить дело в полном объеме как по правовым, так и по фактическим основаниям [196, с. 106].

В процессуальной литературе обсуждается вопрос, какой форме апелляции отдать предпочтение в проекте ГПК, - системе полной апелляции или системе неполной апелляции? Некоторые юристы считают целесообразным отдать предпочтение полной апелляции [191, с. 57; 196, с. 217-220], другие же – неполной [197, с. 96].

На наш взгляд, основы принципа состязательности, закрепленного в действующем законодательстве, дает основания говорить о целесообразности введения неполной апелляции. Это значит, что роль апелляционной инстанции ограничивается проверкой и разрешением дел заново с принятием во внимание

обстоятельств (фактического материала), которые были предметом исследования суда первой инстанции, представлялись сторонами и иными субъектами доказательственной деятельности. В системе неполной апелляции стороны не могут представлять во вторую инстанцию новые доказательства и указывать на новые обстоятельства, имеющие значение для дела.

Система неполной апелляции, кроме названных обстоятельств, более целесообразна и потому, что система полной апелляции открывает возможности для злоупотреблений со стороны сторон, что может заключаться в умышленном отложении предоставления доказательств, чтобы предоставить их только в суд второй инстанции и, требуя отложения рассмотрения, препятствовать движению процесса. Необходимо указать и на ту положительную черту неполной апелляции, при которой дела не разрешаются заново, а происходит только проверка правильности решений судов первой инстанции на основе письменных актов судопроизводства. А потому стороны, проживающие далеко от места расположения апелляционного суда, могут не являться в судебное заседание.

Диссертант солидарен с мнением М.И.Штефана, что суд апелляционной инстанции должен пересматривать дело в пределах требований и оснований апелляционной жалобы, представления, проверять законность и обоснованность решения только в обжалуемой части и относительно лиц, которые подали жалобу или относительно которых внесено представление прокурором [194, с. 157].

Говоря о полномочиях суда апелляционной инстанции в отношении проверяемого им решения суда первой инстанции, необходимо отметить, что в юридической литературе на этот счет высказываются различные мнения [192, с. 47].

Нам представляется, что апелляционная инстанция так же, как и описанные выше звенья судебной системы, должна обладать предметными и функциональными полномочиями.

Предметные полномочия связаны с объектом пересмотра апелляционной инстанции. Им должны быть решения и определения суда первой инстанции, не

вступившие в законную силу, на которые лицами, участвующими в деле, подана апелляционная жалоба или представление прокурора.

Функциональные полномочия должны сводиться к следующим видам: по руководству и организации процесса; по собиранию, исследованию и оценке доказательств и установлению истины по делу, а также связанные с решением вопроса о юридической судьбе решения (определения) суда первой инстанции; по вынесению решений. Функциональные полномочия суда апелляционной инстанции второго вида связаны с проверяемым им решением суда первой инстанции и направлены на распоряжение юридической судьбой последнего.

Нам представляется, что норму, закрепляющую перечень полномочий суда апелляционной инстанции, в будущем законе «О судеустройстве» и ГПК следует изложить в такой редакции:

«Полномочия суда апелляционной инстанции.

Рассматривая дело по апелляционной жалобе или представлению, суд апелляционной инстанции обладает следующими полномочиями:

- 1) оставить решение (определение) без изменений, а жалобу – без удовлетворения;
- 2) отменить решение полностью или частично и вынести новое либо отменить решение (определение) и прекратить производство по делу;
- 3) изменить решение.»

2.4. Гражданская процессуальная правосубъектность суда надзорной инстанции

Гражданская процессуальная правосубъектность суда надзорной инстанции состоит из компетенции, элементами которой являются предметные и функциональные полномочия.

Диссертант солидарен с мнением А.Ю.Кожемякина, что полномочия суда, рассматривающего гражданское дело в порядке надзора, определяются как комплекс правомочий и обязанностей, а не как лишь его права [202, с. 136, 137].

Полномочия суда надзорной инстанции предопределены, в первую очередь, сущностью пересмотра, объектом пересмотра и процедурой рассмотрения дела.

Объектом пересмотра в порядке надзора, в отличие от кассационного пересмотра, являются постановления суда, вступившие в законную силу. Законодательство не ограничивает, как это имеет место в кассационном производстве, возможность обжалования тех или иных судебных актов, из чего можно сделать вывод, что обжалованию в порядке подлежит любое решение или определение суда первой или кассационной инстанции, вступившее в законную силу.

Объектом надзорного пересмотра может быть и постановление суда нижестоящей надзорной инстанции, однако вносить изменения в свои же постановления суд не вправе. Но в судебной практике имеют место случаи, когда данное правило нарушается. Так, постановлением президиума Ворошиловградского областного суда от 26 сентября 1979г. удовлетворен протест прокурора Ворошиловградской области относительно незаконности судебного решения, вынесенного Ленинским районным судом г.Ворошиловграда по гражданскому делу. В мотивировочной части решения районного суда исключено указание на то, что к обнаруженной недостатке материальных ценностей истица отношения не имела, поскольку на момент ее возникновения истица находилась в отпуске. В остальном решение районного суда осталось без изменений.

Дополнительным постановлением указанного президиума от 10 октября 1979г. также по протесту прокурора области внесены изменения в постановление президиума областного суда от 26 сентября 1979г. и в мотивировочной части решения районного суда исключены указания на отсутствие нарушений правил торговли.

Протест заместителя Председателя Верховного Суда Украины об отмене всех судебных постановлений по данному гражданскому делу был удовлетворен по тем основаниям, что президиум областного суда не отменил решение суда с направлением дела на новое рассмотрение, а постановлением от 26 сентября 1979г. только частично изменил его. Дополнительным постановлением президиум этого же суда от 10 октября 1979г. изменил не только решение районного суда, но и свое предыдущее постановление [186, с. 247, 248].

Инициаторами пересмотра в порядке судебного надзора являются, в отличие от субъектного состава кассационного пересмотра, не стороны и не иные лица, участвующие в деле, а предусмотренные в законе должностные лица органов суда и прокуратуры (ст.328 ГПК). Определенной спецификой в надзорном производстве обладает и процедура рассмотрения дела, поскольку в нем не участвуют лица, участвующие в деле. Права сторон и других лиц, участвующих в деле, существенно ограничены.

Функциональные полномочия указанного судебного органа целесообразно подразделить на две подгруппы, первая из которых состоит из полномочий, направленных на руководство процессом; вторая же – в специфических полномочиях, связанных с решением вопроса о юридической судьбе проверяемого судебного акта.

Функциональные полномочия суда надзорной инстанции, направленные на руководство процессом, несколько отличаются от одноименных полномочий суда кассационной инстанции, хотя процедура рассмотрения дела регулируется нормами, которые регулируют производство в суде кассационной инстанции (ст.335 ГПК). Отличительные черты заключаются в том, что при рассмотрении дела в порядке надзора суд по имеющимся в деле и дополнительно

представленным материалам проверяет законность и обоснованность судебного акта как в опротестованной, так и в неопротестованной части, а равно в отношении лиц, не указанных в протесте. Суд не связан доводами протеста и обязан проверить дело в полном объеме.

Вторым видом функциональных полномочий суда надзорной инстанции являются решающие полномочия, которые являются результатом рассмотрения протеста и определяют дальнейшую юридическую судьбу решения, определения либо постановления суда (ст.337 ГПК).

Характеризуя полномочия суда надзорной инстанции, С.С.Москвин отмечает, что осуществление надзорной инстанцией того или иного предоставленного законом полномочия зависит от наличия или отсутствия в материалах рассматриваемого дела определенных ошибок (нарушений), которые законодательство считает основаниями к отмене или изменению решения [203, с. 118].

К.С.Банченко – Любимова обращала внимание на следующую особенность: «Полномочия судебно – надзорного органа шире полномочий кассационной инстанции, так как в порядке надзора может быть... отменено не только решение, но и определение кассационной инстанции, а также постановление нижестоящих судебных органов» [200, с. 92]. Однако вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением М.С.Шакарян, что полномочия кассационной и надзорной инстанции в основном совпадают [199, с. 29].

По мнению П.Трубникова, полномочия суда, рассматривающего дело в порядке надзора, распространительному применению не подлежат. Суд надзорной инстанции, например, не вправе, отменив решение, приостановить производство по делу, но при наличии оснований для этого суд надзорной инстанции должен предложить суду, на рассмотрение которого направляется дело, обсудить вопрос о приостановлении производства по делу [201, с. 16, 17].

Для более полной характеристики компетенции суда надзорной инстанции необходимо рассмотреть каждое из законодательно - закрепленных полномочий в отдельности.

Суд надзорной инстанции, рассмотрев дело в порядке надзора, своим определением или постановлением вправе оставить решение, определение или постановление без изменений, а протест – без удовлетворения. Протест об отмене или изменении решения, определения или постановления оставляется без удовлетворения в случае, если указанные акты вынесены в соответствии с подлежащими применению по делу нормами материального права и при точном соблюдении норм процессуального законодательства. При этом не может быть отменено судебное постановление (решение, определение) по формальным соображениям, например, со ссылкой лишь на то, что дело рассмотрено с нарушением правил подсудности (в связи с этим в адрес суда в силу ст.342 ГПК может быть вынесено частное определение, чтобы в дальнейшем подобное нарушение не допускалось).

Поскольку применение данного полномочия, как и последующих, связано с правосудностью судебных постановлений, имеет смысл более подробно остановиться на основаниях к отмене судебных актов. В соответствии с ч.1 ст.338 ГПК, ими являются необоснованность или существенные нарушения норм материального или процессуального права. В данном подразделе мы остановимся только на характеристике существенных нарушений норм материального или процессуального права, так как такое основание к отмене судебного акта, как необоснованность, рассмотрено в предыдущем подразделе.

Пленум Верховного Суда Украины в абз.3 п.9 Постановления от 26 января 1990г. №2 «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке надзора» указал, что вопрос о том, является ли допущенное нарушение норм материального или процессуального права существенным, следует разрешать в зависимости от его характера, повлекло или могло повлечь оно неправильное разрешение дела. К существенным нарушениям, влекущим отмену решения, относятся нарушения закона, указанные в ст.314 ГПК, нарушение принципов непосредственности и устности гражданского процессуального права, нарушение правил о допустимости средств доказывания. Вместе с тем в силу правил ст.312 ГПК не может быть отменено правильное по существу решение по

одним лишь формальным соображениям (например, нарушение правил о подсудности, отдельные недостатки в изложении решения, которые не повлияли на его суть или могут быть устранены без отмены решения, ошибочная ссылка на норму права при соответствии решения действующему законодательству) [205, с. 88].

Как видим, Пленум Верховного Суда не дал ответа на вопрос, какие же нарушения норм материального права являются существенными и влекут отмену судебного акта в порядке надзора. Не существует единого мнения по этой проблеме и в науке гражданского процессуального права. Сложность этого вопроса подтверждается также тем, что некоторым процессуалистам так и не удалось показать, в чем же должна состоять «особая» существенность нарушений, являющихся основанием к отмене решения в порядке надзора [200, с. 51, 53, 87, 89].

В теории и практике гражданского процессуального права проблема определения существенности нарушения норм материального и процессуального права, являющимися основаниями к отмене в порядке надзора судебных актов, стоит особенно остро. Так, П.Я.Трубников полагает, что дать исчерпывающий перечень случаев существенного нарушения норм процессуального или материального права, влекущих пересмотр гражданских дел в порядке надзора, невозможно. Некоторые из них прямо предусмотрены законом. Другие случаи нарушений относятся вышестоящими судами к существенным применительно к конкретным гражданским делам. Решающим при этом является установление факта влияния данного нарушения на правильность разрешения дела [204, с. 119].

По мнению С.Ю.Каца и П.Я.Трубникова, существенными нарушениями норм материального права следует считать такие нарушения, которые приводят или могут привести к неправильному разрешению дела, выражающиеся в 1) неприменению закона, подлежащего применению; 2) применении закона, не подлежащего применению; 3) неправильном истолковании закона [206, с. 170, 171; 207, с. 178-180].

Основываясь на приведенных позициях указанных авторов мы считаем, что все нарушения норм материального права, в отличие от нарушений норм права процессуального, являются существенными и влекут отмену судебного решения, определения или постановления в порядке надзора. Исходя из этого очевидно, что существенность нарушений норм материального или процессуального права не дает повода для различия оснований к отмене судебных решений в кассационном и надзорном порядке.

Думается, было бы более правильным законодательно закрепить следующие основания к отмене решения, определения или постановления суда в порядке надзора:

- 1) неприменение, неправильное применение или толкование норм материального права;
- 2) существенное нарушение норм процессуального права, повлекшее вынесение незаконного судебного акта.

Кроме того, решение, определение или постановление суда должно подлежать отмене независимо от доводов протеста в случаях, предусмотренных ч.2 ст.314 ГПК.

В соответствии с п.2 ст.337 ГПК, суд надзорной инстанции вправе отменить решение, определение или постановление полностью или частично и направить дело на новое рассмотрение в суд первой или кассационной инстанции. Применение указанного полномочия связано с такими недостатками судебного решения, как незаконность и необоснованность. Частично решение может быть отменено в той части, которая признана необоснованной. Судебное решение также подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение, если суд допустил нарушения основных правил судопроизводства (рассмотрение дела незаконным составом суда, несоблюдение тайны совещательной комнаты, вынесение решения без судебного разбирательства, неподписание решения составом суда, нарушение правил о языке и др.)

К.С.Банченко – Любимова подвергла критике полномочие судебно – надзорного органа, заключающееся в отмене решения или определения

кассационной инстанции и в направлении дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции. Свою позицию автор обосновывает следующим положением: «Если судебный – надзорный орган не нашел оснований для отмены решения суда первой инстанции, а отменил определение или решение кассационной инстанции, то, во – первых, это представляет собой прямое указание, как следует действовать кассационной инстанции, а, во – вторых, признание, что решение является правильным. В данном случае судебный – надзорный орган обладает полномочиями отменять все решения и определения, оставляя в силе одно из них, и нет практического смысла направлять дело во вторую инстанцию» [200, с. 99, 100]. На наш взгляд, предложение названного автора в целом имеет основание. Действительно, если имеется один из судебных актов, который, по мнению суда надзорной инстанции, является законным и обоснованным, то нецелесообразно направлять при этом дело на новое рассмотрение. Достаточно отменить неправомерные, по мнению суда, акты, а правосудное решение оставить без изменений.

П.Трубников обращает внимание на отсутствие законодательного закрепления такого полномочия у суда надзорного звена, как направление дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд надзорной инстанции. Положительное решение данного вопроса, как пишет автор, было бы оправданным при наличии допущенных существенных процессуальных нарушений, свидетельствующих о том, что надлежащего рассмотрения дела по протесту фактически не было [201, с. 18].

Полагаем, что предложение П.Трубникова спорно. Существующая система надзора предполагает, что судебные акты, помимо кассационного суда, может пересматривать несколько вышестоящих судов. Поэтому восприятие предложения П.Трубникова означало бы то, что суд надзорной инстанции, принимающий к своему рассмотрению дела, не реализовывал бы свою правосубъектность.

Пункт 3 ст.337 ГПК закрепляет за судом надзорной инстанции полномочие, заключающееся в отмене решения, определения или постановления

полностью или частично и прекращении производства по делу либо в оставлении заявления без рассмотрения. Это полномочие реализуется по основаниям, предусмотренным статьями 227 и 229 ГПК, что уже было рассмотрено выше. При применении данного полномочия следует иметь ввиду разъяснение Пленум Верховного Суда от 26 января 1996 года №2, где указано, что суд надзорной инстанции отменяет судебные решения и прекращает производство по делу или оставляет заявление без рассмотрения в том случае, когда основания, предусмотренные статьями 227 и 229 ГПК, установлены бесспорно и их наличие не требует дополнительной проверки. В иных случаях при отмене судебных решений в связи с данными об указанных основаниях дело направляется на новое рассмотрение по первой инстанции (п.4) [205, с. 89].

Полномочие надзорной инстанции на оставление в силе одного из ранее вынесенных судебных решений (п.4 ст.337 ГПК) применяется, если судебные акты не противоречат закону и соответствуют обстоятельствам дела [208, с. 410].

Наконец, суд, рассмотрев дело в порядке надзора, вправе изменить решение, определение или постановление или постановить новое решение, не передавая дело на новое рассмотрение, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права (п.5 ст.337 ГПК).

При реализации данного полномочия судом надзорной инстанции должны быть обязательно учтены указанные в законе условия, а именно: если не требуется собирание или дополнительная проверка доказательств, обстоятельства дела установлены судом полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права. Если же при наличии таких условий надзорная инстанция отменяет решение и направляет дело на новое рассмотрение, то тем самым она нарушает требование закона и не выполняет возложенные на нее обязанности по изменению решения или вынесению нового, что влечет нарушение принципа процессуальной экономии и приводит к волоките в разрешении гражданских дел [202, с. 137, 138].

Необходимо иметь ввиду, что суд, рассматривающий дело в порядке надзора, не вправе изменить решение или вынести новое на основании дополнительных материалов, которые не рассматривались судом первой инстанции. Вместе с тем практике известны подобные случаи. Так, гражданин Ткач предъявил иск к гражданину Караруша о взыскании 3 978 руб. 85 коп. истец отмечал, что ответчик, обладая собственным автомобилем, нарушил правила дорожного движения, что привело к аварии, в результате которой истцу причинен ущерб на указанную сумму.

Решением районного суда Шаргородского района исковые требования удовлетворены и с Караруша взыскано в пользу истца 3 978 руб. 85 коп.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Винницкого областного суда решение оставлено без изменений.

Постановлением президиума Винницкого областного суда указанные решения изменены и сумма, взысканная с ответчика на возмещение убытков, уменьшена до 2 122 руб. 88 коп. Изменяя решение районного суда и определение судебной коллегии, президиум областного суда указал, что истец в счет убытков получил после вынесения решения страховое возмещение в размере 1 855 руб. 97 коп.

В данном случае президиум областного суда был должен отменить судебное решение по делу и направить ее на новое рассмотрение.

Исходя из изложенного, судебная коллегия постановила: протест заместителя Председателя Верховного Суда удовлетворить. Решение Шаргородского районного суда, определение судебной коллегии по гражданским делам Винницкого областного суда отменить, а дело направить в районный суд на новое рассмотрение в ином составе судей [186, с. 254, 225].

Как отмечалось, в порядке надзора решение может быть изменено, но его изменение не должно носить характера нового решения, то есть под изменением решения следует понимать такое изменение, которое не меняет существа решения, причем это допустимо, если по делу правильно установлены все обстоятельства и нет оснований для новой проверки доказательств [200, с. 93]. В

отличие от действующего процессуального законодательства, п.5 ст.329 ГПК Российской Федерации закрепляет за судом надзорной инстанции полномочие на отмену (либо изменение) решения суда первой, кассационной или надзорной инстанции и вынесение нового решения независимо от того, требуется или нет собирание либо дополнительная проверка доказательств [209, с. 313].

В случае отмены решения с вынесением нового или с прекращения производства по делу, оставлением заявления без рассмотрения или удовлетворения исковых требований в меньшем размере при изменении решения, суд надзорной инстанции в соответствии со ст.420 ГПК своим постановлением должен также разрешить вопрос о повороте исполнения [205, с. 89].

Изложенная система полномочий суда надзорной инстанции тесно связана с регламентацией специфических институтов гражданского процесса и форм пересмотра судебных актов.

В связи с разработкой нового ГПК возникает вопрос о целесообразности сохранения такого института. Исследование сущности надзорного производства свидетельствует о том, что данный вид пересмотра содержит недостаток в правосудных началах. Достаточно отметить, что он возбуждается не по воле материально – заинтересованных лиц.

Вопрос о правовой природе и сущности института пересмотра в порядке судебного надзора решений, определений и постановлений суда, вступивших в законную силу, в науке процессуального права является дискуссионным, так как в настоящее время существуют определенные основания утверждать, что данный вид пересмотра судебных актов противоречит Конституции. Кроме того, законодательства ряда государств предусматривают в судебной системе наряду с судами апелляционной и кассационной инстанций определенные судебные органы, выполняющие надзорные функции по отношению к нижестоящим судам [198, с. 116, 119]. В то же время на страницах юридической печати поднимается вопрос о целесообразности сохранения стадии пересмотра решений, определений и постановлений в порядке надзора [199, с. 30].

На наш взгляд, стадия пересмотра судебных решений, определений и постановлений в порядке надзора нуждается в существенном видоизменении. Категорически нельзя допустить оставление как формы пересмотра судебных постановлений пересмотр в порядке надзора по протестам соответствующих должностных лиц на предмет законности судебных актов. Данная форма пересмотра, поскольку основана на протесте на предмет законности судебного акта, противоречит принципу правового государства, так как ущемляет требования правовой безопасности, института законной силы судебных актов, права сторон на распоряжение своими процессуальными правами, а также принцип независимости судов и судей.

Поэтому представляется целесообразным реформирование пересмотра в порядке надзора в пересмотр кассационный, который не должен иметь ничего общего с одноименным институтом, существовавшим в советском процессуальном праве и существующим в настоящее время.

Необходимо отметить, что в мировой практике существует, помимо классической кассации, такая форма пересмотра судебных решений, как ревизия. Отличие ревизии от кассации заключается в том, что при ревизии апелляция жалоба была отклонена судом апелляционной инстанции по причине ее недопустимости. Ревизионная же жалоба может быть подана лицами, участвующими в деле в случаях, когда рассмотрение дела осуществлялось неправомочным составом суда, нарушены правила о подсудности, нарушен принцип гласности судопроизводства (ст.ст. 545-566 – А ГПК ФРГ). Ревизионная форма пересмотра судебных актов, кроме того, является исключительным видом пересмотра решений и определений нижестоящих судов исходя из принципа двухинстанционности судебной системы.

Классическое кассационное производство необходимо для проверки актов суда первой и апелляционной инстанций, вступивших в законную силу, которые были предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции, а также определения и решения суда апелляционной инстанции. Возбуждение кассационного производства возможно лишь по жалобам лиц, участвующих в

деле. Предметом судебной проверки должны быть судебные акты, вынесенные с нарушением требований законности. Поэтому при рассмотрении дела в кассационной инстанции суд проверяет правильность применения норм материального и процессуального права судами первой и апелляционной инстанций. Суд кассационной инстанции не должен устанавливать или считать доказанными те или иные обстоятельства, определять достаточность или недостаточность доказательств, решать вопрос о предпочтении одних доказательств над другими. Правосубъектностью суда кассационной инстанции должны обладать, как нам представляется, президиумы областных и приравненных к ним судов и Верховный Суд Украины.

Суд кассационной инстанции так же, как суды первой и апелляционной инстанций, должен обладать гражданской процессуальной правосубъектностью, элементами которой являются предметные и функциональные полномочия.

Предметные полномочия связаны с объектом пересмотра, которым являются судебные акты первой и апелляционной инстанций, вступившие в законную силу.

Функциональные полномочия, как нам представляется, так же, как и одноименные полномочия суда надзорной инстанции, должны состоять из двух видов: полномочия по руководству процессом и полномочия, связанные с определением дальнейшей юридической судьбы обжалуемого акта.

В юридической литературе не существует единства мнений относительно пределов второго вида функциональных полномочий, которыми должен обладать суд кассационной инстанции. В работе М.Михеенко и В.Шишкина отмечается, что суд кассационной инстанции в кассационном порядке вправе отменить решение и направить дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд, но в другом составе суда, если в процессуальном законе не будут определены нюансы. Если при повторном рассмотрении суд снова допустит ошибки в применении закона, суд кассационной инстанции может принять дело к своему производству и вынести новое решение, но только относительно применения права [193, с. 23].

М.И.Штефан определяющим моментом, характеризующим правовое положение суда кассационной инстанции, считает его обязанность рассмотреть дело в пределах оснований и требований кассационной жалобы или протеста. По имеющимся в деле материалам он проверяет законность решения, определения или постановления только в обжалуемой части и только относительно лиц, которых подали жалобу или лиц, присоединившихся к ней или относительно которых внесен протест. В то же время указанный автор считает целесообразным в определенных случаях предоставить суду кассационной инстанции право выйти за пределы требований протеста или жалобы [194, с. 161].

По нашему мнению, реализация указанного предложения послужит основанием для дублирования кассационным судом суда ревизионного, довольно распространенного судебного органа в мировой практике, поскольку одним из полномочий последнего является проверка жалобы или протеста в полном объеме, что является, на наш взгляд, нарушением принципа диспозитивности гражданского процессуального права.

На основании изложенного считаем, что суд надзорной инстанции наиболее целесообразно реформировать путем замены его не судом ревизионной инстанции, а кассационной. Суд кассационной инстанции должен обладать следующими функциональными полномочиями относительно разрешения вопроса о дальнейшей судьбе обжалуемого судебного акта: отклонить кассационную жалобу, а решение, определение или постановление суда первой или апелляционной инстанции оставить без изменений; отменить акт органа судебной власти полностью или частично и оставить в силе судебный акт, ошибочно отмененный судом апелляционной инстанции; отменить судебный акт полностью или частично и дело направить на новое рассмотрение; отменить решения и закрыть производство по делу; вынести новое решение по существу дела, не передавая его на новое рассмотрение.

РАЗДЕЛ 3

Гражданская процессуальная правосубъектность участников гражданского процесса

3.1. Гражданская процессуальная правосубъектность сторон и третьих лиц

Основными участниками гражданского процесса являются стороны и третьи лица. Сторонами в гражданском процессе являются истец и ответчик. Положение в процессе сторон характеризуется следующими признаками: 1) стороны ведут процесс от своего собственного имени; 2) на их имя выносится судебное решение; 3) на них распространяется в полной мере сила судебного решения; 4) на них распространяются судебные расходы; 5) в случае смерти или потери дееспособности кем-либо из них, его место в процессе занимает его правопреемниками в случае, если спорные правоотношения допускают правопреемство [101, с. 62]. Третьи лица - субъекты гражданского судопроизводства, вступающие в уже начавшийся процесс и защищающие свои субъективные права и охраняемые законом интересы [210, с. 8]. Отличие сторон от третьих лиц заключается прежде всего в том, что последние вступают или привлекаются в уже начавшийся процесс для защиты своих субъективных прав или охраняемых законом интересов, отличных от интересов истца и ответчика.

Хотя стороны и третьи лица являются самостоятельными участниками гражданского процесса, им присущи единые элементы правосубъектности, которыми являются гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность и конкретные гражданские процессуальные субъективные права и обязанности.

Гражданская процессуальная правоспособность есть способность быть стороной (истцом, ответчиком) в гражданском процессе, способность иметь гражданские процессуальные права и процессуальные обязанности. Гражданскую процессуальную правоспособность приобретают граждане с

момента рождения, а юридические лица – с момента возникновения юридического лица. Для того, чтобы быть не только стороной, но также лично осуществлять свои права в суде, совершать процессуальные действия, т.е. активно самому участвовать в процессе в качестве истца или ответчика, необходимо обладать гражданской процессуальной дееспособностью, под которой понимается способность стороны совершать лично процессуальные действия, порождающие юридические последствия [28, с. 97].

Конструкция правосубъектности, состоящая из гражданской процессуальной правоспособности, дееспособности и субъективных прав, применима и к третьим лицам, заявляющим самостоятельные требования на предмет спора, поскольку по своему процессуальному статусу они являются стороной [211, с. 94, 95]. Что касается третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, то структурная характеристика гражданской процессуальной правосубъектности названных участников процесса аналогична конструкции правосубъектности третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, поскольку на них в полной мере также распространяется правовой статус стороны.

Существует значительное количество гражданских процессуальных субъективных прав, что порождает определенные трудности при их классификации. Для удобства характеристики правосубъектности рассматриваемых субъектов М.И.Штефан полагает, что многочисленные гражданско - процессуальные права сторон могут быть классифицированы на определенные группы для обеспечения выполнения процессуальных функций [35, с. 83, 84]. О.В.Гетманцев предложил классифицировать рассматриваемые в настоящем подразделе права в зависимости от принципов гражданского процессуального права [212, с. 15].

Приведенные классификации друг другу не противоречат. Учитывая предмет данного исследования, представляется более предпочтительным характеризовать правосубъектность сторон и третьих лиц исходя из принципов

диспозитивности и состязательности гражданского процессуального права, которые показывают их ключевое положение в динамике гражданского процессуального правоотношения и роль в доказательственной деятельности. Не смотря на то, что и иные принципы гражданского судопроизводства отражают правосубъектность сторон, наибольшее значение имеют именно указанные выше принципы, поскольку диспозитивность и состязательность [213, с. 97] лежат в основе конструкции гражданской процессуальной правосубъектности как таковой.

Рассматривая права и обязанности применительно к принципу диспозитивности, необходимо отметить, что распоряжение ими является сущностью принципа диспозитивности [214, с. 68; 215, с. 129; 216, с. 120; 217, с. 73; 218, с. 118].

Статья 4 ГПК закрепляет право всякого заинтересованного лица в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса. Это право по отношению к другим субъективным правам, для сторон и третьих лиц является первостепенным. Для приобретения процессуально - правового положения последних необходима реализация субъективного права на обращение в суд за судебной защитой. Для сторон и третьих лиц предусмотрены специальные формы обращения за судебной защитой – привлечение или вступление в процесс.¹

Посредством реализации процессуального права на предъявление иска лицо становится стороной в гражданском процессе. Исходя из этого право на обращение в суд за судебной защитой и право лица на иск не следует

---

¹ В связи с этим представляется необоснованным утверждение М.Д.Матиевского о том, что было бы целесообразным ввести обязательный порядок предупреждения заинтересованным лицом своего контрагента об исполнении лежащей на нем обязанности до обращения в суд [219, с. 20].

По нашему мнению, право лица на иск не следует ставить в зависимость от того, предупрежден или нет должник об обращении кредитора в суд в случае неисполнения обязательства в отношении последнего. Как нам представляется, вопрос о таком предупреждении должен решать истец и несоблюдение указанного порядка не должно

рассматривать как равнозначные субъективные права, ибо право на обращение в суд - общее право, а право на иск - это своего рода конкретизация указанного права. Право на иск - одна из форм проявления права на обращение в суд.

В науке гражданского процессуального права однозначно не решен вопрос о том, какие же цели преследуются лицом при предъявлении иска (обращении в суд). Е.Г.Пушкар, например, пишет, что при этом преследуются следующие цели: обращение за судебной защитой, и привлечение виновных лиц к ответственности за правонарушения, а также установление фактов и обстоятельств, имеющих значение для осуществления субъективных прав [220, с. 2, 11].

Иного мнения придерживается Д.Р.Джалилов, связывающий необходимость судебной защиты соответствующих субъективных прав или охраняемых законом интересов лишь с неопределенностью материального правоотношения между истцом и ответчиком [221, с. 14]. С.А.Якубов цель обращения в суд видит только в защите субъективных прав субъектов материального правоотношения [222, с. 9]. А.А.Добровольский и С.А.Иванова в связи с этим отмечают, что в конкретном процессе единое право на иск реализуется, с одной стороны, как право на возбуждение процесса, а с другой стороны - как право на положительный результат процесса, то есть на получение судебной защиты нарушенного или оспоренного права [223, с. 91].

По нашему мнению, необходимо исходить из того, что при реализации права на иск лицо преследует цель не только защиты нарушенного или оспариваемого права или интереса, но и применения к нарушителю определенных санкций, выражающихся в претерпевании им определенных неблагоприятных последствий. Однако нужно иметь в виду, что последняя цель не всегда преследуется истцом, что дает основание отнести ее к факультативной. Это положение относится как к сторонам, так и к третьим лицам, заявляющим самостоятельные требования на предмет спора.

препятствовать обращению за судебной защитой.

Право на предъявление иска у третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, так же, как и у сторон, является одним из проявлений принципа диспозитивности гражданского процессуального права. В связи с этим заслуживает поддержки мнение В.Н.Аргунова, что привлечение указанных лиц в процесс по инициативе суда невозможно ни при каких обстоятельствах [224, с. 8]. Такую же позицию занимает В.В.Комаров [225, с. 19]. Третье лицо с самостоятельными требованиями само решает вопрос о вступлении в данный процесс или о возбуждении самостоятельного процесса [226, с. 30]. В случае же предъявления иска в защиту данного лица прокурором или другими лицами, уполномоченными на предъявление иска в защиту чужих интересов, «привлечение» третьего лица - «истца» в процесс может произойти в результате извещения его судом или лицом, предъявившим иск, о производящемся в суде деле и о времени его разбирательства [227, с. 8].

При предъявлении указанным субъектом процесса иска уже в процессе судебного разбирательства по делу, возникает необходимость в обязательном отложении разбирательства дела. Исходя из данного тезиса полагаем, что ст.107 ГПК необходимо дополнить частью второй, где указать: «При вступлении в процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора в ходе судебного разбирательства, суд должен по ходатайству истца или ответчика отложить рассмотрение дела для подготовки последних к защите против предъявленного иска».

Дискуссионным является вопрос о том, к кому третье лицо имеет право предъявить иск. М.С.Шакарян считает, что третьи лица с самостоятельными требованиями всегда предъявляют исковые требования против истца [228, с. 154]. По мнению М.А.Викут, ответной стороной перед третьим лицом с самостоятельными требованиями является один из первоначальных тяжущихся (истец или ответчик) или оба вместе [231, с. 74]. Аналогичного мнения придерживалась И.М.Ильинская [229, с. 30, 33]. В.Н.Аргунов пишет, что иск третьего лица с самостоятельными требованиями может быть предъявлен, в большинстве случаев, к обеим сторонам [230, с. 10]. Д.М.Сибилев отмечает, что

третьи лица должны предъявлять свои исковые требования к обеим сторонам, а не к одной из сторон, поскольку они защищают в процессе самостоятельный интерес относительно предмета спора [210, с. 3].

По нашему мнению, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, имеют самостоятельную, отличную от истца и ответчика, материальную и процессуальную юридическую заинтересованность в исходе дела, определяющуюся наличием субъективных прав на предмет спора. Поскольку указанные субъекты защищают в процессе самостоятельный интерес относительно предмета спора, полагаем, что названные субъекты гражданских процессуальных правоотношений вправе предъявить свои исковые требования к обеим сторонам.

Относительно условий вступления (либо привлечения) в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора для реализации мим права на судебную защиту, в научной литературе также не сложилось единого мнения. Так, М.С.Шакарян пишет, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, могут привлекаться в процесс не только для обеспечения права регресса, но и в целях обеспечения иных прав и интересов, главным образом, имущественных [228, с. 15-18]. Аналогичной точки зрения придерживается М.А.Викут, полагая, что суд может и должен по своей инициативе привлекать третьих лиц на ту или иную сторону при наличии достаточных к тому оснований [231, с. 88, 89]. Противоположного мнения придерживается Д.М.Сибилев, выступающий против предоставления суду права по собственной инициативе привлекать к участию в деле третье лицо без самостоятельных требований, поскольку это противоречит диспозитивным началам в гражданском процессе и принципу состязательности. Что касается ходатайства самого третьего лица о вступлении в дело по собственной инициативе, то оно должно повлечь обязательный их допуск к участию в деле [210, с. 4, 14].

Наиболее обоснованной представляется точка зрения Д.М.Сибилева, который настаивает на усилении диспозитивных и состязательных начал

гражданского судопроизводства и указывает на необходимость допуска в процесс третьего лица по ходатайству последнего, поскольку названные субъекты обладают всеми правами и несут все обязанности стороны.

Реализация в законодательстве названных предложений будет послужит гарантией обеспечения третьим лицам возможности подготовиться к судебной защите своих прав или интересов.

Спорным в юридической литературе является вопрос о том, могут ли стороны и третьи лица обжаловать определение суда об отказе в допуске последних к участию в деле в случае предъявления ими иска либо в случае отклонения заявленных сторонами ходатайств о допуске в процесс третьих лиц, так как законодательство, на наш взгляд, не дает ответа на этот вопрос. По мнению Д.Р.Джалилова, на определение суда об отказе допустить третье лицо к участию в деле, может быть подана жалоба или принесен протест [221, с. 27, 28]. Аналогичную позицию занимал А.Ф.Клейнман [232, с. 43].

Относительно третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, В.Н.Аргунов выступает за предоставление указанным лицам, вступающим в процесс по собственной инициативе, права на обжалование определения суда на отказ в допуске его в процесс [224, с. 14].

По мнению иных ученых, на определение суда о допуске третьего лица к участию в деле, истец и ответчик не могут приносить жалобы (отдельно от кассационного обжалования), так как этим определением не преграждается дальнейшее движение дела - процесс между первоначальными сторонами после вступления третьего лица продолжается. Не могут стороны обжаловать и определение суда об отказе в привлечении третьих лиц в процесс. Не может и третье лицо подать жалобу на определение суда, если ему отказано в допуске к участию в процессе между первоначальными сторонами, ибо в этих случаях третье лицо не лишено возможности осуществлять свое право путем предъявления самостоятельного иска вне процесса между первоначальными сторонами [229, с. 60, 61; 233, с. 29]. Вызывает серьезные возражения точка зрения И.М.Ильинской на невозможность обжалования третьими лицами,

заявляющими самостоятельные требования на предмет спора, определения суда об отказе в их допуске в процесс. Такой подход к решению вопроса о праве указанных лиц обжаловать названные определения спорен.

По нашему мнению, отказ в допуске указанных лиц в процесс по существу означает невозможность осуществления защиты своих интересов, поскольку результат рассмотрения дела может повлиять на права и обязанности данных субъектов. Право на обжалование определения может служить единственной процессуальной гарантией защиты прав и интересов третьих лиц. Исходя из этого, необходимо закрепить в законе возможность обжалования определения судьи об отказе в допуске третьего лица к участию в деле между первоначальными сторонами, дополнив соответствующим правилом ст.107 ГПК.

После принятия судом искового заявления осуществляется подготовка гражданского дела к судебному рассмотрению, а после этого - само судебное рассмотрение. При этом важное значение имеет своевременное извещение лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения судебного заседания и о вызове участвующих в деле лиц, что обеспечивает сторонам своевременную реализацию многих субъективных прав.

Относительно этого законодательством установлено общее требование, которое указывает на обязанность суда известить лиц, участвующих в деле, не позже чем за пять дней до судебного заседания с указанием срока вручения повестки. К сожалению, в законодательстве не содержится требований о том, что в вызовах и извещениях должны быть указаны процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в конкретном гражданском деле. Нам представляется, необходимо дополнить ГПК нормой, которая бы обязывала судей по каждому делу разъяснить сторонам и третьим лицам их процессуальные права и обязанности в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Для практического выполнения этой обязанности предлагаем ввести в судебную практику «извещения - разъяснения», с помощью которых можно было бы во всех случаях информировать лиц, участвующих в деле, об их процессуальном положении и принадлежащих им правах. Такие «извещения –

разъяснения» могли бы направляться указанным лицам по правилам, установленным для судебных повесток.

В связи с этим следует отметить, что в юридической литературе вопрос о том, является ли явка сторон в судебное заседание правом или обязанностью, и каковы последствия неявки данных участников процесса в судебное заседание, однозначно не решен. А.Аверин полагает, что при неявке стороны необходимо исходить из того, что истец отказался от иска (если он не явился и не известил суд о явке), или при отсутствии ответчика сделать вывод, что он признал иск [234, с. 22]. В отличие от А.Аверина, А.Г.Коваленко считает участие сторон при рассмотрении судом спора обязательным, поскольку их объяснения по существу дела и есть реализация принципов диспозитивности и состязательности. Личное непосредственное участие самой стороны в процессе предоставляет суду возможность глубже и полнее разобраться в материалах по делу, сопоставить одни доказательства с другими [235, с. 6, 8]. С.В.Курылев полагает, что законодатель не предоставлял сторонам права уклоняться от личной явки в суд, несмотря на признание такой явки необходимой. “Представляется необходимым, - отмечает С.В.Курылев, - обеспечить соответствующей санкцией обязанность стороны явиться в суд или в исключительных случаях - представить суду исчерпывающие письменные объяснения в случае затруднительной личной явки, если суд личную явку стороны или ее письменные объяснения признает необходимым. При этом предпочтение должно быть отдано непосредственно воспринимаемым судом устным показаниям сторон, так как в отношении письменных показаний неприемлемы такие гарантии достоверности, как гласность, состязательность и т.д.” [236, с. 88, 90].

В отличие от высказанных точек зрения В.Ю.Мамницкий явку сторон в судебное заседание не считает обязательной и выступает против применения санкций в отношении неявившейся стороны. Наложение на истца штрафа есть не что иное, как применение принуждения осуществлять свое право на судебную защиту, в то время как у носителя права существует выбор варианта поведения - осуществить или не осуществить свое право [237, с. 114-116].

По нашему мнению, действующее законодательство сводит явку сторон лишь к фактическому прибытию истца и ответчика к судье или должностным лицам суда для выяснения каких – либо обстоятельств, предоставления доказательств и т.д. Думается, что явка сторон не должна сводиться к фактическому прибытию сторон в суд. Явка сторон – это выполнение указанными субъектами различных процессуальных действий; составление и передача суду и противоположной стороне определенных процессуальных документов (искового заявления, дополнения к исковому заявлению, возражения на иск и т.д.). более широкая регламентация явки сторон предполагает исчерпывающую регламентацию содержания названных актов – документов, их состав (номенклатуру), а также процессуальные последствия, наступающие при неисполнении требований закона, связанных с регламентацией явки сторон. Разработка явки сторон как самостоятельного института требует тщательную регламентацию требований, которые должны предъявляться к тем или иным актам – документам сторон, а также разработки стандартизированных форм состязательных документов.

Анализ гражданской процессуальной правосубъектности сторон невозможен без рассмотрения таких диспозитивных прав, как изменение основания или предмета иска, отказа от иска, признание иска, заключение мирового соглашения, права на предъявление встречного иска.

Рассматривая вопрос о возможном изменении стороной предмета или основания иска, следует прежде всего учитывать, что предметом иска являются материально - правовые требования истца к ответчику, относительно которого суд должен вынести решение. Изменить предмет иска означает полную замену предмета иска или его изменение в процессе рассмотрения гражданского дела, связанное с отказом от отдельных прав или с добавлением новых прав, нуждающихся в защите [238, с. 16].

Основанием иска являются обстоятельства, которыми сторона обосновывает свои требования. Такими обстоятельствами могут быть только юридические факты [51, с. 188, 189].

В научной литературе не сложилось единой точки зрения о том, возможны ли изменения в одном процессе и предмета, и основания иска или же необходимо признать право изменения какого - либо одного из элементов иска. Л.М.Орлова, например, допускает возможность изменения не только основания иска, но в исключительных случаях и предмета иска. По ее мнению, право стороны изменять иск в процессе дает суду возможность рассматривать измененный иск в том же процессе, несмотря на то, что вначале имело место неправильное указание истцом предмета или основания иска. Только в исключительных случаях суд может допустить изменение истцом основания иска, связанное с изменением его предмета, когда исследование дела убеждает в невозможности удовлетворить иск по первоначальному основанию, а удовлетворение его по новому основанию и новому предмету полностью соответствует материально - правовым интересам истца по данному делу [239, с. 66-84].

А.Т.Боннер пишет о возможности одновременного изменения истцом как предмета, так и основания иска. При этом критерием, определяющим возможность одновременного изменения как предмета, так и основания иска является характер интереса, являющегося предметом судебной защиты. Если, несмотря на одновременное изменение предмета и основания иска, интерес, побудивший истца обратиться в суд, остается неизменным, то такое изменение будет правомерным. Однако, если в результате изменения предмета и основания иска речь пойдет о защите иного интереса, нежели интерес, по поводу которого было возбуждено дело в суде, следует признать, что по существу заявлен не измененный, а новый иск [240, с. 52]. Аналогичного мнения придерживается В.Ф.Тараненко [241, с. 24].

В.Н.Захаров и С.А.Якубов считают, что изменение основания иска является процессуальным правом стороны, однако он не соглашается с предложениями, признающими всякие возможности изменения предмета иска, аргументируя это тем, что представление истцу процессуального права на изменение предмета иска ведет к возникновению нового процесса, а

следовательно, чтобы спор в конечном итоге был правильно разрешен, необходимо как суду, а также и самим сторонам и, в особенности ответчику, подготовиться, чтобы рассмотреть и разрешить спор [242, с. 20, 21; 222, с. 11-13]. Несколько иначе разрешение данной проблемы видел П.Ф.Елисейкин, который полагал, что изменения в иске могут касаться предмета, основания либо предмета и основания иска одновременно. Они могут касаться содержания предмета и основания иска [243, с. 11, 12].

Аргументы в пользу предоставления стороне права изменения предмета и основания иска представляются не достаточно убедительными. Сторонники данной точки зрения предлагают предоставить право изменения обоих элементов иска исходя из интереса стороны по конкретному делу. По нашему мнению, объективно определить интерес истца или ответчика, предъявившего иск, весьма проблематично. Более того, при одновременном изменении предмета и основания иска действительно происходит преобразование предъявленного иска в совершенно новый. На наш взгляд, в законодательстве справедливо указывается на альтернативную возможность изменения какого - либо одного элемента иска: предмета [244, с. 19]. Вместе с тем следовало бы дополнить ст.176 ГПК еще одним основанием для отложения разбирательства дела: при изменении стороной основания или предмета иска по просьбе стороны отложить разбирательство дела. Это даст возможность другой стороне подготовиться к защите против иска с измененным основанием или предметом.

Истец, предъявив иск к ответчику, обладает субъективным правом отказаться от иска, которое также является проявлением принципа диспозитивности гражданского процессуального права. Указанным правом, по нашему мнению, обладают и третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, поскольку имеют по отношению к последнему самостоятельный материально - правовой интерес. Данное положение подвергает необоснованной критике. Л.М.Орлова указывает, что право отказа от иска принадлежит только стороне, ибо она - субъект спорного материального

правоотношения, которое стало предметом судебного разбирательства [239, с. 90]. Аналогичную позицию занимает и С.А.Якубов [222, с. 11].

Отказ от иска является единым понятием гражданского процессуального права и включает одновременно как отказ от субъективных материальных прав, так и стремление к ликвидации процесса по данному спору [220, с. 5]. Отказ от иска является процессуальным действием истца, поэтому позиция ответчика может служить лишь поводом для отказа от иска. Так, при обещании ответчика добровольно исполнить материально - правовые требования истца не может быть основанием для отказа истца от иска. Иная практика существенно нарушает права последнего, ибо в случае неисполнения ответчиком своих обязанностей истец фактически лишается права вновь предъявить иск. Подобные ошибки иногда исправляются вышестоящими судами, которые вынуждены отменять неправильные определения, указывая, что в случае согласия ответчика исполнить предъявленные к нему требования должно выноситься решение на основе признания иска ответчиком, а не определение об отказе от иска, которое не может быть принудительно исполнено.

Отказ от иска недействителен при отсутствии прямого волеизъявления истца, необходимого для того, чтобы воля истца могла быть распознаваема для других, а главное - для суда, и чтобы отказ мог повлечь за собой правовые последствия - прекращение дела производством. Недействительным является и отказ от иска, последовавший в результате заблуждения истца, а также последовавший под влиянием угроз и насилия.

Отказ от иска безусловен, так как истец, распоряжаясь своими правами, не требует каких - либо встречных действий со стороны ответчика. При отказе истца от иска не требуется согласие ответчика на прекращение дела производством.

Л.М.Орлова предлагает ввести в законодательство конкретную норму о прекращении судом дела производством с учетом мнения ответчика, особенно в тех случаях, когда последний понес или мог понести убытки вследствие прекращения дела либо судебные расходы. Если же отказ от иска последовал до

судебного разбирательства, суд должен известить ответчика об отказе истца от иска и предоставить ему срок (например, 10 дней) для заявления суду своих ходатайств. Непредоставление ответчиком объяснения в указанный срок следует рассматривать как его согласие с решением прекратить дело производством [239, с. 64]. На наш взгляд, данная позиция достаточно аргументирована автором. Однако учет мнения ответчика, зафиксированное в определении суда о прекращении дела производством, не может, по нашему мнению, иметь ни материально – правовых, ни процессуальных последствий.

В то время, как рассматриваемые права являются правами, при осуществлении которых стороны распоряжаются рядом субъективных прав, направленных на изменение и прекращение процесса, то представляется излишним требование законодателя о проверке судом действительных мотивов, побудивших сторон совершать распорядительные действия. Суды же поступают иначе.¹ В данной связи необходимо отметить, что проект ГПК не обязывает суд проверять причины реализации сторонами субъективных прав, направленных на изменение или прекращение процесса, которые ставятся в зависимость от волеизъявления сторон [162, с. 36].

---

¹ Так, Ципина предъявила иск к Озерову о выселении.

Определением районного суда Джанкойского района Крымской области от 29 июня 1964г. производство по делу закрыто. Закрывая производство по делу, суд сослался на то, что истица отказалась от иска, о чем подала заявление.

Заместитель председателя Верховного Суда в протесте просит определение суда отменить и дело направит в суд для рассмотрения по существу. Протест подлежит удовлетворению, поскольку согласно действующему законодательству суд не может принять отказа от иска, признание иска или утвердить мировое соглашение, если они противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы, в том числе и самих сторон. Суд данное правило не выполнил.

Поэтому президиум Крымского областного суда постановил: определение суда отменить и дело передать в тот же суд для рассмотрения по существу [186, с. 87].

Представляется, что подобные вмешательства суда во взаимоотношения между сторонами противоречат ч.1 ст.32 Конституции, в связи с чем, на наш взгляд, ст.103ГПК необходимо изменить, указав на обязанность суда не утверждать вышеуказанных действий сторон лишь в случае, если данные действия могут принести ущерб государству либо противоречат закону.

В случае, если по отношению к одной из сторон решение по делу может повлиять на права или обязанности иных лиц – субъектов права, то последние могут вступить в процесс в качестве третьих лиц либо предъявить самостоятельный иск.

Фундаментальным правом стороны является признание ответчиком иска. В праве на признание иска находит выражение принцип диспозитивности. Признание иска всегда является актом распоряжения ответчиком судебной защитой гражданских прав.¹ В ГПК вопрос о признании иска решен в одной норме с отказом от иска и мировым соглашением, ибо признание иска также квалифицируется законодателем как распорядительный акт.

Признание иска - это волеизъявление ответчика, направленное на окончание разбирательства дела.² Судебное признание иска имеет место тогда, когда ответчик путем признания отказывается от возражения в материальном смысле этого понятия, то есть в смысле права, которое сторона может противопоставить требованию другой стороны.

Признание иска представляет собой распоряжение ответчиком своим процессуальным, а в ряде случаев и материальным правом.³ Вынесение решения на основании признания ответчиком иска дает суду возможность сократить судебное исследование. Мотивы, побудившие признать иск, могут быть различными. Но в любом случае признание иска является распорядительным актом стороны. Признание иска следует отличать от признания фактов. Если факты может признавать любая сторона, то иск может признать только ответчик. Признание факта не является распорядительным актом стороны, а служит доказательством [245, с. 25, 35] и подлежит оценке наряду с другими доказательствами.

Признание иска, хотя и является распорядительным актом, но в своей основе должно иметь гражданское правоотношение, предусмотренное законом. В основу решения суд не может положить признание иска, неурегулированное

---

¹ В.К.Пучинский считал, что признание как отдельных обстоятельств дела, так и исковых требований нельзя считать распорядительными актами. Они, по его мнению, относятся к категории объяснений сторон в процессе, права же сторон давать такие объяснения связаны не с диспозитивностью, а с принципом состязательности гражданского процесса [245, с. 31].

² В юридической литературе существует необоснованное, на наш взгляд, мнение, что полное или частичное признание ответчиком иска не направлено на прекращение процесса [246, с. 45].

³ Не закреплена аргументами позиция, согласно которой признание иска не является

правовой нормой. Вынесение судом решения не на основе правовой нормы, а на основе признания ответчиком требования, не подлежащего судебной защите, противоречит духу законодательства и судебной практике. Так, не может быть принято судом признание требования, вытекающего из сделки, заключенной в обход закона или противоречащей интересам государства.

В судебной практике подобные случаи имеют место: Петренко В.Д и Петренко И.С. обратились в суд с жалобой на незаконные действия администрации Звановского сельского совета и Артемовского райфинотдела, отказавшим в предоставлении им льгот по оплате отопления, ссылаясь на то, что они в соответствии со ст.8 Закона Украины «О ветеринарной службе» имеют право на льготную оплату отопления и других коммуникационных услуг. Они неоднократно обращались в Звановский сельский совет и в Артемовский райфинотдел с просьбой принять меры к погашению имеющейся у них задолженности. 12 июня 1998г. Артемовский райфинотдел отказал им в предоставлении льгот, ссылаясь на то, на 1998 год в бюджете не предусмотрено ассигнований на выплату льгот работающим гражданам.

Представитель Звановского сельского Совета и представитель Артемовского райфинотдела в ходе судебного заседания искивые требования Петренко В.Д. и Петренко И.С. признали и обязались в кратчайшие сроки сделать перерасчет исходя из льгот, которые положены истцам по оплате коммунальных услуг.

Выслушав объяснения сторон и исследовав материалы дела, суд вынес решение об удовлетворении искивых требований исходя из того, что признание иска ответчиком имеет правовые основания и не наносит противоправного ущерба интересам государства [163, с. 22].

Учитывая характер и правовые последствия признания иска, целесообразно на законодательном уровне предусмотреть немедленное исполнение решения по признанному иску. Признание иска предполагает, что

решение, вынесенное по признанному иску, не будет обжаловано ответчиком, и ввиду этого не грозит возможность поворота исполнения решения.

Рассматривая институт признания иска ответчиком, необходимо также указать на отсутствие в требованиях ч.3 ст.179 ГПК обязанности суда до принятия признания иска разъяснить ответчику последствия соответствующего процессуального действия. Это положение необходимо изменить, так как стороны должны знать о том, что при вынесении решения об удовлетворении исковых требований обращение в суд с иском по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям невозможно.

Помимо признания исковых требований истца, у ответчика существуют и другие субъективные права, направленные на изменение или ликвидацию процесса. К ним относятся, в частности, предъявление встречного иска¹ и возражения на первоначальный иск. Правом на предъявление встречного иска обладает ответчик (ответчики). Третьим же лицам, как отмечает Д.Р.Джалилов, не принадлежит право предъявлять встречный иск, поскольку сама сущность встречного иска исключает право третьего лица на его предъявление, так как первоначальный иск предъявлен не к нему, а к ответчику [221, с. 33]. Такого же взгляда придерживаются Н.Т.Арапов [247, с. 20], А.Ф.Клейнман [232, с. 32], И.М.Ильинская [229, с. 71].

Встречный иск, как средство защиты прав, широко используется в гражданском процессе и является выражением принципа диспозитивности гражданского процессуального права. Предъявление встречного иска зависит от воли ответчика так же, как предъявление первоначального иска - от воли истца. Являясь процессуальным средством защиты прав ответчика, встречный иск способствует полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела и взаимоотношений сторон. При этом институт встречного иска содействует

---

¹ Противоречащими принципу диспозитивности являются утверждения Н.Т.Арапова и Д.Швейцера, что при наличии возражений против первоначального иска и самостоятельных требований к истцу на ответчике лежит обязанность предъявления встречного иска [247, с. 8; 248, с. 43].

скорому отправлению правосудия с возможно меньшими затратами участниками процесса сил, средств и времени. Но это вовсе не означает, что любой встречный иск должен быть принят к рассмотрению [239, с. 113, 114, 119-121]. Если при предъявлении названного иска отсутствуют условия для принятия судом встречного иска, предусмотренные ст.141 ГПК, то суд может предложить ответчику предъявить самостоятельный иск.

Кроме условий, закрепленных в ст.141 ГПК,¹ в научной литературе существует мнение о том, что в качестве еще одного условия выступает то, что удовлетворение встречного иска должно исключать полностью или частично удовлетворение первоначального иска [250, с. 55]. Такая позиция является своеобразным дублированием того условия принятия судом встречного иска, когда требования по ним способны к зачету и не должны приниматься во внимание ни в теории, ни на практике. В случае, если требование о зачете не оформлено как встречный иск, то в случае отклонения первоначального иска заявление ответчика о зачете останется без рассмотрения и, следовательно, не будет удовлетворено. Если же встречное требование оформлено как встречный иск, то оно должно быть рассмотрено и разрешено независимо от того, как будет разрешен первоначальный иск [223, с. 81, 123]. Рассматривать встречный иск только как средство защиты против первоначального иска неправильно, ибо встречный иск может быть способом защиты и требования, не связанного с первоначальным.

Статья 140 ГПК закрепляет право ответчика предъявить встречный иск не позднее как за три дня до судебного заседания. Принятие встречного иска, предъявленного по истечении этого срока или же во время рассмотрения дела зависит от суда. На наш взгляд, представляется правильным предусмотреть, что ответчик вправе предъявить к истцу встречный иск до начала рассмотрения дела по существу. Вопрос о принятии к рассмотрению встречного иска не

---

¹ Заслуживает поддержки позиция И.М.Пятилетова, что связь встречного иска с первоначальным нельзя понимать как только связь по основаниям возникновения требований. Она может состоять и в том, что истцом не выполняется другое – более или менее равноценное обязательство [249, с. 41].

должен жестко ставиться в зависимость от усмотрения суда, поскольку указанное положение законодательства, по нашему мнению, противоречит принципу диспозитивности гражданского процессуального права. Препятствием в принятии встречного искового заявления могут быть основания для отказа в принятии искового заявления, закрепленные ст. 136 ГПК и несоответствие встречного иска условиям, изложенным в ст.141 ГПК. Кроме того, всякий отказ в принятии встречного иска, если при его предъявлении соблюдены условия, указанные в законе, должен рассматриваться как нарушение прав и интересов человека. Такой отказ должен быть безусловным основанием для отмены решения суда, вынесенного по первоначальному иску.

Глава 17 ГПК не дает однозначного ответа на вопрос, вправе ли ответчик предъявить встречный иск к третьему лицу по иску последнего. По нашему мнению, поскольку нормы данной главы регламентируют один из способов защиты ответчика против иска, то последний вправе предъявить встречный иск не только к первоначальному истцу, но и к третьему лицу, заявляющему самостоятельные требования на предмет спора.

Существенным компонентом процессуальной правосубъектности ответчика является возражение и отрицание иска. При возражении против иска ответчик приводит соответствующие факты и доказательства, чего он не делает при отрицании иска. Такое существенное различие в защите ответчика против иска необходимо учитывать как на практике, так и в теории. Ответчик может отрицать наличие актов основания иска, либо правовой вывод истца, и потому иск не признавать. При этом ответчик может не ссылаться на обстоятельства, обосновывающие непризнание иска. Возражение ответчика по первоначальному иску не может содержать какого - либо притязания к истцу, а направлено исключительно на отказ ему в иске и является оборонительным средством.

А.А.Добровольский и С.А.Иванова выделяют материально - правовые и процессуально - правовые возражения ответчика. Материально - правовые возражения ответчика направлены против заявленных истцом требований по

существованию, то есть против удовлетворения материально - правовых требований истца. Что же касается процессуально - правовых возражений ответчика, то они направлены против самого процесса, то есть на опровержение правомерности его возникновения или его продолжения [223, с. 81, 123].

Наряду с рассмотренными правами стороны обладают правом заключения мирового соглашения, значение которого заключается в том, что это одна из форм самодеятельности сторон, один из путей мирного урегулирования гражданско - правового спора между сторонами, предполагающий добровольное исполнение сторонами условий этого соглашения.

Характерным признаком мирового соглашения является волеизъявление обеих сторон. Важное значение имеет субъектный состав участников мирового соглашения. Заключение мирового соглашения может иметь место лишь при участии истца, ответчика, третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. Другие же лица, участвующие в деле, правом на заключение мирового соглашения не обладают [251, с. 120-124].

Р.Е.Гукасян и Л.В.Туманова выступают за предоставление права третьим лицам, не заявляющим самостоятельные требования на предмет спора, заключать мировые соглашения, поскольку это будет способствовать, по мнению названных авторов, совершенствованию судебной защиты прав указанных лиц [214, с. 156; 252, с. 19].

Диссертант является сторонником противоположной точки зрения, согласно которой третьи лица без самостоятельных требований не вправе оканчивать дело мировым соглашением, так как они не являются субъектами спорного материального правоотношения, которое является предметом судебного рассмотрения.

Следует учитывать, что данное положение неприменимо к третьим лицам с самостоятельными требованиями, которые в полной мере обладают правом заключения мирового соглашения, так как являются субъектами спорного материального правоотношения.

Р.Е.Гукасян полагает, что сторонам и третьим лицам нецелесообразно предоставлять возможность заключать мировые соглашения по всем категориям дел. В связи с тем, что мировое соглашение представляет собой договорный способ разрешения судебного спора, область его применения ограничена сферой действия договора, то есть сферой автономного регулирования. Так, иски о расторжении брака и признании брака недействительным не могут быть разрешены мировым соглашением сторон. Не могут разрешаться соглашением сторон и споры, связанные с решением вопроса о гражданском состоянии детей, лишении родительских прав, отмене усыновления, подобные дела разрешаются вынесением судебного решения, но не заключением мировых соглашений. Это объясняется тем, что в подобных случаях суд в первую очередь защищает интересы ребенка и с их учетом разрешает гражданско - правовой спор. Суд дает оценку действиям одной или обеих спорящих сторон. Очевидно, что эта оценка не может быть дана самими спорящими сторонами, а поэтому их воля не может служить основания для решения спора. В стадиях принятия искового заявления и подготовки дела к слушанию мировые соглашения заключены быть не могут [214, с. 147-151, 160].

По нашему мнению, при разрешении данного вопроса следует исходить из того, что законодательство не ограничивает возможность заключения сторонами (а третьи лица обладают всеми правами и несут процессуальные обязанности стороны) мировых соглашений, исходя из особенностей дела. Исключение составляют третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора по основаниям, изложенным выше.

В юридической литературе дискуссионным является вопрос о роли и влиянии на гражданский процесс так называемых внесудебных мировых соглашений. И.М.Пятилетов в связи с этим отмечает, что юридической основой мирового соглашения является положение Гражданского кодекса, по которому “обязательства прекращаются соглашением о замене одного обязательства другим между теми же лицами”. Поскольку путем такого соглашения можно разрешить спор о праве без предъявления иска в суд, мировым соглашением в

широком смысле можно назвать любое соглашение, по новому определяющее взаимоотношения сторон и прекращающее возникший спор о праве. Исходя из этого, мировое соглашение, заключенное до передачи дела в суд, можно назвать несудебным мировым соглашением. Мировое соглашение, заключенное при рассмотрении дела и утвержденное судом, является судебным мировым соглашением. Соглашение, заключенное в период нахождения дела в суде, но вне судебного заседания и не утвержденное судом, не получает силы мирового соглашения в принятом значении [249, с. 21].

Следуя логике данного автора можно сделать вывод, что существуют два вида мировых соглашений: заключенные в период рассмотрения дела и утвержденные судом и мировые соглашения как гражданско - правовые сделки, направленные на добровольную ликвидацию спорного правоотношения.

Основное различие между ними заключается в вариантах исполнения сторонами взятых на себя обязательств. При мировом соглашении, утвержденном судом, в случае неисполнения сторонами взаимных обязательств, исполнение указанного соглашения производится государственным исполнителем с возможным применением мер принудительного исполнения. Если же мировое соглашение судом не утверждено, то государство в лице указанных лиц не обеспечивает исполнение внесудебных мировых соглашений.

В связи с этим мы присоединяемся к существующему в литературе мнению о необходимости предоставления суду права утверждать внесудебные мировые соглашения [253, с. 34], поскольку оба вида рассматриваемых соглашений направлены на ликвидацию возникшего спора. Мировое соглашение является распорядительным действием сторон, утверждение которого судом влечет прекращение производства по делу в связи с тем, что дальнейшее ведение процесса является нецелесообразным.

Рассмотрев субъективные права сторон по реализации принципа диспозитивности, необходимо уделить внимание правам, которые лежат в основе принципа состязательности. Указанные права являются предпосылкой доказательственной деятельности сторон в гражданском судопроизводстве, где

правовое положение сторон и третьих лиц с точки зрения фактического состояния характеризуется в аспекте участия этих субъектов правоотношения в формировании фактического и доказательственного материала. Лицо, обратившееся в суд, самостоятельно участвует в определении предмета и пределов доказывания, поскольку формулирует факты и обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Оно определяет систему доказательств и средств доказывания, которые необходимы и достаточны для признания всех фактов, входящих в предмет доказывания [254, с. 74].

В соответствии со ст.15 ГПК, разрешение гражданских дел в судах производится на основе принципа состязательности. Суд лишен права собирать доказательства по собственной инициативе. Реформирование гражданского судопроизводства в сторону усиления состязательных начал является положительным фактом, поскольку при рассмотрении гражданских дел суд не должен являться субъектом доказательственной деятельности. Функция суда сводится к осуществлению правосудия, разрешение возникшего спора на основе предоставленных сторонами доказательств. Суд способствует истребованию доказательств лишь в случае, если при истребовании доказательств у сторон и других лиц, участвующих в деле, возникли определенные трудности и указанные лица заявили в суд соответствующие ходатайства.

В.Белоконев справедливо отмечает, что право распоряжения доказательствами и фактическими обстоятельствами дела принадлежит только сторонам и иным лицам, принимающим участие в деле, и только они должны заботиться о защите своих интересов, находить и представлять суду те доказательства, которые служат защите их интересов.

Активность суда должна заключаться в предоставлении помощи заинтересованным лицам, а не в работе за них. При этом необходимо отметить, что эта помощь может быть предоставлена при наличии двух условий: трудности в истребовании доказательств у лица, которое принимает участие в деле, и обращение его за такой помощью к суду. Отсутствие какого - либо из этих

условий является основанием для отказа суда в предоставлении помощи сторонам и другим лицам, участвующим в деле [255, с. 56].

Не смотря на соответствующую регламентацию состязательности в действующем законодательстве, высказываются мнения о необходимости сохранения за судом права сбора доказательств [256, с. 92; 257, с. 6-10; 258, с. 25-30; 259, с. 51-63; 260, с. 6; 261, с. 98].

На наш взгляд, предоставление суду такого права противоречит принципу равноправия сторон, поскольку суд при этом собирает доказательства в пользу одной из сторон и возможности сторон по сбору доказательств в таком случае не равны.

Основным аргументом сторонников предоставления суду указанной возможности является то, что при сборе доказательств судом устанавливается объективная истина по делу. По нашему мнению, существование принципа объективной истины при рассмотрении гражданских дел противоречит принципу равноправия сторон в гражданском процессе. В настоящее время, как нам представляется, следует говорить не о принципе объективной истины, а о принципе формальной истины, так как действующим законодательством суд лишен права устанавливать так называемую объективную истину путем сбора доказательств по собственной инициативе. В силу этого суд не должен обладать и правом при разрешении конкретного гражданско - правового спора выходить за пределы заявленных исковых требований, потому что он должен лишь осуществлять правосудие на основе предоставленных доказательств, не нарушая тем самым принцип равноправия сторон. Противоположного мнения придерживается Г.Осокина, являющаяся сторонником предоставления права суду выйти за пределы исковых требований [262, с. 40].

Т.Сахнова права, что расширять предмет доказывания за счет инициативы суда неправильно, так как при этом происходит установление тех обстоятельств дела, на которые стороны не ссылались. Законодательное закрепление такого положения может привести к признанию права суда изменять основание иска по своему усмотрению, без согласования этого вопроса со стороной, без учета ее

волеизъявления как обладателя спорного субъективного права [263, с. 53].

Аналогичную позицию занимает А.Т.Боннер [240, с. 53].

Считаем, что судебное решение должно основываться только на предоставленных сторонами или иными лицами, участвующими в деле, доказательствах. В связи с этим диссертант не разделяет существующую в литературе точку зрения, что при разрешении спора не достаточно наличие в качестве доказательств только - лишь объяснений сторон [264, с. 20, 21], так как данная позиция основана на положении о необходимости при вынесении решения сопоставить несколько доказательств [235, с. 8], что является одним из положений критикуемого на страницах данного исследования принципа объективной истины. Законодательство не запрещает суду выносить решение на основе лишь одного доказательства (например, объяснения сторон).

Думается, что модель состязательности для сторон и третьих лиц должна включать следующие элементы: участие сторон в гражданском судопроизводстве; обоснование сторонами требований и возражений; предоставление доказательств сторонами; предоставление сторонами различных ходатайств; предоставление новых дополнительных материалов в судах кассационной и надзорной инстанций.

Представляется несколько неточным мнение о том, что при осуществлении доказательственной деятельности стороны и иные лица, участвующие в деле, несут обязанность доказывания [265, с. 16; 228, с. 142; 222, с. 15]. Данное положение закреплено и в ч.1 ст.30 ГПК, где предусмотрена обязанность сторон доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Думается, что представление доказательств является именно правом субъектов доказательственной деятельности, а не их обязанностью. Следует согласиться с мнением С.А.Барашкова о том, что нельзя принудить истца представить доказательства в обоснование исковых требований, так как он вправе вообще отказаться от иска. Равным образом нельзя принудить и ответчика представить доказательства, обосновывающие его возражения против

иска, так как он вправе признать иск. По нашему мнению, в ч.1 ст.30 ГПК необходимо указать, что каждая сторона вправе доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Относительно гражданской процессуальной правосубъектности третьих лиц необходимо отметить, что указанные субъекты гражданского процесса несут обязанности и обладают правами стороны. Поэтому рассмотренные нами исходящие из принципа состязательности права сторон можно в равной мере отнести и к третьим лицам. Права третьих лиц, в основе которых лежит принцип состязательности гражданского процессуального права, идентичны рассмотренным ранее правам сторон по участию последних в доказательственной деятельности, поскольку третьи лица также являются участниками процесса и заинтересованы в вынесении судом благоприятного решения, удовлетворяющего их требования либо интересы.

Обязанностью сторон и третьих лиц является добросовестное пользование своими процессуальными правами, за невыполнение которой в ряде случаев к субъектам гражданского процессуального права возможно применение предусмотренных санкций.

3.2 Гражданская процессуальная правосубъектность прокурора, органов государственного управления (местного самоуправления)

Актуальность изучения гражданской процессуальной правосубъектности прокурора (местного самоуправления) вызывает необходимость обращения к сущности институтов участия в гражданском процессе названных лиц.

Приступая к анализу гражданской процессуальной правосубъектности прокурора, следует указать на то, что полномочия, которыми он наделен в гражданском процессе, регулируются не только ГПК, но и ст.ст. 5, 34, 35, 37 Закона Украины «О прокуратуре» [266, с. 17], и другими нормативными актами.

Поскольку Закон «О прокуратуре» не является основополагающим процессуальным нормативным актом [267, с. 31; 268, с. 98], целесообразно закрепление в указанном нормативном акте бланкетной нормы. Детальный перечень и объем прав и обязанностей во всех стадиях судопроизводства по гражданским делам должен быть закреплен исключительно в процессуальном законодательстве.

Статья 118 ГПК предусматривает полномочие прокурора, заключающееся лишь в обращении в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов граждан и государственных интересов, в то время как Закон «О прокуратуре» закрепляет за прокурором и возможность вступить в уже начавшийся процесс. На основании этого некоторые авторы полагают, что прокурор может участвовать в гражданском процессе в двух формах [269, с. 6; 270, с. 12; 271, с. 95]. В противоположность им Т.В.Санжаровская пишет, что в силу изменений в гражданском процессуальном законодательстве прокурор должен участвовать в гражданском деле, если он обратился в суд с заявлением о защите интересов государства или прав и законных интересов граждан [272, с. 67].

Законодательство (ст.118 ГПК) закрепляет за прокурором право обратиться в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов граждан и

государственных интересов. В связи с этим в юридической литературе существуют две диаметрально противоположные позиции. Сторонники одной точки зрения полагают, что возбуждение гражданского дела в суде прокурором возможно как по собственной инициативе, независимо от воли лица, в интересах которого подается исковое заявление, так и на основании полученных заявлений, писем граждан и юридических лиц, в которых содержатся сведения о нарушении их прав и обращения к прокурору с просьбой выступить в их защиту [273, с. 8, 9; 274, с. 8; 275, с. 8; 276, с. 59; 277, с. 66; 278, с. 37, 38; 279, с. 47; 280, с. 17; 281, с. 77, 78].

В отличие от указанных авторов, Л.Радзиевская пишет: «В случае, если лицо возражает против предъявления иска прокурором в его интересах и не поддерживает его заявления, то при этом нельзя игнорировать желание таких лиц, особенно если они - граждане. Противоположный подход приведет к грубому нарушению диспозитивных прав сторон, к нарушению чисто этических норм, что может повлечь негативные последствия» [282, с. 41] Аналогичную позицию занимает П.В.Шумский [283, с. 194].

На основании изложенного считаем необходимым ст.118 ГПК изложить в следующей редакции: «Прокурор имеет право обратиться в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов граждан и государства только при наличии письменного или устного заявления об этом последних».¹

Требует изменения и ст.34 Закона «О прокуратуре», где необходимо, по нашему мнению, указать на цель участия прокурора в гражданском судопроизводстве, которая заключается в защите прав и интересов граждан и государства по воле последних. Не содействие исполнению требований закона о всестороннем, полном и объективном разбирательстве дела и постановлению судебных решений, основывающихся на законе, а именно защита прав и законных интересов государства и граждан.

---

¹ Мы не разделяем позицию М.И.Штефана, который выступает за лишение прокурора возможности возбуждать гражданские дела в защиту прав других лиц [284, с. 96].

Итак, целью участия прокурора в судопроизводстве по гражданским делам, и прежде всего целью возбуждения процесса является защита прав и интересов других лиц, из чего можно предположить, что существование такой формы участия прокурора в гражданском процессе, как вступление в рассматриваемое дело, противоречит действующему законодательству, так как из него исключены нормы, предусматривавшие возможность прокурора давать заключения по делу. Несмотря на это многими авторами признается существование критикуемой формы участия прокурора в гражданском процессе [285, с. 26; 286, с. 6].

Следует согласиться с А.А.Ференц - Сороцким, что вступление прокурора в уже начавшийся процесс необходимо, когда государство имеет самостоятельные требования на предмет спора [271, с. 95]. Необходимо признать также то, что вступление прокурора в возникший процесс возможно при предъявлении им искового заявления в интересах третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора либо же при предъявлении встречного искового заявления в интересах ответчика.

Дискуссионным является вопрос о том, следует ли закреплять за прокурором возможность обязательного участия в гражданском процессе. Актуальность этой проблемы возникла в связи с тем, что норма процессуального законодательства (ст.119 ГПК), где были предусмотрены случаи обязательного участия прокурора в гражданском процессе, исключена, а в некоторых нормах права (например, в ч. 4 ст.69 КоБС) правила об обязательном участия прокурора в судебном заседании сохранились.

П.В. Шумский, являясь сторонником обязательного участия прокурора в гражданском процессе, считает целесообразным дополнительно регламентировать обязательное участие прокурора по делам, связанным с действиями государственных органов и их должностных лиц, а также по делам, которые затрагивают интересы государства [285, с. 26]. Аналогичного мнения придерживается А.Г.Евшин, полагая, что необходимо предусмотреть при осуществлении судебной защиты конституционных прав граждан, их чести и

достоинства обязательно участие в процессе прокурора, в том числе по делам о восстановлении на работе и приеме на работу; о выселении без предоставления гражданам другого жилого помещения и о заселении освободившихся жилых помещений, о защите прав изобретателей и рационализаторов; об установлении отцовства; о возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья или смертью; об охране окружающей среды; об обжаловании неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан [287, с. 89, 90].

Л.Нициевский и С.Карамов считают, что прокуроры должны участвовать во всех процессах по важнейшим категориям дел [288, с. 22], однако при этом авторами остается невыясненным вопрос о том, какие категории дел они считают «важнейшими».

По нашему мнению, разделение гражданских дел на категории «важнейшие» и «не важнейшие» противоречит Конституции. Исходя из ч.1 ст.22 Основного Закона, где предусматривается, что закрепленные Конституцией права и свобода человека и гражданина не являются исчерпывающими, можно сделать вывод о том, что Конституция не разделяет права и свободы на важнейшие, первостепенные, конституционные и неконституционные, первоочередные и второстепенные и т.д.

Обязательное участие прокурора при рассмотрении судами гражданских дел нам предоставляется безосновательным и излишним, ибо при такой форме участия прокурора в процессе отсутствует цель, которая при ранее действовавшем законодательстве заключалась, в основном, в даче заключения по делу и в осуществлении прокурорского надзора за деятельностью судебных органов. Кроме того, исходным при данной «форме» участия прокурора в гражданском процессе являлось существовавшее ранее требование о расширении вмешательства государства в лице прокурора а «частноправовые», «гражданские» отношения.

В настоящее же время судебная практика и Верховный Суд Украины исходят из того, что принятые нормы законодательных актов относительно

обязательности участия прокурора в гражданском процессе фактически утратили действие [128, с. 128].

По сравнению с ранее действовавшим законодательством, прокурор не обладает полномочиями на осуществление надзора за соблюдением законности во время рассмотрения гражданских дел [289, с. 46], хотя при проведении анкетирования половина опрошенных прокуроров положительно относятся к надзорному порядку проверки гражданских дел [283, с. 193].

Вопрос о том, следует ли предоставлять прокурору право осуществлять надзор за судебной деятельностью, в научной литературе разрешается неоднозначно. Так, Ю.Е.Полянский выступает за сохранение возобновление надзора прокуратуры за правильным рассмотрением дел в судах, но «при отсутствии при этом каких-либо посягательств на независимость суда. Прокурор лишь добивается подчинения судей только закону. Таким образом, прокурор фактически реализует некоторые элементы надзорной функции, но по отношению к суду никакой реальной властью не располагает» [290, с. 41]. М.Косюта считает целесообразным предоставление прокурору права в официальном, установленном процессуальным законодательством порядке ставить вопрос об устранении нарушений законности, которые допущены судами как в ходе рассмотрения дел, так и при вынесении решений по ним. Нет оснований предусматривать в такой практике нарушение основополагающего для правового государства принципа независимости суда [291, с. 56].

Однако существует противоположная точка зрения, представители которой выступают против прокурорского надзора за законностью судебных актов [292, с. 82; 271, с. 94, 95]. Л.Нициевский и С.Карамов считают, что право принесения протестов должно принадлежать только должностным лицам органов судебной власти [288, с. 23]. Некоторые авторы утверждают, что прокурор не может контролировать деятельность суда, ибо является участником судебного рассмотрения дела [293, с. 121].

Проанализировав существующие точки зрения относительно рассматриваемой проблемы, наиболее приемлемой представляется позиция В.В.Должана, который предлагает свой вариант разрешения данного вопроса исходя из принципа сдержек и противовесов судебной и прокурорской властей, который должен действовать в обоих направлениях. С одной стороны, суды в определенных законом случаях должны контролировать законность решений и действий прокуроров. С другой, за прокурором необходимо сохранить право официальной критики решений и действий органов судебной власти [294, с. 187].

По нашему мнению, право официальной критики прокурором решений и действий органов судебной власти должно иметь место только в стадии пересмотра судебных решений, вступивших и законную силу при проверке законности судебных актов на основании поступившей «жалобы в порядке надзора» либо по каким - либо иным основаниям.

Правом внесения на судебный акт кассационного представления прокурор не должен обладать исходя из диспозитивных начал гражданского судопроизводства и в силу того, что право кассационного обжалования должно принадлежать только сторонам, третьим лицам, заявителям и жалобщикам по делам, предусмотренным главами 29 и 33 ГПК, как субъектам спорных правоотношений и их представителям, которые должны осуществлять свои функции исходя из воли на осуществление конкретных процессуальных действий представляемых.

На предыдущих страницах отмечалось, что предъявить иск прокурор не может по собственной инициативе. Для этого необходимо, прежде всего, обращение гражданина или государственного органа, который считает свой интерес нарушенным или оспариваемым.

Прежде всего необходимо раскрыть содержание термина «интересы гражданина или государства» в силу того, что законодатель не дает разъяснений относительно указанного термина. Н.И.Руденко понимает под этим термином

«закрепленную Конституцией и законами Украины, международными договорами и актами систему фундаментальных ценностей в наиболее важных сферах жизнедеятельности народа и общества (политической, экономической, социальной, военной, экологической, научной, технологической, информационной). Термин «интересы», скорее всего, имеет неопределенное содержание и в каждом конкретном случае прокурору необходимо установить, были ли нарушены интересы личности, гражданина или государства, закрепленные в Конституции и других нормативно - правовых актах, которые создают необходимый правовой режим обеспечения разнообразных интересов (имущественных, экологических, информационных и т.п.)» [295, с. 47].

Конституционный Суд Украины в решении №3-рп/99 относительно представительства прокуратурой интересов государства в арбитражном суде указал, что в контексте пункта 2 статьи 121 Конституции положение абз.4 ч.1 ст.2 АПК необходимо понимать так, что прокуроры и их заместители подают в арбитражный суд иски именно в интересах государства, а не в интересах предприятий, учреждений и организаций независимо от их подчиненности и форм собственности.

Под понятием «орган, уполномоченный государством осуществлять соответствующие функции в спорных правоотношениях», определенным в части второй статьи 2 АПК, необходимо понимать орган государственной власти или орган местного самоуправления, которому законом предоставлено полномочие органа исполнительной власти [296, с. 35-38].

Термин «государственный интерес» не идентичен понятию «интересы государства», так как понятие «государственный интерес» шире, чем «интересы государства», поскольку интерес государства есть там, где государство действует как единое лицо (например, при подаче иска о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде.) Защита же государственного интереса имеет место там, где исковое заявление подается в целях защиты нарушенного или оспариваемого права государства в лице органов государственной власти или

местного самоуправления.

Вместе с тем необходимо отметить, что в юридической литературе и практике не существует единой позиции относительно того, в каких случаях и в чьих интересах прокурор может обратиться в суд. Е.Г.Пушкар выделяет следующие случаи обращения прокурора в суд с заявлением в защиту прав других лиц: когда заинтересованное лицо, права которого нарушены, хочет обратиться в суд, но по уважительным причинам сделать это само не может (болезнь, недееспособность и др.); когда заинтересованное лицо может реализовать свое право на судебную защиту, но по каким-то причинам не хочет этого делать, а в результате страдают государственные или общественные интересы или права и интересы других граждан [297, с. 87].¹

И.Вернидубов указывает на необходимость защиты преимущественно интересов ветеранов, инвалидов, детей, безвестно отсутствующих [274, с. 8]. А.В.Чурилов и В.З.Гущин выступают за предоставление прокурору полномочий осуществлять «поддержку и защиту прав и законных интересов тех граждан, которые оказались в трудной жизненной ситуации и сами не в состоянии активно защищать свои права [277, с. 64]. По мнению Н.Ш.Вайнера, прокурор вправе предъявить иск по любому делу. Указанный автор подвергает критике мнение о необходимости закрепления в законе указания о том, при каких нарушениях прав прокурор обязан предъявить иск [286, с. 12, 13].

На основании изложенного представляется довольно сложным дать однозначный ответ о том, в каких же случаях прокурор вправе обратиться в суд с исковым заявлением в интересах других лиц. На наш взгляд, прокурор должен обратиться в суд для защиты группового (массового) интереса - при одновременном нарушении прав больших по численности групп граждан вследствие противоправного деяния либо применения нормативно-правового

---

¹ Аналогичную позицию занимают и другие авторы, считающие, что прокурор должен предъявлять иски в суд прежде всего в интересах тех граждан, которые вследствие возраста, состояния здоровья, материального положения и по иным уважительным причинам не способны самостоятельно защищать себя, обратившись в суд [298, с. 63]. Такого же мнения придерживается К.С.Банченко - Любимова [299, с. 5].

акта, противоречащего закону. Прокурор должен защищать правовые интересы общества, поскольку они производны от прав и свобод граждан и выражают так называемый неперсонифицированный интерес.

По нашему мнению, права и охраняемые интересы отдельных граждан, для которых по тем или иным причинам затруднительно самостоятельное обращение в суд, должны защищаться либо их представителями (законными или договорными) или же соответствующими органами государственного управления, которые вправе установить над недееспособным, престарелым, несовершеннолетним лицом опеку (попечительство) и исходя из этого обладать полномочием по защите нарушенных или оспариваемых его прав и интересов.¹ Прокурор же, как нам представляется, должен защищать в суде нарушенные или оспариваемые интересы государства и (или) общества, а также групповой (массовый) интерес. При анализе гражданской процессуальной правосубъектности прокурора необходимо рассмотреть некоторые диспозитивные права, которыми обладает данный участник гражданского процесса в случае участия в судопроизводстве по гражданским делам с целью защиты прав и интересов других лиц.

В связи с этим следует прежде всего указать на ошибочность, по нашему мнению, позиции Н.Руденко и В.Глаговского, которая заключается в следующем: «Отказ прокурора от предъявленного им иска (отказ поддержать его в суде) должен повлечь за собой прекращение дела» [276, с. 63].

В противоположность цитируемым авторам П.В.Шумский справедливо отмечает, что отказ прокурора от иска, предъявленного в порядке, предусмотренном законом, не является обязательным для прекращения дела, поскольку лицо, в интересах которого предъявлен иск, может самостоятельно защитить свои права как сторона (истец). Однако прокурор не может закончить дело заключением мирового соглашения; к прокурору, который предъявил иск, нельзя предъявить встречного искового заявления [285, с. 27]. Аналогичного мнения придерживается Л.Радзиевская, высказывая при этом не подкрепленную

аргументами точку зрения, что при отказе прокурора от иска истец должен подать новое исковое заявление, которое необходимо оплатить государственной пошлиной [282, с. 42].

Следует отметить, что по своим юридическим последствиям отказ прокурора от иска отличается от отказа стороны тем, что он влечет прекращение производства по делу только в том случае, если заинтересованное лицо, в защиту прав которого прокурором заявлен иск, согласилось с этим отказом, а суд принял этот отказ. Отказ заинтересованной стороны, принятый судом, влечет прекращение дела производством независимо от того, согласен с этим прокурор или нет.

Ошибочность утверждения, что отказ прокурора от предъявленного иска должен повлечь прекращение производства по делу, исходит, видимо, из того, что его авторы считают прокурора, предъявившего иск в защиту прав и интересов других лиц, стороной в процессе. В данной связи заслуживает поддержки позиция тех юристов, которые пишут, что прокурор в процессе пользуется особыми правами и поэтому занимает в процессе положение, отличное от положения сторон [270, с. 11; 300, с. 12, 13].

В связи с этим интересен следующий пример судебной практики. Прокурор Беловодского района Луганской области предъявил иск в интересах наследников М.Карпова и Т.Ярченко к А.Карповой и Т.Карповой о признании недействительным договора дарения дома. Определением Луганского областного суда производство по делу по иску прокурора о признании недействительным договора дарения жилого дома прекращено.

В своей жалобе М.Карпов просил определение суда областного суда отменить, а дело направить на рассмотрение по существу. Его жалоба подлежит удовлетворению на том основании, что данное дело действительно принято к производству судом по иску прокурора, однако лица, в защиту интересов которых предъявлен иск, вступили в дело как истцы и все время поддерживали иски требования и от иска не отказывались. По этим причинам суд не имел

---

¹ Об этом совершенно справедливо указывают Н.Руденко и В.Глаговский [276, с. 61].

законных оснований прекращать производство по делу.

Руководствуясь ст.ст. 310, 311 ГПК, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда постановила: жалобу М.Карпова удовлетворить, определение Луганского областного суда отменить, а дело передать в тот же суд для рассмотрения по существу [186, с. 113, 114].

В то же время в процессуальной литературе последнего времени ставится вопрос о роли прокурора при реализации таких диспозитивных прав, как мировое соглашение и отказ от иска исходя их процессуального положения названного должностного лица [301, с. 87, 118]. Исходя из этого и в соответствии с требованиями принципа диспозитивности не следует расширять права прокурора, связанные с реализацией ряда диспозитивных прав, как это предлагает П.В.Шумский [285, с. 26], так как данные права должны принадлежать стороне или третьему лицу как субъекту спорного материального правоотношения.

Помимо регулирования полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве в нормах ГПК и в Законе «О прокуратуре», статья 121 Конституции возложила на прокуратуру осуществление четырех функций. В п.2 указанной нормы законодатель закрепил за прокуратурой представительство интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных законом.¹

Данное положение, на наш взгляд, требует законодательного уточнения, поскольку представительская функция прокурора, закрепленная Конституцией, вряд ли имеет в виду институт представительства, предусмотренный гражданским процессуальным законодательством.

В научной литературе существует мнение, сторонники которой считают функцию представительства несколько измененной функцией общего надзора

---

¹ Ряд авторов трактуют указанную функцию прокуратуры расширительно, полагая, что прокурор должен представлять интересы граждан и государства не только в суде, но и при осуществлении различного рода проверок, в форме досудебного производства [302, с. 6; 291, с. 56; 294, с. 185].

По нашему мнению, указанные положения являются ошибочными, поскольку Конституция в названной норме предусматривает возможность представления интересов граждан и государства исключительно в суде

[302, с. 15; 303, с. 31; 304, с. 34; 275, с. 8; 305, с. 73; 306, с. 79, 80; 307, с. 63-65]. Данное положение нельзя признать справедливым, поскольку указанные институты коренным образом отличаются друг от друга по существу и по назначению. Представительство интересов гражданина и государства подразумевает защиту прав (интересов) последних в суде. Сущность же и назначение общего надзора главным образом составляет надзор прокуратуры за точным и единообразным исполнением законов в сфере государственного управления [308, с. 117], а также должностными лицами и гражданами [289, с. 20].

Как пишет М.И.Штефан, представительство - это процессуальная деятельность лица (представителя, поверенного), направленная на защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов другого участвующего в деле лица (представляемого), государственных или общественных интересов, а также оказание содействия суду в установлении истины по делу, постановления законного и обоснованного решения. Правоотношения между представителем и судом регулируются нормами гражданского процессуального права, являются гражданскими процессуально – правовыми [309, с. 5, 6].

Можно ли на основании данной позиции считать прокурора представителем? Наверное, нет. Правовой статус прокурора имеет специфический характер и должен регулироваться, как упоминалось, не только нормами гражданского процессуального права, но и соответствующими статьями Закона Украины «О прокуратуре» и иными нормативными актами, хотя производство по гражданским делам в судах Украины ведется по гражданскому процессуальному законодательству, действующим во время рассмотрения дела (ст.3 ГПК).

По нашему мнению, конституционно - закрепленная за прокуратурой функция представительства не является разновидностью ни общегражданского (ст.62 ГПК), ни процессуального (ст.110-117 ГПК) [310, с. 158].

Представительство прокуратурой интересов граждан и государства не является ни законным, ни договорным (добровольным), поскольку договорным

представительством является представительство, основанное на соглашении между стороной в процессе и лицом, осуществляющим представительство. Законное представительство устанавливается в силу того, что граждане лишены или не обладают в полном объеме дееспособностью. Законными представителями являются родители, усыновители, опекуны или попечители. Исходя из этого вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые пишут, что прокурор в судебном заседании, защищая интересы государства и гражданина имеет процессуальное положение представителя их интересов [302, с. 15; 303, с. 31; 304, с. 34; 275, с. 8].

Статья 112 ГПК закрепляет круг лиц, которые могут быть представителями. Можно ли отнести прокурора к представителям, о которых идет речь в названном пункте? Считаем, что нет, поскольку в противном случае прокурор должен быть допущен судом к участию в деле, что ставило бы прокурора при осуществлении функции представительства в зависимость от суда. Поскольку порядок судопроизводства по гражданским делам регулируется гражданским процессуальным законодательством, где не предусмотрена возможность участия прокурора в гражданском процессе в качестве представителя, то можно сделать вывод о том, что прокурор (как должностное лицо) не является процессуальным представителем.

Если признать, что прокурору в гражданском процессе надлежит участвовать как процессуальному представителю интересов граждан и государства, то возникает вопрос об основаниях и характере такого участия, объеме полномочий как представителя интересов граждан и государства.

Правильное разрешение данной проблемы имеет значение для правовой оценки действий отдельных судов, которые, отказывая прокурорам в принятии исковых заявлений, предъявленных в защиту интересов гражданина или государства, ссылаются на п.9 ст.136 ГПК (не предоставлен документ, подтверждающий полномочия на ведение дела от имени того лица, в интересах которого он обратился в суд) [311, с. 33; 312, с. 178, 179].

По мнению П.В.Шумского, прокурор не вправе предъявлять иски в защиту прав иных лиц без получения соответствующих полномочий с их стороны [283, с. 194, 195]. Однако большинство юристов придерживаются противоположной точки зрения, полагая, что прокурору при возбуждении им гражданского дела в чужих интересах никаких поручений (или доверенностей) на ведение дела не требуется, так как он выступает в суде как представитель прокуратуры в пределах своей компетенции, которая определяется законом [276, с. 59; 312, с. 179]. Такой подход к разрешению данного вопроса диссертант не разделяет, поскольку прокурор в гражданском процессе, по мнению Н.В.Ченцова, всегда остается представителем государства [313, с. 97], ибо он имеет в деле не гражданско – правовую, а государственную заинтересованность.

В связи с этим мы полагаем, что Конституция положила начало правовому представительству нового типа - прокурорскому представительству [298, с. 64]. Основным же элементом представительской функции прокуратуры является принцип, согласно которому государство отвечает перед гражданином за свою деятельность (ч.2 ст.3 Конституции). Каждое лицо обязано неукоснительно соблюдать Конституцию и законы Украины, не посягать на права и свободы, честь и достоинство других людей (ч.1 ст.68 Конституции).

В этой связи диссертант не разделяет позиции В.И.Сапункова, который предлагает отнести представительство прокурором интересов гражданина или государства к официальному представительству [312, с. 179] потому, что последнее является одним из видов гражданского процессуального представительства, к которому, как показано выше, нельзя отнести функцию прокуратуры, закрепленную в п.2 ч.1 ст.121 Конституции.

Гражданская процессуальная правосубъектность иных органов и лиц, защищающих в процессе чужой интерес (органов государственного управления, профсоюзов, предприятий, учреждений, организаций) также состоит, как указывалось, из компетенции [314, с. 39; 315, с. 10] как из совокупности определенных законом полномочий. Данное положение оспаривается некоторыми авторами, полагающими, что содержание правосубъектности

рассматриваемых органов и лиц составляют определенные права и обязанности, право- и дееспособность [316, с. 10, 11; 317, с. 6].

Полномочия указанных субъектов выражаются в определенных законодательством формах участия в гражданском судопроизводстве.

Статья 121 ГПК предусматривает две формы такого участия: в форме обращения в суд с заявлением прав и охраняемых законом интересов других лиц и в форме дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и для защиты прав граждан и интересов государства.

Необходимо отметить, что участие в гражданском процессе в форме дачи заключения по делу признается не за всеми перечисленными в гл.14 ГПК лицами, а лишь за органами государственного управления.

Статья 16 ГПК УССР 1929г. предусматривала участие названных органов и лиц в гражданском судопроизводстве в форме возбуждения гражданского дела в неограниченных случаях в отличие от ныне действующего законодательства [318, с. 7].

Профсоюзы обладали полномочием представлять в суде по собственной инициативе интересы каждого из тех рабочих, чьи интересы или права нарушены, причем в УССР, в противоположность РСФСР, по делам всех вообще рабочих и служащих, а не только своих членов [319, с. 37].

Развитие института участия в гражданском процессе органов государственного управления, общественных организаций и других органов и лиц, защищающих чужой интерес, заключается в отождествлении как при принятии ГПК 1929 г., так и при принятии ГПК 1963 г., интересов государства и личности. Законодательный контекст указанной регламентации сводился к вмешательству государства в частноправовые гражданские отношения [320, с. 20; 321, с. 3], что и являлось исходным началом для теоретических исследований участия в гражданском процессе органов и лиц, защищающих чужой интерес [40, с. 36].

В настоящее время, при усилении диспозитивных и состязательных начал гражданского судопроизводства рассматриваемый институт нуждается в

принципиально новой научной интерпретации и детализации в законодательстве. Ч.Н.Азимов отмечает, что в недалеком прошлом существовала теория, которая основывалась на том, что в эпоху строительства социализма вся система права имела публичный характер. Исходя из этого предлагалось расширить вмешательство государства в частно - правовые отношения. Это объяснялось тем, что социалистические общественные отношения определяются гармоническим единством общественных и личных интересов. Далее указанный автор пишет, что в частном праве гражданские права защищаются не иначе, как по желанию частных лиц - их субъектов, в публичном же защита осуществляется по воле органов власти [322, с. 32, 33]. Исходя из данного положения, а также принимая во внимание утверждение, что нормы гражданского права являются нормами частного права [323, с. 30], создание процедур реализации которых - назначение процессуальных норм [324, с. 338], можно сделать вывод о том, что нормы гражданского процессуального права, равно как и материального, также являются, главным образом, нормами частного права.

Безусловно, некоторые элементы публичности все - таки имеют место в гражданском процессе, однако это не дает оснований утверждать, что гражданскому процессу, равно как и уголовному, присущ принцип публичности, выражающийся, по мнению М.И.Штефана, во вмешательстве государства в частно - правовые отношения путем наделения органов государственного управления, предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан гражданскими процессуальными полномочиями, направленными на защиту иных лиц, государственных и общественных интересов независимо от волеизъявления заинтересованных лиц [35, с. 49].

Нам представляется, что органы государственного управления (местного самоуправления) в гражданском процессе должны обладать рядом полномочий, прежде всего в публичных интересах возбуждать дела, направленные на защиту государственного интереса или в определенных законом случаях интересов отдельных граждан. Представляется, что защищать интересы отдельных граждан

органы государственного управления (местного самоуправления) должны в тех случаях, когда на них государством возложена функция охраны тех субъективных прав граждан, которые предоставлены последним самим государством. В этом случае публичный интерес преобладает над частным. Диссертант не разделяет позиции Н.А.Киреевой, которая одним из оснований участия в гражданском процессе органов государственного управления в защиту прав и интересов других лиц считает материально - правовой интерес лица, в защиту которого предъявлен иск [325, с. 9, 10].

Кроме того, указанные лица должны обладать полномочием возбуждать гражданские дела, направленные на защиту интереса неопределенного круга лиц (в настоящее время таким полномочием наделены Государственный комитет Украины по делам защиты прав потребителей и его органы в Республике Крым, областях, городах Киеве и Севастополе [326, с. 99; 327, с. 181; 328, с. 1]).

Наконец, органы государственного управления (местного самоуправления), защищающие в гражданском процессе чужой интерес, в определенных законом или судом случаях вступать в дело для дачи заключения по делу в пределах предоставленных законом функций.

При реализации органами государственного управления (местного самоуправления) указанных полномочий необходимо наличие прямого указания в законе или подзаконном акте о возможности участия в гражданском деле в той или иной форме [40, с. 36, 37], что является специальной предпосылкой права на предъявление иска рассматриваемыми органами.

Таким образом, исходными для определения возможности участия названных органов в указанных формах являются, по нашему мнению, следующие положения:

- а) защита прав и интересов лиц, в интересах которых подан иск;
- б) возможность и форма участия должна быть прямо закреплена в законе или признана необходимой судом;
- в) органы государственного управления (местного самоуправления) не должны быть связаны материально - правовыми отношениями со сторонами, а

их юридическая заинтересованность в деле вытекает из государственно - правовой деятельности.

Участие в гражданском процессе органов государственного управления (местного самоуправления) в форме дачи заключения по делу возможно лишь при участии названного органа в рассмотрении дел, которые связаны с функциями, возложенными законом на этот орган. Вряд ли можно согласиться с Н.И.Башкатовым, что органы государственного управления могут быть привлечены судом в гражданский процесс для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей только в тех случаях, когда рассматриваемые судом гражданские дела имеют особую специфику (жилищные дела, дела по спорам о детях и другие) [329, с. 6]. По нашему мнению, понятие «особая специфика дела» не имеет определенного содержания. «Специфическим» может быть рассмотрение любого гражданского дела в силу самых различных причин (трудности в сборе и оценке доказательств, нравственная сторона дела, сложности в установлении истины и т.д.). Поэтому считаем, что участие органов государственного управления (местного самоуправления) в гражданском процессе в форме дачи заключения по делу необходимо по любым делам, если это закреплено в законе или признано судом, а также в случаях, если названные органы вступают в процесс по собственной инициативе в целях осуществления возложенных на них обязанностей. Дачей мотивированного и обоснованного заключения по делу они содействуют правильному разрешению дела.

Участие органов государственного управления (местного самоуправления) в гражданском процессе в рассматриваемой форме в настоящее время необходимо в случаях, когда без его заключения невозможно или затруднительно рассмотрение и разрешение дела. Привлечение в процесс указанного органа суд осуществляет путем вынесения определения, обязывающее орган государственного управления (местного самоуправления) принять участие в деле. Рассматривая этот вопрос, А.А.Добровольский верно отмечал, что каждый орган управления может давать заключение только по

вопросам, вытекающим из той области государственного управления, на которую распространяется его компетенция, и не может давать заключений по вопросам, не связанным с данной отраслью управления [314, с. 147].

Гражданским процессуальным законодательством закреплено участие в гражданском процессе профсоюзов, предприятий, учреждений, организаций, общественных организаций, отдельных граждан в форме возбуждения гражданского дела в защиту прав и интересов других лиц в определенных законом случаях. Однако необходимо учитывать, что участие указанных субъектов в гражданском процессе не обеспечено реальным исполнением.

Так, Закон «О предприятиях в Украине» не закрепляет за предприятиями полномочий на обращение в суд за защитой прав и законных интересов других лиц [330, с. 272]. В ч.4 ст.19 Закона Украины «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» предусмотрено, что профессиональные союзы, их объединения имеют право представлять интересы своих членов при реализации ими конституционного права на обращение за защитой своих прав в судебные органы и в международные судебные учреждения [331, с. 397]. Некоторыми нормами отраслевого законодательства (ст.224 Кзот, ст.71 КоБС, ст.57 ГК, ст.256 ГПК) профсоюзы наделены полномочием возбуждать некоторые категории гражданских дел. Пункт 2 ч.1 ст.20 Закона «Об объединениях граждан» предусматривает, что объединения граждан пользуются правом защищать законные интересы своих членов (участников) в государственных органах [332, с. 504].

По нашему мнению, профсоюзы, предприятия, учреждения, организации, общественные организации и отдельные граждане в судопроизводстве по гражданским делам не должны обладать полномочием возбуждать прав и интересов других лиц, ибо в противном случае происходит вмешательство общественности в частноправовые гражданские отношения и нарушается принцип диспозитивности гражданского процессуального права.

Кроме того, гражданских дел с участием указанных субъектов крайне мало, что свидетельствует о нецелесообразности существования

рассматриваемого института.

3.3. Гражданская процессуальная правосубъектность лиц, содействующих осуществлению правосудия

Особенностью гражданской процессуальной правосубъектности лиц, содействующих осуществлению правосудия, является то, что они своими действиями не добиваются осуществления своего процессуального интереса, заключающегося в разрешении их спора, в защите их права и т.д. Их действия лишь способствуют разрешению данного дела [50, с. 33, 34]. Это свидетели, переводчики, эксперты, переводчики.

Относительно правового статуса свидетеля необходимо отметить, что законодательство не содержит отдельной правовой нормы, в которой регламентировались бы основные права и обязанности указанного субъекта. Статья 41 ГПК закрепляет за свидетелем определенные обязанности, которыми являются явка в суд и дача правдивых показаний, за отказ или уклонение от дачи которых лицо несет предусмотренную законом ответственность.

Думается, в новом ГПК норму о правах и обязанностях свидетеля следует сформулировать исходя из следующего:

1. Лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться в суд и дать правдивые показания. Свидетель может быть допрошен судом в месте своего пребывания, если он вследствие болезни, старости, инвалидности или других уважительных причин не в состоянии явиться по вызову суда.

2. За дачу заведомо ложного показания и за отказ от дачи показаний по основаниям, не предусмотренным законом, свидетель несет ответственность, предусмотренную Уголовным Кодексом.

3. Свидетель имеет право на возмещение расходов, связанных с вызовом в суд, и на получение денежной компенсации в связи с потерей времени. Размер расходов и компенсаций определяется правительством Российской Федерации.

В связи с принятием Конституции Украины, ст.63 которой «снимает» с лица ответственность за отказ от дачи показаний или объяснений относительно себя, членов семьи или близких родственников, круг которых определен законом, актуальным является правильное разрешение вопроса о свидетельском иммунитете как о праве свидетеля отказаться от дачи показаний против себя и своих близких.¹

М.К. Треушников определяет свидетельский иммунитет как правовое регулирование случаев, когда суд вообще не может допрашивать того или иного гражданина в качестве свидетеля, или когда гражданин вправе сам отказаться от свидетельствования и суд не имеет права в силу наличия правового основания такого отказа принудить гражданина давать свидетельские показания [333, с. 200]. На основании изложенной позиции можно сделать вывод о существовании свидетельского иммунитета двух видов: первый вид рассматриваемого института закрепляет круг лиц, которые вообще не могут быть допрошены судом в качестве свидетеля; второй вид предусматривает круг лиц, которые вправе в определенных случаях отказаться от дачи показаний.

В действующем гражданском процессуальном законодательстве регламентируется, к сожалению, только первый вид свидетельского иммунитета. Так, ст.42 ГПК предусматривает, что не могут быть свидетелями лица: а) не способные из-за своих психических или физических недостатков правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, или давать о них правильные показания; б) представители по гражданскому делу или защитники

---

¹ В связи с этим Пленум Верховного Суда Украины в п.20 Постановления №9 от 01.09.96г. «О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия» разъяснил, что лицо не может быть привлечено для свидетельства против себя, членов семьи и близких родственников [128, с. 54].

по уголовному делу об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника.

Однако проект нового ГПК Украины (ст. 59) предусматривает запрет допроса в качестве свидетеля также лиц, которые обязаны в соответствии с требованиями закона сохранить в тайне факты, ставшие им известны в силу служебного или профессионального положения; лиц, которые обладают статусом дипломатической неприкосновенности, представителей дипломатических представительств, священнослужителей об обстоятельствах, которые стали им известны на исповеди. С.Стаховский к указанной категории лиц относит также медицинских работников и других лиц, которым в связи с выполнением их профессиональных обязанностей стали известны факты, принадлежащие к тайнам личной жизни граждан. Однако далее указанный автор, вступая в противоречие с самим собой, все – таки допускает допрос этих лиц при наличии возбужденного дела наряду с тем обстоятельством, что сведения, по поводу которых допрашивается лицо, должны иметь непосредственное отношение к предмету доказывания [334, с. 71-73].

По нашему мнению, законодательный запрет привлекать указанных лиц в качестве свидетелей должен быть безоговорочным, в качестве свидетелей не должны подлежать допросу следующие категории лиц:

- 1) лица, которые в силу своего малолетнего возраста, физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать факты и давать о них правильные показания;
- 2) представители по гражданскому делу и защитники по уголовному делу – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника;
- 3) судья, присяжный, народный или арбитражный заседатель – о вопросах, возникавших в совещательной комнате в связи с обсуждением обстоятельств дела при вынесении решения или приговора;
- 4) священнослужители – об обстоятельствах, которые стали им известны на исповеди.

Необходимо также закрепить перечень лиц, на которых должен распространяться второй вид права на свидетельский иммунитет. Представляется, что в суде вправе отказаться от дачи показаний:

- 1) гражданин против самого себя;
- 2) супруг против супруга, дети против родителей и родители против детей;
- 3) братья и сестры против друг друга, дедушка, бабушка против внуков и внуки против дедушки, бабушки;
- 4) депутаты представительных органов власти в отношении сведений, ставших им известными в связи с исполнением депутатских обязанностей [335, с. 45].

Распространение права свидетельского иммунитета на первые три группы указанных лиц связано с требованиями ст.14 Пакта о гражданских и политических правах, гласящими, что никто не может быть принуждаем к даче показаний против самого себя.

Не соглашаясь с точкой зрения Л.Карнеевой и И.Кертеса, рассматривающих свидетельский иммунитет как право свидетеля отказаться от дачи показаний, которые могут быть использованы во вред исключительно родственнику или иному близкому лицу [336, с. 57-63], представляется целесообразным ограничить право свидетельского иммунитета предоставлением лицу возможности сообщить недостоверные сведения суду либо вообще отказаться от дачи показаний, которые могут нанести вред, помимо близких родственников и самому свидетелю, а также повлечь уголовную ответственность этих лиц, так как свидетельские показания неоднородны. Они включают сведения общего характера (о личности свидетеля, других участников процесса, об отношении к лицам, участвующим в деле) и информацию о фактах. Поскольку сведения общего характера не могут причинить ущерба свидетелю или его близким родственникам, постольку иммунитет на них распространять не следует. Привилегию от свидетельства должна получить только специальная часть показаний.

Свидетельский иммунитет носит добровольный характер. Очень важно предусмотреть, что добровольность иммунитета предполагает право отказаться от него. Разъяснение судом свидетельской привилегии, изъявление свидетелями желания воспользоваться ею (равно как и отказ от нее) должны быть отражены в протоколе судебного заседания. В целях упорядочения рассмотрения дела свидетель, отказавшийся от иммунитета, не должен иметь права на его восстановление.

В случае отсутствия у свидетеля права на иммунитет суд обязан отказать в его предоставлении, вынося мотивированное определение [337, с. 43, 44].

Особо следует сказать о служебном иммунитете, который может быть основан на занимаемой должности и служебном содержании информации. К первой разновидности свидетельской привилегии относится дипломатический иммунитет, свидетельский иммунитет адвоката, должностного лица органа судебной власти по обстоятельствам, которые стали им известны в связи с их профессиональным положением.

В этой связи необходимо отметить, что по – иному решается вопрос в отношении консульских должностных лиц и сотрудников консульства. Согласно Венской конвенции о консульских отношениях 1963 г., консульские должностные лица могут отказаться от свидетельства в случае, если предмет показаний связан с выполнением служебных обязанностей.

Вторая разновидность служебного иммунитета свидетеля основана на предмете свидетельских показаний. Его следует распространять на подлежащие сохранению в тайне сведения, касающиеся сферы служебной деятельности.

В то же время отдельные нормативные акты обязывают лиц не разглашать сведения, составляющие предмет профессиональной деятельности [338, с. 22].

Складывается противоречие между обязанностью хранить тайну и давать свидетельские показания. В целях его устранения целесообразно предоставить свидетелю право отказаться от дачи показаний, если они касаются сведений, относящихся к тому или иному виду тайн, однако в то же время они могут быть необходимы для разрешения дела по существу.

Для удовлетворения потребностей правосудия и учета интересов свидетеля следует предусмотреть такой порядок допроса свидетелей, который бы отвечал целям гражданского судопроизводства и не ставил свидетеля в двусмысленное положение. В этом случае дело подлежит слушанию в закрытом судебном заседании [336, с. 44, 45].

По нашему мнению, допрос в качестве свидетелей лиц, владеющих указанной информацией, должен согласовываться с руководителем соответствующего учреждения или организации с целью обеспечения охраны такой информации.

В юридической литературе предлагается предоставить право свидетельского иммунитета также журналистам в отношении сведений, полученных по роду своей профессиональной деятельности и касающихся источника информации [333, с. 202].

Наряду с законодательным закреплением за свидетелем права на свидетельский иммунитет, других прав и обязанностей, о которых шла речь, за указанным субъектом гражданских процессуальных правоотношений следует закрепить в законе право быть освобожденным от учебы, работы в тот день и час, которые указаны в повестке, право на возмещение расходов, связанных с вызовом в суд; право на получение денежной компенсации в связи с потерей времени; право давать показания на родном языке, пользоваться услугами переводчика; право пользоваться письменными заметками при допросе; право в определенных случаях быть допрошенным в месте своего пребывания или по месту своего постоянного жительства; право просить разрешения у суда удалиться из зала суда до окончания разбирательства дела; право добиваться вторичного допроса.

Данные предложения будут способствовать совершенствованию правового статуса указанного субъекта гражданских процессуальных правоотношений.

Правовой статус эксперта регулируется законом «О судебной экспертизе» [338, с. 232], и некоторыми нормами ГПК. При характеристике гражданской процессуальной правосубъектности эксперта следует согласиться с

Т.В.Сахновой, выступающей против введения термина «процессуальная компетенция эксперта», так как выполняя свои функции в процессе, эксперт действует в рамках процессуальных прав и обязанностей, предоставленных ему законом. Их совокупность очерчивает правовой статус (положение) эксперта [339, с. 95]. Эксперт как субъект процессуального отношения приобретает права и обязанности, содержание и объем которых определен законом в зависимости от той задачи, ради осуществления которой он привлекается в гражданский процесс [340, с. 115].

Статья 12 вышеназванного закона независимо от вида судопроизводства закрепляет за экспертом следующие обязанности:

- 1) провести полное исследование и дать обоснованное и объективное письменное заключение;
- 2) по требованию суда дать разъяснение по данному им заключению;
- 3) заявлять самоотвод при наличии предусмотренных законодательством оснований, исключающих его участие в деле.

Помимо этих обязанностей, ст.58 ГПК возлагает на эксперта обязанность явиться по вызову суда и дать правдивое заключение по поставленным ему вопросам.

По нашему мнению, изложенные обязанности эксперта не нуждаются в комментариях, дополнениях или изменениях, хотя некоторыми авторами и предлагается законодательно закрепить за экспертом обязанность при его допросе в суде отвечать на задаваемые вопросы в целях разъяснения и дополнения заключения.

Одной из обязанностей эксперта является дача правдивого заключения по поставленным ему вопросам, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть вопрос, связанный с разъяснением указанного заключения. «Под разъяснением заключения эксперта, - пишет В.Васенков, - обычно понимаются его показания об избранной методике исследования; использованных научно – технических средствах, о возможных противоречиях между исследованием и выводами, содержащимися в заключении; об отдельных терминах и

формулировках заключения; о литературе и практике, относящихся к объектам исследования.

Под дополнением заключения эксперта в юридической литературе понимается формулирование дополнительных выводов, которые следуют из приведенных исследований, но не нашли отражения в заключении, а также дополнительные обоснования ранее сделанных выводов» [341, с. 49].

В отличие от обязанностей, права эксперта более разнообразны. Они так же, как и обязанности, регулируются нормами ГПК и законом «О судебной экспертизе», ст.13 которого наделяет эксперта независимо от вида судопроизводства следующими правами:

1) знакомиться с материалами дела, касающимися предмета судебной экспертизы, и представлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов;

2) указывать в акте судебной экспертизы на выявленные в ходе ее производства факты, имеющие значение для дела и по поводу которых ему не были поставлены вопросы;

3) с разрешения лица или органа, назначивших судебную экспертизу присутствовать при проведении судебных действий и заявлять ходатайства, касающиеся предмета судебной экспертизы;

4) подавать жалобы на действия лица, в производстве которого находится дело, если эти действия нарушают права эксперта;

5) получать вознаграждение за производство судебной экспертизы, если ее выполнение не является служебным заданием.

Статья 59 ГПК наряду с указанными выше правами закрепляет за экспертом право знакомиться с материалами дела, принимать участие в рассмотрении дела судом, просить суд о предоставлении ему дополнительных материалов, поскольку это необходимо для заключения.

Кроме того, эксперт имеет право отказаться от дачи заключения, если предоставленных ему материалов недостаточно или если он не имеет необходимых знаний для исполнения возложенной на него обязанности.

Рассматривая право эксперта отказаться от дачи заключения, Т.В.Сахнова отмечает, что отказ от дачи заключения по причине недостаточности предоставленных материалов может иметь место лишь в том случае, если эксперт просил суд предоставить ему дополнительные материалы, но ходатайство не было удовлетворено, имеющиеся же материалы не позволяют провести полноценного исследования и дать ответы на поставленные вопросы. К тому же основанию можно отнести и непригодность предоставленных материалов для исследования (например, для проведения графической экспертизы предоставлена плохо отпечатанная ксерокопия, а не оригинал письма.)

Эксперт может также отказаться от дачи заключения, если не обладает для этого необходимыми специальными знаниями, что означает: а) поставленный вопрос не относится к компетенции эксперта; б) поставленный вопрос в принципе относится к данной отрасли знаний, в которой эксперт является специалистом, но современный уровень развития знаний и экспертологии не позволяет ответить на него.

Отказ эксперта от производства экспертизы формулируется в виде сообщения тому суду (судье), который назначил экспертизу [339, с. 97].

Кроме указанных случаев реализации экспертом права отказаться от дачи заключения, Т.А.Лилушвили предлагает предоставить эксперту право отказаться от дачи заключения и в тех случаях, когда отсутствует научно разработанная методика исследования и обнаружения фактов. Право отказа от дачи заключения эксперт обязан реализовывать и в тех случаях, когда поставленный перед ним вопрос выходит за пределы его специальных знаний. Отказ от дачи заключения эксперт обязан мотивировать [340, с. 118].

Наряду с рассмотренными случаями, когда эксперт вправе отказаться от дачи заключения, в юридической литературе существует мнение о предоставлении эксперту данного права в случае отказа стороны (сторон) предварительно оплатить производство экспертизы. Однако, выступая за предоставление эксперту права отказаться от дачи заключения по указанной

причине, авторы этой идеи на последующих страницах работы предлагают в данном случае либо дополнить ст.229 ГПК пунктом, где указать, что суд оставляет заявление без рассмотрения в случае, если сторона (стороны) не оплатили предусмотренных ст.73 ГПК средств на оплату судебных издержек либо оплатить экспертизу из средств, выделенных из бюджета с последующим взысканием со стороны в пользу государства [342, с. 19]. Думается, что применение последнего варианта в случае возникновения сложностей в оплате экспертизы является наиболее целесообразным.

Пункт 1 ст.13 закона «О судебной экспертизе» предоставляет эксперту право знакомиться лишь с теми материалами дела, которые касаются предмета судебной экспертизы. Это положение не вправе ограничить эксперта, а также лиц, участвующих в деле, в объеме ознакомления с материалами дела. Если, по мнению эксперта, ему необходимо знакомиться со всеми материалами дела, то суд должен предоставить ему такую возможность. В противном случае эксперт вправе отказаться от дачи заключения» [340, с. 122].

Наряду с законодательно – закрепленным правом эксперта получать вознаграждение за производство судебной экспертизы, если ее выполнение не является служебным заданием, необходимо предусмотреть возмещение эксперту расходов, понесенных в связи с явкой в суд (по приезду и найму помещения, суточные и т.п.) [339, с. 97].

Указанное в п.2 ст.13 закона «О судебной экспертизе» право указывать в заключении на выявленные в ходе производства экспертизы факты, имеющие значение для дела и по поводу которых не были поставлены вопросы, поддерживается некоторыми юристами [343, с. 10; 333, с. 275].

По нашему мнению, неограниченная реализация экспертом права экспертной инициативы (право эксперта выйти за пределы поставленных на его разрешение вопросов, если при производстве экспертизы он установил обстоятельства, имеющие значение для дела) может привести к нарушению принципа состязательности гражданского процессуального права. В связи с этим заслуживает поддержки позиция Т.В.Сахновой, полагающей, что пределы

экспертной инициативы должны быть ограничены двумя критериями: юридическим (предмет судебного ведения) и специальным (собственная компетенция) [339, с. 99].

Субъектом процессуальной деятельности может быть и переводчик, особенность гражданской процессуальной правосубъектности которого как лица, содействующего осуществлению правосудия, заключается в том, что гражданское процессуальное законодательство не регламентирует его прав и обязанностей. Статья 167 ГПК, предусматривающая разъяснение переводчику его прав и обязанностей, не содержит их перечень. Между тем правовой статус переводчика как лица, обеспечивающего осуществление принципа национального языка судопроизводства [50, с. 33] и способствующего лучшему разрешению дела и лучшей защите права [344, с. 268], должен быть законодательно закреплен. Необходимо учитывать, что переводчик должен иметь право задавать вопросы с целью уточнения перевода, отказаться от участия в деле, если он не обладает достаточными знаниями языка, необходимого для перевода, а также на вознаграждение за выполненную работу и за издержки, связанные с вызовом в суд.

Переводчик обязан явиться по вызову суда, осуществлять полный и правильный перевод, удостоверить правильность перевода своей подписью в протоколе судебного заседания, проведенного с его участием, и в процессуальных документах, которые вручаются сторонам в переводе на их родной язык, которым они владеют.

Аналогичными обязанностями предлагают наделить переводчика Г.П.Саркисянц [345, с. 64, 67, 68] и авторы проекта ГПК Российской Федерации [335, с. 84].

Л.Н.Ракитина относит переводчика наряду с педагогом и психиатром к специалисту как к субъекту гражданских процессуальных правоотношений, для привлечения которого в гражданском процессуальном законодательстве существуют правовые основания, хотя законодательство не предусматривает

возможности участия специалиста в гражданском судопроизводстве [346, с. 6, 9, 10].

По нашему мнению, переводчик является самостоятельным субъектом гражданских процессуальных правоотношений, поскольку его правовой статус отличен от предлагаемого правового статуса специалиста.

Спорным является вопрос о соотношении правового статуса педагога, психиатра, специалиста и эксперта. Есть определенные основания согласиться с некоторыми авторами, что такие лица, как педагог и психиатр по своему процессуальному положению являются специалистами [346, с. 9, 10; 347, с. 67, 68; 348, с. 161; 349, с. 105], о необходимости участия и законодательной регламентации гражданской процессуальной правосубъектности которых неоднократно указывалось в юридической литературе [350, с. 57; 351, с. 12].

Предложения о законодательном закреплении за специалистом обязанностей явиться в суд, отвечать на поставленные судом вопросы, давать устные или письменные консультации и пояснения, при необходимости оказывать суду техническую помощь являются, по нашему мнению, недостаточными.

Более целесообразным представляется закрепление за специалистом в законодательстве следующих прав: явки по вызову суда и принятие участия в производстве судебного действия, используя свои специальные познания для содействия суду в обнаружении и закреплении доказательств; обращать внимание суда на обстоятельства, связанные с обнаружением и закреплением доказательств; давать пояснения по поводу выполненных им действий.

Специалист вправе знакомиться с протоколом судебного действия, в котором он принимал участие и делать свои замечания для внесения их в протокол; получать вознаграждение в том же порядке и размере, как и эксперты.

Если по причинам, признанным судом неуважительными, специалист не явится по вызову суда или откажется от выполнения своих обязанностей, к нему применяются меры, которые, согласно закону, в аналогичных случаях применяются в отношении эксперта.

Рассмотрение гражданской процессуальной правосубъектности эксперта и специалиста невозможно без их сравнительной характеристики. Эксперт, анализируя предоставленные в его распоряжение объекты, дает заключение, являющееся самостоятельным источником доказательств. Специалист использует свои специальные знания и навыки для содействия суду в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, обращает его внимание на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением доказательств; дает пояснения по поводу специальных вопросов, возникающих при производстве судебных действий. Сведения о фактах, установленных специалистом путем непосредственного наблюдения, фиксируются в протоколе судебного действия. Если же суд интересуют факты и обстоятельства, для установления которых на основе специальных знаний необходимо провести исследование, следует назначить экспертизу. Эксперт имеет дело с уже собранными доказательствами, в результате изучения которых получает новые фактические данные, ранее не известные суду. Исследования же специалистов не имеет доказательственного значения.

Кроме того, деятельность эксперта имеет, как правило, консультативный характер, заключающийся в даче консультаций по вопросам, которые требуют специальных познаний.

Наряду с консультативным характером деятельности специалиста специалисты должны оказывать действенную научно – техническую помощь в получении образцов для сравнительного исследования при назначении экспертизы.

Вместе с тем в юридической литературе определяет следующие отличительные черты в правовом положении между экспертом и специалистом:

- специалист – самостоятельный субъект процесса; его функции отличаются от функций эксперта. Главное для эксперта – добыть новую информацию – фактические данные – доказательство; главное для специалиста – помочь суду: а) в выявлении, фиксации фактических данных; б) в осуществлении конкретного процессуального действия;

- специалист привлекается в процесс для участия в процессуальном действии, осуществляемом судом;
- специалист не проводит специального исследования, направленного на установление новых фактов, до того не известных суду [340, с. 114, 189].

Не вдаваясь в дискуссию об отличительных чертах правосубъектности эксперта и специалиста, необходимо признать, что специалист, в отличие от эксперта, никакого исследования самостоятельно не проводит. Он привлекается лишь для оказания суду научно – технической помощи при производстве им определенных процессуальных действий. В отличие от эксперта, специалист не оценивает фактов и не делает каких – либо выводов о наличии или отсутствии тех обстоятельств, которые не наблюдаются непосредственно в осматриваемых или исследуемых объектах. Если обнаружение или выявление фактических данных, а также оценка обнаруживаемых фактов требует специальных познаний, суд должен назначить экспертизу.

Заключение

Исследование проблем гражданской процессуальной правосубъектности приводит к выводу о том, что институт гражданской процессуальной правосубъектности является фундаментальным институтом гражданского процессуального права, без которого возникновение гражданского процесса, осуществление правосудия по гражданским делам, а также реализация защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов невозможны.

Этот вывод имеет принципиальное значение не только для исследования сущности этого института, но и в связи с предполагаемыми разработками нового гражданского процессуального законодательства, форм судопроизводства ввиду реализации судебной – правовой реформы и приведения судостроительного и процессуального законодательства в соответствие с Конституцией Украины.

Особое значение этот вывод имеет для усовершенствования правового статуса субъектов гражданских процессуальных правоотношений при подготовке проекта ГПК.

Исследование проблем гражданской процессуальной правосубъектности как института гражданского процессуального права позволило определить его содержание как совокупность правоспособности, дееспособности и определенных законом прав и обязанностей, а также полномочий субъектов процессуальной деятельности. С учетом этого делается вывод, что единой правосубъектности для всех участников гражданского процесса не существует, поскольку каждому субъекту присущ специфический комплекс гражданских процессуальных прав и обязанностей. При таком подходе стало очевидным, что в процессуальном законодательстве не следует закреплять правовую регламентацию гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности, а необходимо перейти к закреплению гражданской процессуальной правосубъектности как совокупности определенных прав и обязанностей или полномочий, которые присущи тому или иному субъекту

процессуальной деятельности.

При исследовании проблем гражданской процессуальной правосубъектности изучались как теоретические аспекты указанного института, так практические.

Особое внимание в работе уделено исследованию правосубъектности органов судебной власти, которая определяется компетенцией как совокупностью определенных законом полномочий. При этом сформулированы рекомендации относительно усовершенствования гражданской процессуальной правосубъектности органов судебной власти.

В диссертационном исследовании содержание гражданской процессуальной правосубъектности сторон и третьих лиц изучалось посредством анализа прав и обязанностей указанных субъектов, лежащих в основании принципов состязательности и диспозитивности гражданского процессуального права, в результате чего предлагается усовершенствовать некоторые элементы гражданской процессуальной правосубъектности указанных субъектов гражданских процессуальных правоотношений в сторону усиления состязательных и диспозитивных начал гражданского судопроизводства.

В работе нашли отражение практически все важные аспекты гражданской процессуальной правосубъектности, анализ теории вопроса, на основе чего даны рекомендации по дальнейшему совершенствованию гражданского процессуального законодательства, что может быть использовано при разработке проекта нового Гражданского процессуального кодекса Украины.

Таким образом, диссертационное исследование, имеющее своим предметом комплексный институт гражданского процессуального права, отразив исследование догмы права и техники юриспруденции, позволило определить неполноту правовой доктрины и недостатки действующего законодательства в сфере реализации института гражданской процессуальной правосубъектности.

Кроме того, данное исследование позволило наметить и новые актуальные проблемы, которые не были предметом специального исследования, однако имеют значение для обоснования более общих проблем функционирования

правосудия по гражданским делам, а также возникновения, изменения или прекращения гражданских процессуальных правоотношений в целом.

Список использованной литературы

1. Комаров В.В., Радченко П.И. Цивільні процесуальні правовідносини та їх суб'єкти: Навч. пос. - К.: УМК ВО, 1991. - 103 с.
2. Штефан М.И. Правосубъектность социалистических торговых организаций в гражданском судопроизводстве. - К.: 1977. - 140 с.
3. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Госюриздат, 1940. - 378 с.
4. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Госюриздат, 1950. - 367 с.
5. Венедиктов А.В. Органы управления государственной социалистической собственностью //Советское государство и право. - 1940. № 6. - С. 24-52.
6. Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1958. - 511 с.
7. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении //Очерки по гражданскому праву. Сборник статей. - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1957. - 292 с.
8. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: Учебник для юридических институтов и факультетов. - М.: Высшая школа, 1968. - Том 1. - 519 с.
9. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1948.- 840 с.
10. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Издательство АН СССР, 1958. - 187 с.
11. Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений //Советское государство и право. - 1955. - №6. - С. 17-29.
12. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М.: Юридическое издательство, типография МИД СССР, 1948.- 336 с.
13. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. - М.: Госюриздат, 1958.- 183 с.
14. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967.- 494 с.

15. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. - 381 с.
16. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск: 1972. Том 1. – 396 с.
17. Гражданское право: Учебник: Под ред. Н.Д.Егорова. – Санкт-Петербург: Теис, 1996.- 550 с.
18. Гражданское право: Учебник: Под ред. проф. А.А.Пушкина. – Харьков: Основа, 1996. Часть 1.- 436 с.
19. Копейчиков В.В. Теорія держави і права. - К.: Юрінком, 1995.- 430 с.
20. Общая теория права и государства: Учебник: Под ред. проф. В.В.Лазарева. - М.: Зерцало, 1994.- 620 с.
21. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: Посібник для студентів спеціальності “Правознавство” 2-ге вид. - К.: 1994. – 235 с.
22. Скакун О.Ф., Подберезовский Н.И. Теория государства и права: Учебник. – Харьков: 1997. – 496 с.
23. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959.- 86 с.
24. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. – М.: Госюриздат, 1962.- 213 с.
25. Бабаев В.И. Теория современного советского права. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РСФСР, 1991.- 156 с.
26. Бохрах Д.Н. Административное право: Учебник. – М.: БЕК, 1996.- 368 с.
27. Петров Г.И. Советские административно – правовые отношения. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972.- 157 с.
28. Сергун А.К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГПК) //Вопросы науки советского процессуального гражданского права: Труды ВЮЗИ. – Том 38. – Москва: Издательство Московского университета, 1975.- С. 72 - 103.
29. Советское административно – процессуальное право: Под ред. Я.З.Лившица. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976.- 176 с.
30. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962.- 68 с.

31. Богдан И.И. Правосубъектность органов финансового управления в советском гражданском процессе //Вестник Львовского университета. – Вып.21. Сер. юрид., 1982.- С. 64-73.
32. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. – М.: Издательство Московского университета, 1967. - 119 с.
33. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. – М.: Юридическая литература, 1968. - 143 с.
34. Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1966.- 190 с.
35. Штефан М.Й. Цивільний процес. Підруч. для юрид. спеціальностей вищих закладів освіти: - К.; Ін Юре. - 1997. – 607с.
36. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. – М.: Юридическая литература, 1966. – 168 с.
37. Якубов С.А. Субъекты советского гражданского процессуального права. – Ташкент: ФАН, 1973. – 340 с.
38. Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. – М.: Наука, 1969.- 247 с.
39. Шакарян М.С. Понятие субъектов гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация //Вопросы гражданского процессуального права. - Труды ВЮЗИ. – М: 1971. - Том.17. – С. 70 - 166.
40. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения: Автореф. дисс.... докт. юр. наук. – М.: 1972. – 42 с.
41. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. - 351 с.
42. Тертишников В.І. Принципи цивільно – процесуального права: Текст лекцій. – Харків: Юридичний інститут.- 20 с.
43. Козлов А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского процессуального права. – Томск: Издательство Томского университета, 1983.- 165 с.
44. Штефан М.И. Проблемы совершенствования правового регулирования

гражданских процессуальных правоотношений //Актуальные проблемы формирования правового государства: Краткие тезисы докладов и научных сообщ. Республиканской научной конференции 24-26 октября 1990г.: Харьков: Юридический институт, 1990. - С. 253 - 254.

45. Михеєнко М.М., Молдован В.В., Ралзієвська Л.К. Порівняльне судове право. – К.: Либідь, 1993.- 235 с.

46. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1982.- 152 с.

47. Комаров В.В., Радченко П.І. Суб’єкти цивільного процесуального права: Текст лекцій. —Харків: Юридичний інститут, 1990.- 51 с.

48. Кац С.Ю. Сущность гражданских процессуальных правоотношений и их место в системе правоотношений //Вопросы государства и права развитого социалистического общества: Тезисы республиканской научной конференции. – Харьков: Юридический институт, 1975.- С. 98 – 100.

49. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987.- 103 с.

50. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1965.- 74 с.

51. Цивільне процесуальне право України: [Підруч. для юрид. вузів і фак. /В.В.Комаров, В.А.Бігун, П.І.Радченко та ін.]; За ред. В.В.Комарова. – Харків: Основа, 1992. – 416 с.

52. Ванеева Л.А. Гражданские процессуальные правоотношения. – Владивосток: 1974.- 23 с.

53. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР: Под ред. проф. М.К.Треушникова. – М.: Спарк, 1996. – 573 с.

54. Васильченко Н.В. Процессуальное положение ответчика в гражданском судопроизводстве. – Харьков: Вища школа, 1979.- 88 с.

55. Сибилев Д.М. Третьи лица в гражданском судопроизводстве //Проблемы совершенствования украинского законодательства и повышения эффективности

- правоприменительной деятельности: Тематич. сб. науч. тр. /Отв. ред. Н.И.Панов. – Харьков: Национальная юридическая академия Украины, 1997. - С. 145 - 168.
56. Гражданский процесс: Под ред. проф. Ю.К.Осипова. – М.: Бек, 1996. – 467 с.
57. Гражданский процесс: Под ред. проф. Ю.К.Осипова. – М.: Бек, 1995. – 460 с.
58. Курс советского гражданского процессуального права. – М.: Наука, 1981. Том 1.- 463 с.
59. Гражданский процесс: Под ред. проф. М.С.Шакарян. – М.: Юридическая литература, 1993.- 520 с.
60. Тертишников В.І. Цивільні касаційні процесуальні правовідносини //Сборник кратких тезисов и научных сообщений научно – практической конференции по итогам научно – исследовательских работ, выполненных профессорско – преподавательским составом Украинской государственной юридической академии в 1993 году /Под ред. проф. Панова Н.И. – Харьков: 1994. - С. 136 - 137.
61. Тертышников В.И. Гражданский процессуальный кодекс Украины: Научно – практический комментарий. – Харьков: Консум, 1997. – 528 с.
62. Барейбойм П. Божественная природа судебной власти //Российская юстиция.- 1996. - №1. - С. 21-23.
63. Барейбойм П. Александр Мень: от религии к правовым идеям //Российская юстиция. – 1996. - №9. - С. 9-11.
64. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М.: Городец, 1997. – 318 с.
65. Комаров В.В. Судова система України потребує реформування //Урядовий кур'єр. – 1994. - 1 вересня. - С. 3.
66. Малярєнко В. Актуальні проблеми становлення судової влади в Україні //Право України. – 1996. - №1. - С. 31-37.
67. Марочкин И.Е. Независимость судебной власти //Проблемы государства и права Украины: Тематический сборник научных трудов. – К.: 1992. - С. 21-24.
68. Цвик М.В., Дашковская Е.Р. О современной трактовке теории разделения

- властей //Проблемы законности: Республиканский межведомственный научный сборник. - Вып.28. – Харьков: Основа, 1993. - С. 10-17.
69. Шишкін В.І. Конституційні напрямки розвитку структури системи правосуддя України //Вісник академії правових наук України. – Харків: 1996. - №7. - С. 78-87.
70. Цвик М.В. Теоретические аспекты разделения властей //Сборник кратких тезисов и научных сообщений научно – практической конференции по итогам научно – исследовательских работ, выполненных профессорско – преподавательским составом Украинской юридической академии в 1992г. – Харьков: 1993. - С. 26-28.
71. Комаров В.В. Предмет цивільного процесуального права: Текст лекції. – Харків: Юридична академія, 1992. – 45 с.
72. Ржевский В., Чепурнова Н. Судебная власть в конституционной системе разделения властей //Российская юстиция. – 1997. - №3. - С. 3-4.
73. Давиденко Г. Правосуддя за вимогами Конституції //Юридичний вісник. – 1996. - №44. - С.4.
74. Теребилов В.И. Судебно – правовая реформа //Законность. – 1996. - №3. - С. 39-42.
75. Грошевий Ю.М., Марочкін І.Є. Органи судової влади в Україні. – К.: Ін Юре, 1997. – 20 с.
76. Цихоцкий А.В., Черненко А.К. Судебная власть в условиях действия новой Конституции Российской Федерации. – Новосибирск: 1995. – 43 с.
77. Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе: Автореф. дисс.... канд. юр. наук. – Саратов: 1996. – 20 с.
78. Чечина Н.А. Основные направления развития гражданского процессуального права //Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль: Издательство Ярославского государственного университета, 1978. - С. 107-118.
79. Пелевин С.М. Критерии подведомственности гражданских дел //Правоведение. – 1990. - №1. - С. 80-84.

80. Полянчуков И.В. Подведомственность гражданско – правовых споров. Перспективы развития //Правоведение. – 1993. - №2. - С. 97-100.
81. Дружков П.С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства: Автореф. дисс.... канд. юр. наук. – Свердловск: 1966. – 22 с.
82. Дружков П.С. Понятие и виды подведомственности споров о праве и иных правовых вопросов //Вопросы советского государства и права. – Томск: Изд-во Томского университета, 1966. - С. 156-167.
83. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: Автореф. дисс.... докт. юр. наук. – Свердловск: 1974. – 35 с.
84. Словарь терминов по теории государства и права: Учебное пособие: Рук. авт. Н.И.Панов. – Харьков: Основа, 1997. – 180 с.
85. Юридический энциклопедический словарь: Под. ред. А.Я.Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 414 с.
86. Юридическая энциклопедия: Под общ. ред. М.Ю.Тихомирова. – М.: Юринформцентр, 1997. – 525 с.
87. Авдеенко Н.И. Общие правила определения судебной подведомственности //Вопросы государства и права. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. - С. 134-157.
88. Советское гражданское процессуальное право: Учебник. – М.: Высшая школа, 1964. – 535 с.
89. Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе //Вопросы государства и права: Ученые записки Дальневосточного государственного университета. – Владивосток: 1969. Том 31. – Часть 1. – С. 1-163.
90. Тараненко В., Шакарян М. Научно – практический комментарий к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик //Советская юстиция. – 1963. - №14. - С. 28-29.
91. Тимченко П.М. Проблеми судової підвідомчості: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Харків: 2000. – 19 с.

92. Бойко В. П'ята річниця судової влади //Юридичний вісник України. – 1997. - №51. - С. 2.
93. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. – М.: Наука, 1991. – 208 с.
94. Притика Д. Конституційні засади правосуддя і розвиток господарського судочинства //Право України. – 1997. - №8. - С. 11-13.
95. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Т. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека //Государство и право. – 1997. - № 8. - С. 44-50.
96. Нажимов В.П. Понятие и виды правосудия //Вопросы современного развития советской юридической науки: Научная конференция, посвященная 50-летию Советского государства и права: Л.: 1968. - С. 114.
97. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: Учебное пособие. – Свердловск: 1973. – 122 с.
98. Покровській І.А. Історія римського права. – Петроград.: Право. – 1917. – 208 с.
99. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 407 с.
100. Шишкін В.І. Деякі аспекти у проблематиці розвитку системи правосуддя в Україні //Ідеологія державотворення в Україні: історія і сучасність. Матеріали науково – практичної конференції 22-23 листопада 1996р. – К.: Генеза, 1996. - С. 224-225.
101. Васьковській Е.В. Учебникъ гражданского процесса. – М.: Изданіе Бр. Богимоновыхъ, 1914. – 572 с.
102. Зезюлин Б.М. Компетенция прокуроров по осуществлению высшего надзора за точным исполнением законов: Автореф. дисс.... канд. юр. наук. - М.: 1976. – 22 с.
103. Топорин В. Суд и разделение властей //Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. - №6. - С. 26-28.
104. Пахолук Л. Суди з предметною спеціалізацією в історії судоустрою України //Право України. – 1997. - №7. - С. 62-64.

105. Бойко В. Права людини – під захист суду //Юридичний вісник України. - 1997. - №24. - С. 4.
106. Титов М. Деякі нотатки про судову владу //Право України. – 1997. - №11. - С. 81 – 83.
107. Нимченко В. Закон «О судоустройстве». Каким ему быть? //Закон и бизнес. – 1997. - №7. - С. 3.
108. Омеляненко Г.М. Проблеми формування органів судової системи за новою Конституцією України: історія і сучасність //Ідеологія державотворення в Україні: історія і сучасність. Матеріали науково – практичної конференції 22-23 листопада 1996р. – К.: Генеза, 1996. - С. 222-223.
109. Грошевой Ю.М., Хотенец В.М. К вопросу о месте хозяйственных судов в судебной системе //Ідеологія державотворення в Україні: історія і сучасність. Матеріали науково – практичної конференції 22-23 листопада 1996р. – К.: Генеза, 1996. - С. 9.
110. Притика Д.М. Правові питання організації та компетенції юрисдикційних органів по вирішенню господарських спорів (на матеріалах арбітражної практики): Дис.... канд. юр. наук у формі доповіді, яка виконує функції автореферату. – К.: 1993. – 56 с.
111. Бушманов А. Судейское сообщество претендует на власть //Российская юстиция. – 1997. - №8. - С. 9-10.
112. Стефанюк В. Слово и дело о независимости судейства //Закон и бизнес. - 1997. - №50. - С. 8.
113. Стефанюк В. Третья власть на пути становления и реформирования //Закон и бизнес. – 1997. - №38. - С. 3.
114. Стретович В. Слухання справи “про незалежну судову владу” продовжується //Юридичний вісник України. – 1996. - №26. - С. 16.
115. Васильев С.В. Полномочия судьи арбитражного суда //Всеукраїнський науково-практичний семінар “Судово – правова реформа”: Тези доповідей та наук. повідомлень. 23 травня 1995р. – Харків: Національна юридична академія України. - 1995р. - С. 24-25.

116. Калмацкий В.С. Суд второй инстанции в советском гражданском процессе: Учебное пособие. – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета, – 1978. – 83 с.
117. Пучинский В.К. Кассационное производство в советском гражданском процессе. – М.: Издательство Университета дружбы народов имени Партиза Лумумбы, – 1973. – 37 с.
118. Лазарев Б.М. Компетенция органа государства: права и обязанности или правоспособность //Советское государство и право. – 1968. - №7. - С. 27-36.
119. Воложанин В. Разграничение подведомственности товарищеских и народных судов по гражданским делам //Советская юстиция. – 1965. - №14. - С. 10-12.
120. Масленникова Н.И. Стадии гражданского процесса как социально – управленческие циклы //Реализация процессуальных норм органами гражданской юрисдикции: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: 1988. - С. 8-21.
121. Вісник Конституційного Суду України. - 1998. - №1. - С. 33-35.
122. Тимченко П.М. Проблемы судебной подведомственности: Дисс. ... канд. юр. наук. – Харьков: 2000. – 173 с.
123. Чечот Д.М. Административная юстиция (Теоретические проблемы). - Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1973. – 134 с.
124. Тищенко Н.М. Административно – процессуальный статус гражданина Украины: проблемы теории и пути совершенствования. – Харьков: Право, 1998. – 119 с.
125. Угриновська О.І. Судовий захист суб’єктивних прав громадян у сфері адміністративно - правових відносин: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Львів: 2000. – 19 с.
126. Стефанюк В. Судовий контроль за діяльністю органів державної влади //Право України. – 1998. - №3. – С.3-8.
127. Удальцова И.В. Проблема судебного признания гражданина органично дееспособным или недееспособным: Учебное пособие. - Харьков: Национальная

юридическая академия Украины. 1999. – 44 с.

128. Бюлетень законодавства і юридичної практики України. – 1998. - №8. - С. 124-141.

129. Пастухов М.И. Конституционный Суд Республики Беларусь: на пути становления //Государство и право. – 1995. - №8. - С. 74 - 82.

130. Лузин В.В. А.Бланкагель: «Детство, отрочество, юность» Российского Конституционного Суда //Государство и право. – 1998. - №4. - С. 111 - 113.

131. Тодика Ю., Марцеляк О. Конституційний Суд України в механізмі забезпечення основних прав і свобод громадян //Вісник Академії Правових наук України. – 1997. - №4 (11). - С. 30 - 400.

132. Цель правосудия и права человека //Голос Украины. - 1998г. - 15 декабря. - №240. - С. 10 - 11.

133. Ведомости Верховного Совета Украины. – 1996. - №49. - ст. 272.

134. Скомороха В. Деякі питання конституційного провадження //Право України. – 1998. - №9. - С. 5 – 9.

135. Овсепян Ж. Субъекты права на обращение в Конституционный Суд //Российская юстиция. – 1996. - №1. - С. 10 - 13.

136. Коментар до Конституції України. – К.: 1996. – 376 с.

137. Офіційний Вісник України. – 1998. - №1. - ст. 25.

138. Тихий В.П. Деякі проблеми конституційної юрисдикції в Україні //Правова держава Україна: проблеми, перспективи розвитку. Краткі тези доповідей та наукових повідомлень науково – практичної конференції 11 листопада 1995р. – Харків: 1995. - С. 298 - 300.

139 Роз'яснення президії Вищого арбітражного суду України від 8 лютого 1996р. № 02-5/62 “Про деякі питання підвідомчості справ арбітражним судам” //Бюлетень законодавства і юридичної практики України. – 1998. - №3. - С. 213 - 222.

140. Система судов общей юрисдикции: настоящее и будущее //Российская юстиция. – 1998. - №10. - С. 5 - 8.

141. Кривенко В.В., Ярема А.Г. До питання про судоустрій України //Вісник

Верховного Суду України. – 1998. - №2 (8). - С. 11 - 14.

142. Сібільова Н.В. Принципи побудови судової системи України //Матеріали науково – практичної конференції “Теоретичні та практичні питання реалізації Конституції України: проблеми, досвід, перспективи.” 25 червня 1997р., Київ – Харків: Право, 1998. - С. 205 – 206.

143. Шевчук П.І. До питання створення та дії апеляційних судів у судовій системі України //Адвокат. – 1998. - №2. - С. 42 - 45.

144. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.-1996. - №12. - С. 1-3.

145. Конституції нових держав Європи та Азії /Упоряд. С.Головатий. – К.: Українська Правнича Фундація: Видавництво “Право”. – 1996. – 544 с.

146. Бигун В.А., Котенко В.Д. Совершенствование законодательства о возбуждении гражданского дела и подготовке его к судебному разбирательству //Проблеми держави і права України: Тематичний збірник наукових праць. – К.: УМК ВО. – 1992. - С. 136 - 138.

147. Пушкар Є. Практика порушення цивільних справ у суді потребує вдосконалення //Радянське право. – 1986. - №11. - С. 18 - 26.

148. Пушкар Е.Г. Некоторые вопросы совершенствования законодательства о возбуждении гражданских дел в судах //Проблемы социалистической законности. – 1989. - №24. - С. 56 - 63.

149. Червякова С.В. Вопросы возбуждения и подготовки гражданских дел в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР //Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: 1982. – С. 116 - 121.

150. Бюллетень законодавства і юридичної практики України. – 1995 р. - №1. – С. 214 – 246.

151. Орлова Л.М. Как предъявить иск в суде. – Минск: Издательство Белорусского университета, 1979. – 43 с.

152. Удальцова І.В. Окреме провадження та проблеми визнання громадянина обмежено дієздатним чи недієздатним: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Харків: 1999. – 20 с.

152. Гапеев В., Ковалев В. Правовые последствия возбуждения дела в гражданском судопроизводстве // Советская юстиция. – 1981. - №21. - С. 5 - 7.
153. Лапин Б.Н. Теоретические и практические проблемы повышения эффективности подготовки гражданских дел к судебному разбирательству // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. - С. 137 - 153.
154. Российская юстиция. – 1997. - №7. – С. 5-6
155. Муравьева А.С. Проблемы судебного разбирательства // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. - С. 153 - 178.
156. Трубников П.Я. Защита гражданских прав в суде. – М.: Юридическая литература, 1990. - 221 с.
157. Практикум по гражданскому процессуальному праву: Под ред. М.К.Треушникова. – М.: Издательство Московского университета, 1991. - 268 с.
158. Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. – М.: Юридическая литература, 1958. – 199 с.
159. Гапеев В. Последствия неявки сторон в судебное заседание по гражданским делам // Советская юстиция. – 1985. - №15. - С. 23 - 25.
160. Трубников П.Я. Защита гражданских прав в суде. – М.: Юридическая литература, 1973. – 320 с.
161. Василюскас Ю.Ю. Приостановление производства по гражданскому делу в советском гражданском процессе как процессуальная гарантия защиты субъективных прав // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: Межвузовский тематический сборник. – Ярославль: Издательство Ярославского университета, 1981. - С. 32 - 44.
162. Шевчук П.І., Кривенко В.В., Ярема Г.А. Проблеми судово – правової реформи // Вісник Верховного Суду України. – 1997. - №1 (3). - С. 36 - 39.
163. Архив Артемовского районного суда Донецкой области. - Дело № 2-651-1998. – 45 с.
164. Трубников П.Я. Судебное разбирательство гражданских дел. – М.:

Госюриздат, 1962. – 102 с.

165. Гурвич М.А. Судебное решение (теоретические проблемы).-М.: Юридическая литература, 1976. – 174 с.

166. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, съ изложениємъ разсуждений, на коихъ они основаны. – Ч. 1. – Санктпетербургъ, 1864. – 690 с.

167. Ведомости Верховной Рады Украины. - 2000г. - №13. - ст.105.

168. Гражданский процесс: Учебник для юрид. вузов: Под ред. проф. М.К.Треушникова. - М.: Новый юрист, 1998. – 512 с.

169. Чуйков Ю.Н. Предпосылки права на кассационную жалобу и условия его осуществления //Проблемы социалистической законности. – 1978. - №3. - С. 58-66.

170. Пучинский В.К. Кассационное производство в советском гражданском процессе. – М.: 1973. – 36 с.

171. Лесницкая Л.Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. – М.: Госюриздат. – 1962. – 132 с.

172. Курс советского гражданского процессуального права. – М.: Наука, 1981. Том 2. – 510 с.

173. Комиссаров К.И. Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе. – М.: Юридическая литература, 1961. – 105 с.

174. Тертишников В. Повноваження суду касаційної інстанції потребують вдосконалення //Радянське право. – 1989. - №10. - С. 35-37.

175. Алиэскеров М. Пределы рассмотрения дела кассационной инстанцией //Российская юстиция. – 1997. - №6. - С. 22-24.

176. Кац С. Розвиток демократичних принципів касації за радянським правом (1917-1924рр.) //Радянське право. – 1973. - №3. - С. 88-91.

177. Бюллетень законодавства і юридичної практики. - 1995р. - №1. – 420 с.

178. Грицанов А.С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. – Томск: Издательство Томского университета, 1980. – 155 с.

179. Мельник Є.Ф. Касаційне оскарження судових рішень у цивільних справах. – К.: Видавництво АН УРСР. – 1959. – 153 с.

180. Цивільне процесуальне право України: [Підручник для юрид. вузів і фак. /В.В.Комаров, В.І.Тертишніков, Є.Г.Пушкар та ін.]; За ред. В.В.Комарова. – Харків: Право, 1999. – 590 с.
181. Свиначук В. Роль кассационной инстанции в правильном разрешении гражданских споров //Социалистическая законность. - 1983. - №6. - С. 25-26.
182. Грицанов А.С. Вопросы теории и практики кассационной проверки судебных решений: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Томск: Издательство Томского университета. – 1971. - 20 с.
182. Елизаров Н.П. Основания к отмене судебных решений в кассационном и надзорном порядке в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Саратов: 1970. – 19 с.
183. Вахитов Ш., Калмацкий В. Проверка судом второй инстанции законности применения норм права по гражданским делам //Советская юстиция. – 1977. - №10. – С. 9-10.
184. Молчанова З., Тертишніков В. Підстави до скасування рішення суду в касаційному порядку //Радянське право. – 1986. - №5. – С. 31 - 33.
185. Соловьева Л. О некоторых вопросах, связанных с рассмотрением дел в кассационной инстанции //Хозяйство и право. – 1997. - №1. - С. 125 - 131.
186. Комаров В.В. Цивільне процесуальне право України: практика застосування /Навчальний посібник для юридичних вищих навчальних закладів і факультетів. – Харків: Основа, 1993. – 228 с.
187. Лесницкая Л.Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. – М., Юридическая литература, 1974. – 188 с.
188. Калмацкий В. Указания суда второй инстанции по гражданским делам //Советская юстиция. – 1981. - №5. - С. 23-24.
189. Малинникова Л. Розгляд цивільних справ у касаційному порядку //Радянське право. – 1986. - №4. – С. 32-36.
190. Тихиня В.Г., Тихонович В.В. Как обжаловать постановление суда по гражданским делам. – Минск: Издательство Белорусского университета, 1981. - 112 с.

191. Борисова Е.А. Апелляция в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Городец. – 1997. – 160 с.
192. Борисова Е. Апелляционное производство //Российская юстиция. – 1994. - №5. - С. 44-47.
193. Михеєнко М., Шишкін В. Апеляційне провадження як резерв змагальності в судах другої інстанції //Право України. – 1995. - №1. - С. 20-24.
194. Штефан М.Й. Концептуальні положення правового регулювання апеляційного і касаційного провадження в новому ЦПК України //Вісник Академії правових наук України. – 1995. - №2. - С. 154-162.
195. Загребнев С. Апелляционная и кассационная инстанции арбитражных судов: общее и различие //Хозяйство и право. – 1997. - №2. - С. 101-110.
196. Малярєнко В.Т. Конституційні засади кримінального судочинства. - К.: Юрінком Інтер, 1999. - 318 с.
197. Штефан М.Й. Концептуальні питання апеляційного провадження в цивільному процесі України //Вісник Академії правових наук України. – 1995. - №4. - С. 93-97.
198. Полонский Б. Пересмотр дел в порядке надзора в арбитражном суде //Закон. – 1998. - №8. - С. 116-119.
199. Шакарян М. ГПК необходимо пересмотреть //Российская юстиция. – 1994. - №4. - С. 27-30.
200. Банченко – Любимова К.С. Пересмотр судебных решений в порядке надзора. – М., Госюриздат. – 1959. - 104 с.
201. Трубников П. Судопроизводство в надзорной инстанции //Законность. – 1997. - №10. - С. 13-20.
202. Кожемякин А.Ю. О правовой природе полномочий суда, рассматривающего гражданское дело в порядке надзора //Проблемы социалистической законности, 1985г., Вып. 16. - С. 136-139.
203. Москвин С.С. Пересмотр решений и определений по гражданским делам президиумами судов. – М.: Госюриздат, 1962. - 166 с.
204. Трубников П.Я. Надзорное производство по гражданским делам. – М.:

- Юридическая литература, 1967. - 144 с.
205. Бюллетень законодавства і юридичної практики України. – 1999. - №5. - С. 84-90
206. Кац С.Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. – М.: Юридическая литература, 1980. - 208 с.
207. Трубников П.Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора. – М.: Юридическая литература, 1974. - 240 с.
208. Цивільне процесуальне право України [Підручник для юридичних вузів і факультетів /В.В.Комаров, В.І.Тертишніков, Є.Г.Пушкар та ін.]; За ред. проф. В.В.Комарова. – Харків: Право. – 1999. – 592 с.
209. Сборник Кодексов Российской Федерации. Издание седьмое. – М.: Филинь. – 1998. – 503 с.
210. Сібільов Д.М. Участь третіх осіб у цивільному судочинстві: Автореф. дис.... канд. юр. наук. – Харків: 1998. – 19 с.
211. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: Учебник. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 403 с.
212. Гетманцев О.В. Громадяни як сторони у цивільному процесі України: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Київ: 1997. – 23 с.
213. Шишкин С.А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве: Пособие. - М.: Городец, 1997. - 192 с.
214. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов: 1970. – 200 с.
215. Жеруолис И.К. Сущность советского гражданского процесса. – Вильнюс: Издательство «Минтис», 1969. – 204 с.
216. Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон. – М.: Наука, 1973. - 162 с.
217. Основные принципы гражданского процесса: Под ред. М.К.Треушникова, З.Чешки. – М.: Издательство Московского университета, 1991. - 144 с.
218. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. – М.: Юридическая литература, 1982. - 152 с.

219. Матиевский М.Д. Спор о праве в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Москва: 1978.- 25 с.
220. Пушкар Е.Г. Право на обращение в суд за судебной защитой: Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. – Киев: 1984. – 36 с.
221. Джалилов Д.Р. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. - Душанбе: Ирфон, 1965. – 68 с.
222. Якубов С.А. Права и обязанности сторон в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Ленинград: 1961. – 15 с.
223. Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – 159 с.
224. Аргунов В.Н. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – М.: 1980. – 18 с.
225. Комаров В.В., Радченко П.І. Участь третіх осіб та прокурора у цивільному судочинстві: Текст лекції. – Харків: Юридичний інститут, 1991. – 64 с.
226. Аргунов В. Участие в гражданском процессе третьих лиц с самостоятельными требованиями //Советская юстиция. – 1982.-№8. - С. 30-31.
227. Шакарян М.С. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе: Лекция. – М.: ВЮЗИ, 1990. – 33 с.
228. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М.: 1970. – 213 с.
229. Ильинская И.М. Участие третьих лиц в гражданском процессе. – М.: Юридическая литература, 1962. – 82 с.
230. Аргунов В. Участие в гражданском процессе третьих лиц с самостоятельными требованиями //Советская юстиция. – 1978 - №18. - С. 9 - 10.
231. Викут М.А. Третьи лица в советском гражданском процессе //Уч. зап. Саратовского юридического института, Вып.7, - Саратов – 1959. – С. 68 - 97.
232. Клейнман А.Ф. Участие третьих лиц в гражданском процессе. – Иркутск, Издательство Иркутского университета, 1927. - 83 с.
233. Карева Т.Ю. К вопросу об участии в гражданском процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора //Субъективное

- право: проблемы осуществления и защиты. – Владивосток: 1989. - С. 122 - 136.
234. Аверин А. Права и обязанности сторон в суде //Советская юстиция. – 1993. - №20. - С. 22-23.
235. Коваленко А.Г. Исследование средств доказывания в гражданском судопроизводстве. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. – 96 с.
236. Курьлев С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1956. - 187 с.
237. Мамницкий В.Ю. Участие сторон в производстве по делу в суде первой инстанции как элемент содержания принципа состязательности в гражданском судопроизводстве //Проблеми законності. Респ. міжвідом. наук. зб. /Відп. ред. В.Я.Тацій. – Харків: Національна юридична академія України. – 1998. - С. 112-117.
238. Пятилетов И.М. Распоряжение сторон гражданскими материальными и процессуальными правами в суде первой инстанции: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Москва: 1970. - 23 с.
239. Орлова Л.М. Права сторон в гражданском процессе. – Минск: Издательство Белорусского университета, 1973. – 192 с.
240. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: Учебное пособие. – М.: ВЮЗИ. – 1987. – 77 с.
241. Тараненко В.Ф. Принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе: Учеб. Пособие. – М.: ВЮЗИ, 1990. – 52 с.
242. Захаров В.Н. Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Саратов: 1990. – 23 с.
243. Елисейкин П.Ф. Изменение предмета и основания иска //Советская юстиция. – 1969. - №5. - С. 11-13.
244. Мухамедшин Р.К. Изменение иска в гражданском судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – М.: 1981. – 23 с.

245. Пучинский В.К. Признание стороны в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1955. – 100 с.
246. Бобров М. Правовая природа мировых угод //Радянське право. – 1967. - №9. - С. 44-46.
247. Арапов Н.Т. Встречный иск в советском гражданском процессуальном праве: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Томск: Издательство Томского университета, 1965. – 25 с.
248. Швейцер Д. Встречный иск //Социалистическая законность. – 1957. - №1. - С. 39-45.
249. Пятилетов И.М. Встречный иск – одна из гарантий принципа равноправия сторон //Основы гражданского судопроизводства и развитие гражданского процессуального права и теории /сб. науч. трудов. – М.:1982. - С.37-50.
250. Иванов О.В. Права граждан при рассмотрении гражданских дел. – М.: Юридическая литература, 1970. – 125 с.
251. Пушкар Е.Г. Исковое производство в советском гражданском процессе. – Львов: Вища школа. – 199 с.
252. Туманова Л.В. Актуальные проблемы участия в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, и органов государственного управления, дающих заключение по делу: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Саратов: 1985. – 20 с.
253. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – М.: 1971. – 39 с.
254. Комаров В.В. Правовое положение субъектов в гражданском процессуальном правоотношении //Проблемы правоведения. – 1979. - Вып.40. - С.74.
255. Белоконов В. Розподіл обов'язків по доказуванню в цивільному процесі //Право України. – 1996. - №9. - С. 55-57.
256. Ванеева Л.А. Судебное признание в советском гражданском процессе: Учебное пособие. – Владивосток: 1972. – 132 с.
257. Мухин И.И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в

- уголовном и гражданском судопроизводстве. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. – 107 с.
258. Смышляев Л.П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 46 с.
259. Иванов О.В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе (Лекция для студентов вечернего отделения). – М.: Издательство Московского университета, 1964. – 76 с.
260. Пятилетов И. Право суда выйти за пределы исковых требований //Советская юстиция. – 1978. - №18. – С. 5-7.
261. Ференц – Сороцкий А.А. О преемственности принципов гражданского процесса //Вестник Ленинградского университета. Серия 6. История КПСС, научный коммунизм, философия, право. Вып.4. – 1988. – С. 95-99.
262. Осокина Г. О праве суда выйти за пределы исковых требований //Российская юстиция. – 1998. - №6. - С. 40.
263. Сахнова Т.В. Реформа цивилистического процесса: проблемы и перспективы //Государство и право. – 1997. - №6. - С. 50-56.
264. Коваленко А., Нечаев В. Объяснения сторон как доказательства в гражданском судопроизводстве //Советская юстиция. – 1987. - №7. - С.20-21.
265. Елизаров В. Обязанность доказывания и представления доказательств //Советская юстиция. – 1969. - №7. - С.16-18.
266. Ведомости Верховного Совета Украины. – 1991. - №53. - ст.593.
267. Ворсинов Г.Т. Проблемы исполнения Закона Украины «О прокуратуре» //Закон Украины «О прокуратуре»: теория и практика его применения /Кратк. тез. докл. и науч. сообщ. Республ. научно-практич. конф. 18 марта 1992г. – Харьков: 1992. - С.31-32.
268. Сапунков В.И. Проблемы участия прокурора в рассмотрении в судах гражданских дел //Закон Украины «О прокуратуре»: теория и практика его применения /Кратк. тез. докл. и науч. сообщ. Республ. научно-практич. конф. 18 марта 1992г. – Харьков: 1992. - С.98-99.

269. Вернідубов І., Сапунков В. Чиї інтереси захищає прокурор //Голос України, 1998р. - №107. - С.6.
270. Голощапов С.А. Участие прокурора в советском гражданском процессе в суде первой инстанции: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва: 1955. - 19 с.
271. Ференц – Сороцкий А.А. Прокурор в гражданском судопроизводстве //Правоведение. – 1992. - №4. - С. 91-95.
272. Санжаровская Т.В. К вопросу об участии прокурора в процессе по делам о лишении родительских прав //Материалы вузовской научно-практич. конф. профессорско – преподавательского состава по итогам научно – исследовательской работы: Правоведение. – Донецк: Издательство Донецкого университета, 1997. - С. 65-70.
273. Диордиева О. Возбуждение прокурором гражданских дел в интересах граждан //Законность. – 1998. - №8. - С. 8-10.
274. Вернідубов І. Функції прокуратури на перехідний період //Право України. – 1998. - №2. - С. 7-10.
275. Литвак О.М. Проблеми удосконалення організації і діяльності прокуратури України в умовах судово – правової реформи //Проблеми організації прокуратури й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. – Зб. наук. праць. – Харків: ІПК Генеральної прокуратури України. – 1998. - С. 3-13.
276. Руденко В., Глаговський В. Представництво прокуратурою інтересів громадянина або держави в суді (теоретичний і практичний аспекти) //Право України. – 1997. - №11. - С. 59-63.
277. Чурилов А.В., Гуцин В.З. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве //Государство и право. – 1998. - №5. - С. 58-68.
278. Васильченко Н.М. Возбуждение гражданского дела прокурором //Проблемы социалистической законности. – 1989. - №24. - С. 37-42.
279. Никулин Е. Обращение прокурора в суд для защиты прав и интересов других лиц //Социалистическая законность. – 1980. - №10. - С. 46-48.

280. Марцеляк О.В. Контрольно – наглядові органи в конституційно – правовому механізмі забезпечення основних прав і свобод громадян України: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Харків: 1997. – 22 с.
281. Годика Ю.М., Марцеляк О.В. Конституційний Суд України і прокуратура в конституційно – правовому механізмі забезпечення основних прав громадян. – Харків: Лібра, 1998. – 107 с.
282. Радзієвська Л. До процесуального становища прокурора в радянському цивільному процесі //Радянське право. – 1992. - №4. - С. 41-45.
283. Шумський П.В. Прокуратура України: Навчальний посібник. – К.: Вентурі, 1998. – 336 с.
284. Штефан М.И. Правовое положение прокурора в гражданском судопроизводстве //Закон Украины «О прокуратуре»: теория и практика его применения /Кратк. тез. докл. и науч. сообщ. Республ. научно-практич. конф. 18 марта 1992г. – Харьков: 1992. - С. 94-96.
285. Шумський П. Представництво прокурора в суді //Право України. – 1998. - №2. - С. 24-27.
286. Вайнер Н.Ш. Прокурорский надзор за законностью разрешения судами гражданских дел: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Душанбе: 1970. – 21 с.
287. Евшин А.Г. Участие прокурора в гражданском процессе – важнейшая гарантия защиты конституционных прав граждан //Правоведение. – 1989. -№5. - С. 89-90.
288. Нициевский Л., Карамов С. прокурор в гражданском процессе //Советская юстиция. – 1989. - №10. - С. 22-23.
289. Прокурорський нагляд в Україні: Навч. пос. - Харків: Українська державна юридична академія, 1994. – 119 с.
290. Полянский Ю.Е. Проблемы и тенденции развития прокурорского надзора в Украине //Проблеми організації прокуратури й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. - Зб. наук. праць. – Харків: ПІК Генеральної прокуратури України. – 1998. - С. 38-42.
291. Косюта М. Правове регулювання представницької функції прокуратури

//Право України. – 1997. - №12. - С. 53-57.

292. Юрков Б.Н. Некоторые проблемы взаимосвязи Закона Украины «О прокуратуре» и гражданского процессуального законодательства //Закон Украины «О прокуратуре»: теория и практика его применения /Кратк. тез. докл. и науч. сообщ. Республ. научно-практич. конф. 18 марта 1992г. – Харьков: 1992. - С. 81-83.

293. Закон України про прокуратуру. Науково - практичний коментар //Бакаєв Д.М., Грошевой Ю.М., Долежан В.В. та ін. - Харків: Рита, 1993. – 175 с.

294. Долежан В.В. Шляхи конкретизації представницької функції прокуратури у майбутньому законі України «Про прокуратуру» //Проблеми організації прокуратури й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. – Зб. наук. праць. – Харків: ІПК Генеральної прокуратури України. – 1998. - С. 184-188.

295. Руденко Н. Представительство прокуратуры в суде: украинский вариант //Законность. – 1998. - №7. - С. 46-50.

296. Офіційний вісник України. – 1999. - №15. - ст.614.

297. Пушкар Е.Г. Основания участия прокурора в гражданском процессе //Закон Украины «О прокуратуре»: теория и практика его применения /Кратк. тез. докл. и науч. сообщ. Республ. научно-практич. конф. 18 марта 1992г. – Харьков: 1992. - С. 87-88.

298. Субботін Є., Черв'якова О., Марочкін І. Представницька функція прокуратури //Право України. – 1997. - №11. - С. 63-65.

299. Банченко - Любимова К.С. Участие прокурора в суде первой и второй инстанций по гражданским делам. - М.: Юридическая литература, 1963. – 86 с.

300. Кац С.Ю. Участие прокурора в советском гражданском процессе: Учеб. пособие. – Харьков: 1958. – 62 с.

301. Удальцова И.В. Особое производство и проблема признания гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным: Дисс. ... канд. юр. наук. – Харьков: 1999. – 204 с.

302. Васильев Г.А. Реализация хозяйственного законодательства с помощью средств прокурорского воздействия: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Донецк:

1997. – 19 с.

303. Кривобок В.В. Деякі питання організації та діяльності обласної прокуратури //Проблеми організації прокуратури й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. – Зб. наук. праць. – Харків: ІПК Генеральної прокуратури України, 1998. - С. 29-32.

304. Васильев Г.А. О роли прокуратуры в механизме реализации хозяйственного законодательства // Проблемы организации прокуратуры й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. – Зб. наук. праць. – Харків: ІПК Генеральної прокуратури України, 1998. - С. 33-37.

305. Щур В.Ф. Деякі проблеми реформування органів прокуратури // Проблеми організації прокуратури й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. – Зб. наук. праць. – Харків: ІПК Генеральної прокуратури України, 1998. - С. 70-74.

306. Михайленко О. Проблеми реформування органів прокуратури України //Право України. – 1998. - №1. - С. 78-82.

307. Субботін Є., Черв'якова О. Від загального нагляду - до представництва інтересів громадян та держави в суді (етапи трансформування загальнонаглядової функції прокуратури) //Право України. – 1998. - №5. - С. 63-65.

308. Басков В.И. Прокурорский надзор в СССР: Учебник. - М.: Издательство Московского университета, 1991. – 304 с.

309. Штефан М.И., Дрижчаная Е.Г., Гусев Е.Г. Представительство граждан в суде. - К.: Лыбидь, 1991. – 231 с.

310. Шутенко О.В. Принцип диспозитивности и участие прокурора в гражданском процессе //Проблеми законності. Вип.37. Респ. міжвід. наук. зб. /Відп. ред. В.Я.Таций. - Харків: Національна юридична академія України, 1999. - С. 157-160.

311. Карлин А.Б. Участие прокурора в арбитражном процессе: Учебное пособие. М.: 1997. – 65 с.

312. Сапунков В.И. Процессуальные проблемы представительства прокурором интересов гражданина или государства в суде //Проблеми організації

- прокуратури й оптимізації її діяльності в сучасних умовах. – Зб. наук. праць. – Харків: ІПК Генеральної прокуратури України, 1998. - С. 178-183.
313. Ченцов Н.В. Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве. – Томск: Издательство Томского университета, 1989. – 184 с.
314. Добровольский А.А. Участие органов государственного управления в гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1958. – 163 с.
315. Шихова Т.И. Участие органов социального обеспечения в гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - М.: 1984. – 20 с.
316. Богдан И.И. Участие органов финансового управления в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Киев: 1985. – 25 с.
317. Розенберг Я.А. Участие общественности в советском гражданском процессе. - Рига, 1971. - 63 с.
318. Гражданский процессуальный кодекс УССР. М.: Юридическая литература, 1950. – 135 с.
319. Гражданский процессуальный кодекс: Текст и практический комментарий. Практика Верховных Судов УССР и РСФСР и литература по Гражданскому Процессу по 1 ноября 1925года. - Киев: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1925г. – 366 с.
320. Бырдина С.В. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе: Учебное пособие. – Саратов: 1963. – 20 с.
321. Шакарян М.С. Участие в советском гражданском процессе органов государственного управления: Лекция - М.: 1978. – 36 с.
322. Азимов Ч. Про приватне і публічне право //Право України. – 1995. - №1. - С. 32-34.
323. Притика Д. Арбітражні суди в Україні: історичний нарис та перспективи розвитку. - К.: Ін Юре, 1998. – 45 с.
324. Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. - М.: Издательство Бек, 1995. – 496 с.
325. Киреева Н.А. Участие органов опеки и попечительства в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - М.: 1985. – 20 с.

326. Пункт 6 Положення про обласне, Київське та Севастопольське міське управління у справах захисту прав споживачів //Офіційний вісник України. – 1997. - №39. - С. 94-101.
327. Пункт 6 Положення про Державний комітет у справах прав споживачів //Зібрання постанов Уряду України. – 1994. - №7. - ст.181.
328. Закон України “Про внесення змін та доповнень в Закон Української РСР “Про захист прав споживачів” //Відомості Верховної Ради України. – 1994. - №4. - ст.1.
329. Башкатов Н.И. Участие финансовых органов государства в советском гражданском процессе: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - М.: 1971. – 16 с.
330. Ведомости Верховного Совета Украины. – 1991. - №24. - ст.272.
331. Відомості Верховної Ради України. – 1999. - №45. - ст.397.
332. Ведомости Верховного Совета Украины. – 1992. - №34. - ст.504.
333. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 1997. – 320 с.
334. Стахівський С. Проблеми імунітету свідків у кримінально – процесуальному законодавстві //Право України. – 1996. - №9. - С. 71-73.
335. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (проект). – М.: Городец, 1997. – 236 с.
336. Карнеева Л.М., Кертэс И. Проблемы свидетельского иммунитета //Советское государство и право. – 1989. - №6. - С. 57 – 63.
337. Фокина М., Громов Н., Конев В. Свидетельский иммунитет и его виды в гражданском судопроизводстве //Законность. – 1996. - №4. - С. 41-45.
338. Ведомости Верховного Совета Украины. – 1994. - №28. - ст.232.
338. Зайцев И. Ложь в гражданском судопроизводстве //Советская юстиция. – 1989. - №11. - С. 21-22.
339. Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам: Учебно – практическое пособие. – М.: Бек, 1997. – 278 с.
340. Лилуашвили Т.А. Экспертиза в советском гражданском процессе.- Тбилиси: Мецниереба. – 1967. – 218 с.
341. Васенков В. Допрос эксперта //Социалистическая законность. – 1986. - №9. -

С. 49-50.

342. Гриненко А.Д., Шульженко О.О., Надгорний Г.М. Практика використання в цивільному судочинстві матеріалів судових експертиз //Вісник Верховного Суду України. – 1997. - №3. - С. 13-19.

343. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. – М.: 1996. – 224 с.

344. Рахунов Р.Д. Участники уголовно – процессуальной деятельности. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.

345. Саркисянц Г.П. Переводчик в советском уголовном процессе. – Ташкент: ФАН, 1974. – 89 с.

346. Ракитина Л.М. Участие специалистов в гражданском судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – Саратов: 1985. – 18 с.

347. Стребиж В.В. Участие педагога в допросе несовершеннолетнего //Применение экспертизы и других форм специальных познаний в советском судопроизводстве. – Свердловск: 1984. - С. 67-71.

348. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. – Минск: Издательство Белорусского университета, 1970. – 176 с.

349. Ярков В.В. Сообщение специалиста в гражданском процессе //Применение экспертизы и других форм специальных познаний в советском судопроизводстве. – Свердловск: 1984. - С. 104-109.

350. Надгорний Г., Сегай М., Ісакович Б. Експерт і спеціаліст: проблеми розмежування їх функцій і шляхи її вирішення //Право України. – 1998. - №2. - С. 53-57.

351. Ткачев Н. Осмотр на месте по гражданским делам //Советская юстиция. – 1984. - №1. - С. 12.